

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

*О жизни и творчестве художника Каспара Давида Фридриха
читайте на странице 65.*

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* **Александр Куприн.
«Благословение миру»** 4
- Денис Логинов* **«Подруга весны моей золотой...»** 27

Мир науки

- Евгения Гордиенко* **Голос изобретателя** 21

Звезды не гаснут

- Юрий Осипов* **В зеркале Андрея Тарковского** 40

Это интересно

- Дмитрий Зелов* **В девон — на машине времени** 58

Шедевры

- Ирина Опимах* **Два романтика —
поэт и художник** 65

Замечательные современники

- Елена Воробьева* **Мария Большова: «Я всегда
открыта к предложениям** 77
- Марина Бойкова* **Пришедшие для встречи...** 95
- Андрей Колобаев* **Парень с Арбата** 114

Рассказ

- Юлия Цхведиани* **Печник** 82

Судьбы

- Алла Зубкова* **Жорж Бизе.
Путь к бессмертию** 102

Зеленая панацея

- Степан Кашцев* **Перезвон белых
колокольчиков** 111

Дектектив

- Александр Аннин* **Сокровища Гохрана**..... 126

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

**Обложка
Иллюстрации**

Фотоэтиюд Романа Гордынского
Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8817

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.05.2021

« Зощенко любил соотносить себя с Гоголем. В своих рассказах, написанных языком малограмотных обывателей эпохи нэпа 20-х годов он касался ряда гоголевских тем и сюжетов. Как и Гоголю, критика приписывала ему ограниченную роль комического бытописателя, отказывая при этом в художественном даре писателя. Ну а официозные «борзописцы» того времени клеймили Зощенко «представителем возрождающегося мещанства», смешивая автора с героями его рассказов. Однако защитные механизмы смеха и сегодня охраняют творческое наследие Михаила Зощенко от поверхностных оценок и суждений. Сам же он, по словам одного из его современников, был «добр, ласков и мягок... Он смеется, потому что беззлобен и здоров».

Юрий **Осипов** «Добрый смех Михаила Зощенко»

« Мало кто задумывается над тем, каково было жене литературного гения Льва Толстого прожить почти полвека рядом с, мягко говоря, непростым человеком, родить ему тринадцать детей, терпеть внезапные перепады настроения и патологическое неумение (и нежелание) скрывать свои мысли. Она же терпела, и день за днем длился этот изломанный, кровоточащий брак. На плечах графини был огромный дом в Ясной Поляне, бесконечные хлопоты по хозяйству, воспитание детей – одним словом, все.

Денис **Логинов** «Сиятельная рабыня»

« Судьба подарила этому человеку любовь двух женщин, сыгравших исключительную роль в его жизни. Первая подарила ему тему, которой суждено было красной нитью проходить через все его творчество. Тема прекрасной женщины, страдающей в браке с жестоким, эгоистичным мужчиной, проходит у Джона Голсуорси из романа в роман, начиная от красавицы Ирэн в «Саге о Форсайтах» и кончая Клэр Корвен из его последней книги «Через реку». Вторая нарушила покой семьи и внесла смятение в его размеренную и счастливую супружескую жизнь.

Алла **Зубкова** «Две "богини" в жизни писателя»

« В юности она дрессировала слонов, как и полагается наследнице знаменитой династии дрессировщиков. А потом судьба сделала неожиданный кульбит: Тереза полюбила москвича-журналиста, ради него оставила сцену, получила профессию театрального режиссера и создала свой театр «Театриум». Пусть не на цирковой арене, она продолжает прославлять легендарную цирковую династию Дуровых.

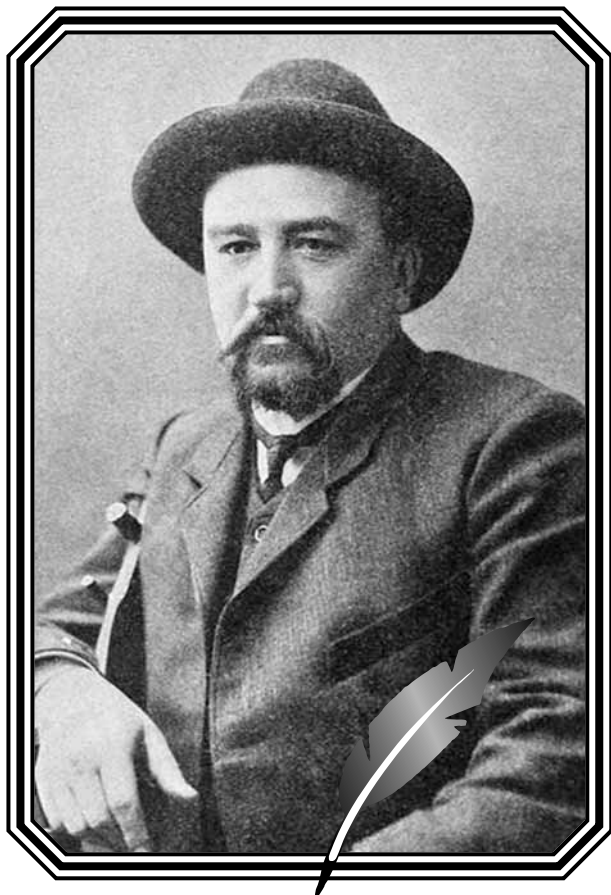
Беседа Марины **Бойковой** с Терезой **Дуровой**

« Детектив Александра **Аннина** «Сокровища Гохрана» (часть II-я)

Александр

Юрий Осипов

Куприн

«Благословение миру»

«Я — Куприн, и всякого прошу это помнить. На ежа садиться без штанов не советую». Так, по воспоминанию Бунина, в моменты гнева, запальчиво, по-звериному щуря и без того небольшие глаза, бормотал Александр Иванович своей обычной армейской скороговоркой, с ударением на последнем слог.

Мемуаристы отмечали, что даже в ту, самую скверную его пору, когда издатели газет, журналов и сборников на лихачах гонялись за ним по ресторанам, где он любил кутить сутками напролет со случайными собутыльниками, и упрашивали его взять тысячерублевый аванс за одно только обещание «не забыть их со следующей вещью», Куприн и тогда, наряду с дерзкой запальчивостью, проявлял немало доброты, застенчивости, мальчишеской простодушности и веселости.

Бывало, он, грузный, большелицый, в ответ на не понравившиеся ему слова кидал зловещим шепотом: «Геть отсюда сей же миг к чертовой матери!» А в следующую минуту уже отходчиво улыбался и смущенно приобнимал обиженного за плечи. Искренность была отличительной чертой этого великолепного, тонкого и глубокого новеллиста, которого можно назвать русским Мопассаном. Только в отличие от Мо-

пассана веселости в нем было куда больше. И — наивности, просто-душия, пусть даже порой наигранных, с которыми Куприн постоянно изъяснялся в своей любви к собакам, к цирку, к Дурову, к Поддубному и — к Пушкину, к Толстому, а еще к Киплингу.

С Киплингом его самого часто сравнивали критики, хотя это сравнение не совсем корректно, если не считать некой общности пути к писательству. Александр Иванович любил подчеркивать, что писателем стал случайно. Служил в полку возле австрийской границы. Службу бросил, но звание офицера считал самым высоким. Жил и охотился в Полесье. Потом за гроши писал, как он сам выражался, «всякие гнусности для одной киевской газетки». Ютился в трущобах среди всякого сброда...

Говорил, рисуясь: «Долго кормился рассказами, которые сбывал за сущие гроши, но легко», а писал «на лету, на бегу, посвистывая». Но при этом точно попадал благодаря своей огромной талантливости во вкус редакторов и читателей. Выйдя из полка, с неутомимой жадностью накинулся на книги и на жизнь... Удивительна та разница, которая была между тем, как Куприн жил, и как писал в зрелую пору. Ведь сильно пил он всегда, умудряясь сохранять полную противоположность между своим житейским существованием и писательством.

Пытаясь объяснить феномен Куприна, ссылаются на «стихийность», «непосредственность» его произведений, на ту «первичность» переживаний, которыми они пленяют. Это так, но и не совсем так. Как, впрочем, и утверждения об отсутствии двойственности в нем и в его героях.

Что представляется бесспорным в творчестве замечательного русского писателя, столь быстро в силу художественного дара набившего руку в литературном мастерстве, — так это «теплая доброта Куприна ко всему живущему», «купринское благословение всему миру». Вот чем отличаются его «Конокрады», «Болото», «На покое», «Река жизни», несравненные «Штабс-капитан Рыбников», «Гамбринус» и пронзительный «Поединок».

Александр Иванович Куприн родился 26 августа 1870 года в Наровчатове, уездном городе Пензенской губернии. Его отец, потомственный дворянин Иван Иванович Куприн, служил чиновником и умер через год после рождения сына. Мать, Любовь Алексеевна Кулунчакова, про-

исходила из рода татарских князей. Похоронив мужа, она переехала в Москву, где прошли годы детства и отрочества будущего писателя.

В шесть лет он был отдан в московскую Разумовскую начальную школу, окончив которую, поступил во Вторую московскую военную

гимназию. Затем было Александровское военное училище. Учеба там впоследствии была описана Куприным в повести «Кадеты» («На переломе») и в романе «Юнкера». В 1890 году Александр Иванович в чине подпоручика был выпущен в 46-й Днепровский пехотный полк, стоявший в Подольской губернии. Армейская молодость дала писателю богатый материал для литературного творчества, но принесла в жизни мало радости, огрубив и приучив к вину.

В 1893–1894 годах в журнале «Русское богатство» появились его повесть «Впотьмах» и рассказы «Лунной ночью», «Дознание». Военная тема в этих ранних произведениях Куприна сразу приобретает трагический оттенок, накладываясь на любовные переживания героев. Примечательно, что повесть «Впотьмах» была экранизирована в 1915 году под названием «Гувернантка». А в 1993 году к ней обратился в двухсерийном фильме «Желание любви» отечественный кинорежиссер В. Георгиев.

Первый успех окрылил молодого автора, и он продолжил освещать неприглядные армейские будни в рассказах «Ночлег», «Ночная смена», «Поход». Уверовав в свою литературную будущность, Куприн в 1894 году выходит в отставку и переезжает в Киев, не имея, в сущности, никакой гражданской специальности. Потому пускается в странствия по России, перепробовав по пути уйму профессий и жадно впитывая жизненные впечатления, из которых ро-

дятся потом его чудесные рассказы и повести.

Первыми ласточками, предвестниками широкой известности писателя стали рассказы «Лесная глушь» и «Оборотень», но, главным образом, повести «Кэт» («Прапорщик армейский») и знаменитая «Олеся», опубликованная в газете «Киевлянин» в 1898 году.

По признанию Куприна, то была одна из его самых любимых вещей. Повесть посвящена трагической любви городского барина Ивана Тимофеевича к юной девушке Олесе, живущей в избушке на окраине глухого Полесья, куда судьба на целых шесть месяцев забросила героя. В селе диковатую «лесную» девчонку, указавшую заблудившемуся в лесу барину дорогу к дому, считают ведьмой и жестоко избивают, когда она приходит на службу в церковь. Ночную грозу с градом, побившим урожай, крестьяне приписывают ее козням и винят за связь с ней заезжего Ивана Тимофеевича.

Повесть была переведена на европейские языки и также удостоилась экранизации в раннем русском кинематографе. В 1958 году по мотивам этого произведения Куприна был снят шведско-французский фильм «Колдунья», где блестяще сыграла звезда экрана русского происхождения Марина Влади. В Советском Союзе картина пользовалась бешеным успехом, прическа «а ля Марина Влади» вошла в моду. Актрисой тогда пленился и Вла-

димир Высоцкий, чьей женой она позднее стала.

Добавим, что как бы ответом на эту картину явилась советская лента 1971 года «Олеся» режиссера Б. Ивченко, в которой главную роль исполнила незабываемая Людмила Чурсина. Захватывающая история любви неграмотной деревенской девушки-колдуньи и городского интеллигента, столь проникновенно рассказанная А. Куприным, продолжает волновать воображение читателей.

«Любовь Куприна к человеку проступает, — как замечал К. Паустовский, — почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов». Прямо и открыто он редко исповедовался на страницах своих книг в этой любви. Но каждым вышедшим из-под его пера произведением страстно призывал к человечности.

После выхода нашумевшей повести Александр Иванович продолжал вести жизнь странствующего бытописателя. Ненасытная тяга ко всему новому, а подчас и житейская необходимость заставляли его браться за занятия, не имевшие к литературе никакого отношения. Кем только не приходилось ему быть! И грузчиком, и коммивояжером, и актером бродячего театра, и репортером киевских и одесских газет. Колоритный очерк «Молох» он написал на материале своей работы в кузнечном цеху Юзовского завода, выра-

жив в очерке всю ненависть к капитализму и сочувствие рабочим, обреченным на каторжный труд и полунциженское существование ...

Отдохнуть от непрерывных скитаний он порой приезжал к сестре в Сергиев-Посад. Ее сын, Г. Можаров, оставил о Куприне интересные воспоминания. «С его приездом наше мирное провинциальное житие сразу преобразалось, приобретало новые краски, новый ритм. Он привозил с собой ворох литературных и прочих новостей, огромный запас дорожных впечатлений, всевозможных историй, каламбуров, анекдотов... В моих детских воспоминаниях с представлением о Куприне неразрывно связывается спорт. Человек могучего телосложения и атлетической силы, Куприн занимался почти всеми видами спорта — вплоть до французской борьбы... Помню, как однажды он правой рукой «выжал» на ладони (как атлеты выжимают гири) мою мать — женщину весьма солидную и увесистую. В другой раз с увлечением рассказывал о том, как ему пришлось бороться шутки ради со своим зятем — лесничим. Тот по сравнению с ним был настоящий гигант...»

Резкий перелом в жизни Куприна наступил вслед за его встречей с Буниным, которая переросла в большую личную дружбу. Бунин ввел молодого собрата в круг питербургской литературной богемы, познакомил с Чеховым и Горьким, привел

в квартиру крупной издательницы А. Давыдовой. Ей тогда нездоровилось, и она попросила принять гостей свою младшую приемную дочь двадцатилетнюю Машу. Вскоре Куприн как-то неприметно для себя оказался в роли ее жениха, и спустя четыре месяца они обвенчались. Ходившие об избраннице Марии самые неблагоприятные слухи не отвратили от него серьезно увлекшуюся им девушку. Мать Куприна

дели свет одни из его наиболее популярных рассказов «Болото», «Конкрады», «Белый пудель».

Одобрительный отзыв Льва Толстого, высшего арбитра для творческой интеллигенции тех лет, окрылил набравшего широкую известность прозаика. Толстой ставил ему в заслугу, что он, «новый писатель», пользуется «старыми методами». В его произведениях находили переключку с Горьким, да он и сам стре-

У

веровав в свою литературную будущность, Куприн выходит в отставку и переезжает в Киев, не имея, в сущности, никакой гражданской профессии. Потом пускается в странствия по России, перепробовав по пути уйму профессий и жадно впитывая жизненные впечатления, из которых позже родятся его чудесные рассказы и повести

очень обрадовалась женитьбе сына, надеясь, что теперь он покончит со скитальческой жизнью, и благословила молодых иконой Александра Невского, заказанной при рождении будущего писателя.

Материнским мечтам, увы, не суждено было сбыться. Единственным ребенком от первого брака Александра Ивановича стала дочь Лидия, а сам брак продлился всего пять лет, распавшись в 1903 году. В тот период круг литературных знакомств Куприна существенно расширился благодаря тому, что ему доверили возглавить отдел беллетристики популярного столичного «Журнала для всех». Тогда же уви-

мился «не отстать» от глашатаев демократических идей, уверенных в своем понимании будущности России.

Товарищество «Знание» издало сборник повестей и рассказов Куприна, а сам он сблизился с кругом авторов этого социально ориентированного издательства и перенял их «направление», что не лучшим образом сказалось на прозе писателя. Некоторую наивность идеологических построений, не свойственных природе его таланта, Куприн изживал в таких по-настоящему остро критических шедеврах, как рассказ «Штабс-капитан Рыбников» и повесть «Поединок».

Читать Куприна легко, а писал он трудно, по многу раз переделывая написанное, откладывая и вновь возвращаясь к нему. Так произошло и с повестью «Поединок». В ней писатель серьезно, убедительно отдает дань росту массовых революционных настроений после трагических событий русско-японской войны, окончившейся поражением России и выявившей всю гнилость и недееспособность царского режима. Беспросветность захолустной гарнизонной жизни, которую автор познал на личном опыте, показана им во всех психологических подробностях и вызывает сочувствие к судьбе центрального персонажа, слабо-

го и безвольного поручика Ромашова.

Даже если бы Куприн написал только эти две вещи, он, безусловно, вошел бы в «золотой фонд» отечественной литературы. А ведь впереди у него были еще и «Гамбринус», и «Гранатовый браслет...

Постепенно петербургский «черный туман», как выражался Александр Иванович, начал «поглощать творческие и жизненные силы» писателя, в чем он сам признавался. Ежегодные поездки в Крым с женой оказались необходимы ему не только по состоянию здоровья, но и по состоянию духа. Там ему особенно

пришелся по душе рыбацкий поселок Балаклава. Вскоре он стал обладателем небольшого участка земли возле живописной бухты, закрытой горами, и близко сошелся с тамошним «древним греческим населением», представителей которого запечатлел в рассказе «Листригоны».

Его по-прежнему тянуло к простым людям. Бунин вспоминал, что «Куприн даже в те годы, когда мало уступал в российской славе Горькому, Андрееву, нес ее так, как будто ничего нового не случилось в его жизни... Слава и деньги дали ему, казалось, одно — уже полную свободу делать в своей жизни то, чего левая нога хочет, жечь с двух концов свою свечу, посылать к черту все и вся».

В Балаклаве летом 1905 года Куприн стал свидетелем жестокого подавления восстания матросов на крейсере «Очаков» во главе с легендарным лейтенантом Шмидтом. Это событие он правдиво описал в очерке, за который по приказу вице-адмирала Чухнина, командовавшего расстрелом мятежного крейсера, был выслан из Севастополя и вернулся в тяготивший его Петербург. А там следствие по его делу продолжилось и на следующий год. В конце концов суд назначил писателю на выбор штраф в 50 рублей или домашний арест под наблюдением городского. Куприн выбрал второе. На этом, собственно, его революционная деятельность закончилась.

Надо сказать, что интерес к революции пошел на спад во всем обществе. Наступило смутное время реакции, «года глухие», по определению А. Блока. Кризисным временем они стали и для Александра Ивановича, оказавшегося на перепутье, как в творческом, так и в личном плане.

Его отношения с женой, Марией Карповной, стали портиться. Будучи человеком ярким, умным, она, в силу своей эмансипированности, просто не сумела создать мужу домашний уют, в котором тот так нуждался, возвращаясь из дальних странствий. Александр Иванович ставил ей в вину и то, что жена не занималась их ребенком. Понятное дело, и сам он мало подходил на роль идеального супруга светской женщины.

Его новой избранницей оказалась Елизавета Морицовна Гейнрих. Первая жена Куприна называет ее в воспоминаниях «подругой детства». В собственной семье девочке приходилось не сладко. Отец, венгр, бежавший с родины после революции 1848 года и осевший в России, женился на русской, которая родила ему 12 детей — десять сыновей и двух дочерей. Лиза — младшая. Домашним учителем в их семье был ссыльный писатель В. Короленко, у которого с ней возникла любовная связь. Впоследствии она ушла из отчего дома, сделалась актрисой, свела знакомство с другим писателем, Д. Маминым-Сибиряком, и стала его гражданской женой.

После смерти матери при очередных родах Лиза воспитывалась в доме старшей сестры. Однако отношения с отчимом у девушки не сложились. Она несколько раз сбегала из дома, то в редакцию «Журнала для всех», то в цирк, куда собиралась поступить, а, повзрослев, уехала сестрой милосердия на русско-японскую войну. Вернувшись с войны, Лиза познакомилась с Куприным. Завязался бурный роман, хотя Елизавета Морицовна, по словам дочери Ксении, меньше всего хоте-

Марией Карповной, Куприн благо-родно оставил ей дом и участок земли в Балаклаве, а также право на издание всех своих опубликованных ранее произведений, поэтому в первые годы второго брака вновь испытывал денежные затруднения.

Жил он тогда с новой семьей в Гатчине, где снимал дачу. Затем переехал в Одессу. И там по-прежнему был верен себе. Поднимался в воздух на аэростате вместе с одним из первых русских покорителей неба С. Уточкиным, в водолазном сна-

О добрый отзыв Льва Толстого, высшего арбитра для творческой интеллигенции тех лет, открыл набиравшего известность прозаика. Толстой ставил ему в заслугу, что он, «новый писатель», пользуется старыми методами. В произведениях Куприна находили переключку с Горьким, да и он сам стремился «не отстать» от глашатаев демократических идей, уверенных в своем понимании будущности России

ла разрушить чужую семью и даже порывалась опять бежать. Любовь к Лизе вдохновила писателя на создание едва ли не самого поэтичного своего произведения — повести «Суламифь», созданной по мотивам библейской Песни Песней царя Соломона и стилизованной в духе ее поэтики.

В марте 1907 года Александр Иванович развелся с первой женой и окончательно соединил судьбу с Елизаветой Морицовой. Через год у них родилась дочь. Расторгнув брак с

ряжении опускался на морское дно, совершил полет на аэроплане со знаменитым цирковым борцом и пилотом-любителем И. Заикиным. Полет окончился аварией, и очерк «Мой полет» Куприн написал в основном, чтобы защитить незадачливого летчика от обвинений. Очерк, правда, заканчивался словами: «Что касается меня — я больше на аэроплане не полечу». Тем не менее, отважный искатель приключений полетел, и еще не раз, — уже в Гатчине, обосновавшись там с 1911 года.

За год до того был написан бесспорный шедевр купринской прозы — знакомая, думается, всем и каждому повесть «Гранатовый браслет», поэтизирующая самоотверженность всепоглощающей, жертвенной любви.

Много сил и времени отдавал Александр Иванович воспитанию любимой дочери, размышлял в творчестве над участью подрастающих поколений. Своего рода предостережением юношеству задуман им был роман «Яма» о несчастных обитательницах публичных домов, который критиковали за излишний натурализм.

«Из мглы всплывает ярко \Далекая весна, \Тишь гатчинского парка \ И домик Куприна». Так замечательно сказал в стихах о временном пристанище писателя Саша Черный. Александру Ивановичу шел уже пятый десяток, а своего семейного очага у него все не было, хотя желание иметь его не пропадало у Куприна никогда. И вот, наконец, такая возможность появилась. В кредит был куплен небольшой дом на Елизаветинской улице, и писатель обустроил его по своему вкусу.

В эти годы меняется и мировоззрение Куприна. Бунтарский дух, былая революционность уступают место здоровому консерватизму. Соответственно, изменения претерпевает также в рассказах и повестях писателя образ России, увы, не всегда в художественно лучшую сторо-

ну. Перемена мировоззрения Куприна наиболее явственно проявилась в отношении к начавшейся Первой мировой войне, вызвав в его душе взрыв патриотизма (а ведь еще десять лет назад он столь презрительно отзывался о царской армии, в которой ему довелось служить).

В своем доме Александр Иванович организовал маленький госпиталь на десять коек, а вскоре добровольцем поступил в военную службу — обучал обожавших его солдат, временно командовал ротой. Однако годы и невоздержанный образ жизни сказывались — служба давалась писателю тяжело. В результате он заболел и попал в госпиталь. Выписавшись, работал одно время в киевском комитете Российского земского союза (помощь фронту), не выдержал канцелярщины и бухгалтерских отчетов, попробовал себя в качестве военного корреспондента и вернулся домой.

Февральскую революцию Куприн принял с энтузиазмом. Сотрудничал в газетах, писал статьи, хлопотал то за цирковых зверей, которых плохо кормили, то за понапрасну обвиненных новой властью интеллигентов, то за подростков, заподозренных в заговоре... В политике разбирался слабо и действовал по велению сердца, не преследуя никаких определенных целей. После Октября пытался продолжать свою общественную деятельность, но быстро понял, что страна движется куда-то не туда.

*С женой
Елизаветой*

«Тогда все, кто могли, занимались огородным хозяйством, — писал он, — а те, кто не могли, воровали овощи у соседей». Куприн конечно «мог», более того — любил это занятие и гордился плодами своего огорода. Он смог бы вынести и складывавшийся убогий советский быт, и чуждую ему социалистическую идеологию, но появились основания (вероятно, беспочвенные) полагать, что его внесли в расстрельные списки. Вот почему после взятия Юденичем Гатчины и последовавшего затем отступления Северо-западной армии белых под натиском красных Куприн вместе с семьей предпочел присоединиться к отступавшим частям и на долгие годы покинуть Россию.

В ноябре 19-го писатель и его семья оказались в Ревеле, затем, получив финскую визу, переехали в Гельсингфорс (Хельсинки). «...Мы

поняли, насколько мы были оборваны и неприглядны», — вспоминал Куприн тогдашние чувства на мраморных ступеньках лестницы центральной гостиницы «Фения», где они обычно останавливались до революции. «Никогда еще, подолгу бывая за границей, я не чувствовал такого голода по родине», — напишет он позднее друзьям.

В Хельсинки семья прожила около полугода. Писатель сотрудничал в эмигрантской прессе, однако обстоятельства сложились так, что надо было уезжать одной из трех эмигрантских дорог: в Берлин, Париж или Прагу. Письмо Бунина из Парижа с приглашением приехать определило выбор. Там жизнь Куприных постепенно вошла в русло, но ностальгия не отпускала. Она, как писал Александр Иванович в очерке «Родина», только «потеряла остроту, стала хронической».

На чужбине Куприн пытался воссоздать гатчинский быт, жить в городе ему не хотелось. Сняли дачу, но оказалось, что чужая природа тоже не радует. Писатель говорил, что сирень пахнет керосином, и вскоре перестал копаться на клумбах и грядках. Когда стало ясно, что новой Гатчины не получится, Куприны вернулись в Париж и на десятилетие обосновались на бульваре Монморанси, неподалеку от Булонского леса.

Эти места описаны в романе «Жаннетта — принцесса четырех улиц» (1932), одном из немногих тогдашних произведений Куприна, посвященных русской эмиграции. В герое повести, профессоре Симонове, автор вывел себя. Тоска по родине и плохое знание языка, словно тюремными стенами, отделяют героя

романа от французской действительности и «живого, нетерпеливого французского народа, не очень любящего иностранцев».

При всем уважении к французским обычаям (не говоря уже о культуре!), Куприн ощущал их чужими и, не имея возможности физически вернуться в Россию, постоянно возвращался творческой мыслью, подобно своим товарищам по несчастью — выдающимся писателям Бунину, Шмелеву, Зайцеву. В его пронзительных литературных миниатюрах тех лет, таких, как «Ночь в лесу», «Вальдшнепы», «Ольга Сур», «Блондель», «Рыжие, серые, гнедые» прежняя Россия воскресает в мельчайших подробностях и выглядит утраченным Эдемом.

В Париже Александр Иванович неожиданно подружился с Бальмон-

том, несмотря на все различие их творческих миров. Сближало этих двоих и нечто общее — авантюристичность характера, тяга к приключениям, «стихийность». Проживший бурную и отнюдь не безгрешную жизнь, Куприн, тем не менее, сохранил какую-то детскую чистоту и веру в добро, которую зорко разглядел в нем мэтр символизма, посвятивший ему два стихотворения.

*«Как в России звук случайный,
Шелест травки, гул вершин —
Той же манит сердце тайной,
Что несет в себе Куприн».*

Чтобы хоть как-то поддерживать существование семьи, надо было напряженно работать, а сил старого писателя уже не хватало. К тому же он страдал нарушением мозгового кровообращения, у него ослабло зрение. При этом Куприн полностью охладел к эмиграции и к ее политическим устремлениям. «Последние новости» называл «Последними пакостями». От разговоров с посетителями быстро утомлялся и раздражался, уходил к себе в кабинет и запирался. Круг его общения неуклонно сужался. Грустное впечатление он производил и на Бунина.

Дочь Куприна, Ксения, работала манекенщицей, снималась в кино и приобрела определенную популярность. Но ее успехи на этом поприще не могли обеспечить благосостояние семьи — почти все заработанные деньги ей приходилось тратить на туалеты, без чего невозможно было удержаться в профессии, тогда еще малоприбыльной.

Александр Иванович чувствовал, что конец его близок, и в 67 лет дал согласие на возвращение в СССР. Политику — советскую и антисоветскую — он воспринимал уже «издали» и не видел между ними особой разницы, сам же к политическим играм был более не способен.

Вернувшись в Россию весной 1937 года, поддерживаемый под руки Куприн поцеловал вокзальный перрон и прожил еще чуть больше года. Душа его в этот последний период жизни оказалась наглухо запертой для посторонних глаз. У встречавшего их с женой главу Союза писателей Александра Фадеева он безучастно спросил: «А вы кто такой?» Ударом стало то, что дочь Ксения, обещавшая последовать за отцом, осталась во Франции.

Остаток жизни писатель прожил в относительно приличных условиях и найдя в новой России массового читателя. В выигрыше оказался и тот мыслящий читатель, к которому вернулась, пусть и с цензурными купюрами, искрящаяся проза Александра Куприна..

Он скончался в ночь на 25 августа 1938 года от рака пищевода и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища в Ленинграде, рядом с могилой И.С. Тургенева.

Куприн вернулся потому, что верил в возрождение России, верил в то, что Бог ее не оставит. И верил в неисчерпаемые духовные силы русского народа.

Александр Куприн

«Куст сирени»

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошел в свой кабинет. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии Генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съемку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в Академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на все рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головой работой человека комфорт. И бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минут пять тяжелого молчания, тоскливо нарушаемого хромым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим: раз, два, три-три: два чистых удара, третий с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него также молча, со страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила первая, с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого тяжелобольного человека...

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он передернул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, все равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздраженно, как обыкновенно говорят, высказывая долго сдерживаемую обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Все к черту пошло!.. всю эту дрянь, — злобно ткнул он ногой портфель с чертежами, — всю эту дрянь хоть в печку выбрасывай теперь! Вот тебе и Академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, черт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обиженным выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трех часов не ложился, нужно было закончить. План прекрасно вычерчен и иллюминирован. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Стал подчищать и еще больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил кучу деревьев на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Так, так, н-да. А откуда у вас здесь, поручик, кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как все было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеется, — аккуратный такой немец, педант. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». Слово за слово, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут еще много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, говорит, что на этой седловине есть кусты, то извольте завтра же ехать туда со мной верхом... Я вам докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо с трехверстной карты...»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню. Самый безобразнейший педант, какие только есть на свете, да еще немец вдобавок... Ну и окажется, в конце концов, что я лгу и в препирательство вступаю... Кроме того...

Во все время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швырнул их на пол. Видно было, что этому сильному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжелом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением вскочила с кресла:

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей!

Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли:

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением... А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращил глаза Николай Евграфович.

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду — надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не здесь ищешь, посмотри в шкапу... Зонтик!

Пока Алмазов, пробовавший, было, возражать, но невыслушанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с солитером дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадет. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться, не забыто ли что-нибудь дома.

— Едем, — наконец решительно сказала она.

— Но куда же мы поедем? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять верст.

— Глупости... Едем!

Прежде всего Алмазовы заехали в ломбард. Видно было, что оценщик так давно привык к ежедневным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезенные вещи, что Верочка начинала уже выходить из себя. Особенно обидел он ее тем, что попробовал кольцо с брильянтом кислотой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий брильянт, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, и то по случаю!

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Нам это все равно-с, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросая на чашечку весов следующую вещь, — мы оцениваем только металлы-с.

Зато старинный и погнутый браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценен очень дорого. В общем, однако, набралось около двадцати трех рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, белая петербургская ночь уже разлилась по небу и в воздухе синим молоком. Садовник, чех, маленький старичок в золотых очках, только что садился со своей семьей за ужин. Он был очень изумлен и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настойчивые просьбы отвечал очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать в такую даль рабочих. Если вам угодно будет завтра утром — то я к вашим услугам.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но когда Вера дошла до того, как у нее возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбнулся.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать. — Скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако из всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей, волей-неволей, пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, все время, пока сажали кусты, горячо суежилась и мешала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дерн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю седловинку.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного под-

прыгивающей походке, узнала, что, история с кустами кончилась благополучно... Действительно, Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он еще за десять шагов в ответ на тревожное выражение женина лица. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, ваше-ство». — «Березка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, березка, ваше-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорю, меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его еще и еще раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Прохожие с недоумением останавливались, чтобы еще раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже глупости, и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком... □

Евгения Гордиенко

ГОЛОС ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Если спросить, кто изобрел телевизор, то большинство назовет имя Зворыкина. Между тем, первенство в изобретении технологии принадлежит совсем другому ученому. Ученному, имя которого незаслуженно забыто, несмотря на то, что он — автор и множества других изобретений. А вот помнят его в основном благодаря музыкальному инструменту, которому он дал свое имя, — терменвоксу.

Род Терменов, из которого происходит наш сегодняшний герой,

осел в России после того, как один из его представителей покинул Францию во времена Великой французской революции. Спустя почти столетие, в 1896 году, в семье родился мальчик, названный Львом.

Сегодня ребенка назвали бы просто вундеркиндом, тогда же родители не считали научные увлечения сына чем-то из ряда вон выходящим, хотя и пугались порой взрывам, которые слышались из комнаты сына — мальчик ставил химические опыты. Наряду с химией его интересовали математика, физика, астрономия и...музыка.

Еще в гимназии он построил обсерваторию и даже открыл астероид. И все это походя, не обращая на эти открытия особого внимания. В университете (тогда уже Петроградском) он изучал астрономию и физику, а попутно учился в консерватории по классу виолончели.

Будучи человеком бесконечно активным, Лев Термен успел окончить и офицерскую школу, и в Красной армии, в которую он был призван, служил «по специальности» — в электротехническом батальоне в Царском Селе, занимаясь радиоразведкой.

По окончании гражданской войны Термен начал работать у профессора Абрама Иоффе в Физико-техническом институте. Проводя опыты, он заметил, что извлекает звуки, просто проводя руками возле пластин конденсатора. Поскольку консерваторские занятия все

Лев Термен демонстрирует терменвокс

еще были живы в памяти, молодой ученый смог сложить мелодию из этих движений. И хотя в институте шутили, что «Термен играет Глюка на вольтметре», именно тогда был создан первый в мире бесконтактный музыкальный инструмент.

Такое новаторство было замечено властями, и Термен даже был приглашен к Ленину, чтобы продемонстрировать изобретение. И хотя вождь смог сыграть «Жаворонка» Глинки на терменвоксе, его соратников привлекло второе назначение прибора — по сути, это была первая сигнализация. Если вставить антенну терменвокса в раму окна или двери, то можно было «засечь» приближение злоумышленника — прибор начинал издавать громкие звуки.

Этой функцией тут же воспользовалось государство — такую

«сигнализацию» установили в Госбанке, Гохране и Эрмитаже.

Но Ленин понял и музыкальную ценность терменвокса и предложил Термену «тур» по стране — с проведением лекций-конcertов. По его мнению, это было новаторство в музыке, а советское государство любило новаторов.

Работы в Физико-техническом институте у Иоффе было мало для такого человека, как Лев Термен, и попутно он поступил в Политехнический. А для дипломной работы выбрал тему, которая звучит для двадцатых годов почти фантастически: «Электрическое дальновидение» — по сути, аналог современного телевидения. Однако Термен превратил эти слова в реальность и показал устройство для «беспроволочной передачи изображения на

расстоянии». То есть — телевизор в 1926 году.

Но почему так мало людей знают об этом сейчас, а появление телевидения в СССР датируется 1939 годом? Все потому, что проект был практически сразу же засекречен.

Для демонстрации изобретения Термена снова пригласили «наверх». В комиссию входили Орджоникидзе, Ворошилов, Буденный и Тухачевский. Будущие маршалы были поражены, увидев, что выставленный Терменом на улицу объектив показывает им идущего по двору Сталина.

Устройство тут же было решено использовать для охраны государственных границ, а не для массового производства. О работе Термена стало известно лишь в 80-х годах, а ведь это всего лишь был его диплом, проходной, в сущности, для изобретателя эпизод.

В 1927 году с терменвоксом Льва Сергеевича с его терменвоксом отправили представлять Советский Союз на Международной выставке во Франкфурте-на-Майне. Новый инструмент услышали в Германии, в Англии и во Франции. Публика и пресса были в восторге. Альберт Эйнштейн написал, что «свободно извлекаемый из пространства звук — это совершенно новое явление», а Осип Мандельштам говорил, что звук терменвокса столь же естественен, как растущий цветок.

За Европой последовала Америка, куда Термена также «команди-

ровали» от Советского Союза. Ехал он как представитель Народного комитета просвещения, но попутно получил задачи и от другого ведомства: собирать информацию о потенциальном противнике — узнавать об американском образе жизни, о планах политиков и военных, войти в круг представителей американского бизнеса.

Терпситон

И получилось у него это прекрасно! В Америке Лев Сергеевич пробыл десять лет и был невероятно успешен — его компания по производству систем охранной сигнализации работала без перебоев, а «Дженерал Электрик» приобрели лицензию на выпуск терменвоксов.

Термен же продолжал изобретать: в Америке он придумал электронную виолончель и «ритмикон» — свою первую ударную установку. Помимо собственно изобретательства он преподавал и обучал игре на своих инструментах.

В Америку Термен приехал с женой Екатериной. Поскольку пребывание за границей затянулось, она стала искать работу, но нашла ее только в 50 километрах от Нью-Йорка. Виделись супруги лишь по выходным,

туозом. У нее с Терменом был очень красивый роман — необычные подарки, дорогие рестораны, танцзалы Нью-Йорка 30-х годов. Однако роман закончился тем, что в 1933 году Клара вышла замуж за адвоката по фамилии Рокмор. До конца жизни, оставаясь одним из лучших исполнителей, она играла только на инструментах работы самого Термена, считая остальные слишком грубыми по звучанию.

Лев Сергеевич не стал унывать, во всяком случае, так это выглядело со стороны. Вскоре он встретил темнокожую танцовщицу Лавинию Уильямс. Она вдохновила его на создание нового инструмента — «терпситона». Это, по сути, была новая инкарнация терменвокса, только звук извлекался

что не могло пойти на пользу их браку. Однажды к Термену пришел мужчина, сообщил, что любит Екатерину, и попросил дать жене развод. Лев Сергеевич не стал упорствовать, тем более что у него самого уже развивался роман с русской эмигранткой Кларой Рейзенберг.

Девушка была его ученицей и в игре на терменвоксе достигла невиданных высот, став настоящим вир-

не посредством движения рук, а при помощи танца. На таком терпситоне танцевала и Айседора Дункан — величайшая танцовщица своего времени.

Они поженились, и счастливая жизнь супругов продолжалась до 1938 года, когда Термена срочно отозвали в Москву. Жене сказали, что он вернется через пару недель, ему же сообщили, что она приедет

в Союз на следующем пароходе. Увы, больше Термен и Лавиния никогда не виделись.

Не нужно объяснять, что происходило в Советском Союзе в 1938 году. По ложному обвинению (одно из них фантастически сообщало, что из-за океана радиолучом он убил Кирова) Лев Термен был отправлен в лагерь на Колыму. Но и там он оставался самим собой и усовершенствовал систему доставки руды, так что его бригада стала перевыполнять план в несколько раз. Сам он часто в это время в шутку говорил, что, если прочитать его фамилию наоборот, то получится «Термен — не мрет».

Благодаря его лагерным изобретениям, вскоре его перевели в «шарашку», где он работал вместе с Туполевым и Королевым. Здесь он изобрел «Буран» — систему «прослушки», которую невозможно было обнаружить, поскольку мембраной в данном случае служило оконное стекло, на которое наводился инфракрасный луч. «Подслушивало» само

здание. «Буран» долгие годы стоял в посольствах западных стран, в том числе и США. Здесь он находился внутри деревянного панно с изображением американского орла, подаренного советскими пионерами послу на День независимости.

Удивительное было время — за «Буран» заключенного наградили Сталинской премией I степени, дали квартиру, дачу, машину... Но когда Термен написал письмо с просьбой по-

зволить его жене Лавинии приехать к нему в СССР, ему просто не ответили. Лавиния дожила до 1988 года, так и не вышла больше замуж, словно все ждала возвращения мужа.

А Лев Сергеевич в 50 лет женился в третий раз — на Марии Гущиной, которая родила ему дочерей-двойняшек. Дети «поделили» между собой таланты отца: Елена стала физиком, а Наталья — преподавателем музыки.

Термен из-за своих разработок долгое время оставался засекреченным. Во многом из-за того, что, будучи уже свободным человеком, он продолжал работать на «оборонку». Так, в большинстве западных энциклопедий годом его смерти значился 1938 — год, когда он покинул Америку. В шестидесятых годах он вернулся к своей «музыкальной» теме и стал работать в Московской консерватории, где сделал несколько терменвоксов и терпситонов. Случайно узнавший об этом корреспондент «Нью-Йорк Таймс» уцепился за это и уговорил Термена на интервью — как же, ведь в Америке он был легендой.

Но руководству консерватории не понравилось, что их сотрудник дает интервью западной прессе, и Термена уволили. А всю технику просто выбросили на помойку...

Остаться без работы для семидесятилетнего Термена было трагедией. Но помощь пришла от будущего ректора МГУ Рэма Хохлова, который устроил ученого на кафедру акустики на должность механика

6 разряда. Человека, которым восхищался Эйнштейн! Но правила СССР были таковы, что пенсионеры могли трудиться только на рабочих должностях. Здесь он понемногу занимался своими инструментами, совершенствовал их, изобрел даже такой, в котором звук через систему фотоэлементов возникал от движения глаз музыканта. Даже сейчас, в 21 веке, это кажется фантастикой.

В 80-х годах Лев Термен неожиданно для себя вновь оказался в зените славы. Историческая родина — Франция — наградила его орденом Почетного легиона, своей высшей наградой. По приглашению Стэнфорда он посетил Америку, а в возрасте 97 лет открыл музей электронной музыки в Гааге, где сам играл на терменвоксе. В США Термен пожелал встретиться с Кларой Рокмор. Ей было 75, и она волновалась, что выглядит старой. «Ай, Кларенок, ну какой наш возраст?» — сказал ей 95-летний Термен.

В 1991 году, к изумлению всех, он вступил в Коммунистическую партию, тогда, когда, многие ее покидали. Его аргумент выглядел убийственно: «Я обещал Ленину».

Он не дожил до своего столетия всего 3 года, однако научная общественность в 1996 году широко отмечала этот юбилей. Все изобретения Термена перечислить невозможно, да он к этому и не стремился. Его всегда интересовало Изобретение как таковое, движение науки вперед, этому он посвятил свою жизнь и в этом был велик. □

«Подруга весны моей златой..»

В многочисленных трудах, посвященных Пушкину, его личная жизнь, кажется, разобрана чуть ли не на атомы. Даже «донжуанский список» кто-то не поленился составить. А уж семейная жизнь...

Но одна женщина, сыгравшая весьма заметную роль в жизни поэта, как-то осталась в стороне, во всяком случае, писали и пишут о ней

мало и неохотно. А между тем Ольга Сергеевна Павлицева (в девичестве Пушкина), старшая сестра поэта, до конца его жизни оставалась близким другом и доверенным лицом.

Действительно, судя по сохранившимся воспоминаниям, в детстве брат и сестра были очень дружны. Ольга всегда смотрела на брата снизу вверх и была первой ценительницей (всегда восторженной!) не только его первых стихов, но и всех его затей и проказ.

Даже после того, как Александр уехал в Царскосельский лицей, дружба между ними не прервалась.

«Знавшие дела семьи единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в лицей, он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключим дружескую горечь по сестре, которую он всегда любил», — так писал П.В. Анненков в материалах к биографии поэта.

Но Ольга Сергеевна была сама по себе незаурядной женщиной, совершенно незаслуженно забытой, точнее, потерявшейся в тени знаменитого брата. Попробуем развеять эту тень и рассказать о том, что она скрывала.

Ольга была первенцем в семье Пушкиных. Она родилась 20 ноября 1797 года, за полтора года до Александра, но ее рождение не порадовало родителей, которые мечтали о сыне. Новорожденную передали на попечение прислуги и фактически забыли об ее существовании. Только после рождения сына родители вспомнили об Ольге, после чего дети росли и воспитывались вместе.

Нежности в семье были не в чести: за малейшую провинность детей сурово наказывали. Надо сказать, что Ольга принимала наказа-

ния куда менее смиренно, чем ее брат. А старший сын и вовсе был для родителей сплошным разочарованием. Отдавая предпочтение младшему брату Льву, они мало обращали внимания на старших детей: вероятно, и это тоже сближало брата с сестрой.

Ольга была критиком первых произведений Александра. Забираясь в библиотеку отца, он читал комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных комедий, по-французски же. Брат и сестра для пред-

ставления этих комедий соорудили в детской сцену, причем он был и автором пьес, и актером, а публику изображала она.

У детей были, в основном, одни и те же учителя, но в обучении Ольги больше внимания уделяли искусствам: она, судя по всему, прекрасно выучилась рисовать, основательно изучила английский язык и хорошо знала творчество Шекспира.

Об отношениях брата с сестрой сын Ольги Л.Н. Павлицев позже писал: *«В покойной матери моей Александр Сергеевич видел не только сестру родную, но своего искреннего друга; с ней — с детского возраста своего — он отводил душу и делился вдохновениями, осуществляемыми его внезапно угасшею лирой».*

Уже из лица брат писал любимой сестре нежные послания. В одном из первых дошедших до нас стихотворений юный Пушкин, сравнивая свою лицейскую жизнь с монастырем, где «скука на часах», мечтает о встрече с сестрой:

*Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?..*

В 1814 году семейство Пушкиных перебралось в Петербург, и Ольга с родителями часто бывала у брата. Это были радостные встречи. Недавно поэт писал:

*Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?*

Царскосельский парк и поныне помнит долгие прогулки брата и се-

стры, их нескончаемые разговоры, их шутки и воспоминания о детстве...

Все мы знаем о лицейском братстве, но ведь вокруг этого братства цвело и нежное сестричество! Сестры лицеистов хорошо знали друг друга, встречаясь в Царском Селе на летних прогулках, а зимой — на лицейских балах. Их связывали и первые дружбы, и первые влюбленности. Через много лет несколько семей лицеистов породнятся. Иван Малиновский женится на сестре Пущина, а сестра Малиновского свяжет свою жизнь с Владимиром Вольховским.

Но почему же имя сестры не встречается в произведениях поэта? Вероятнее всего, Пушкин берег родных людей от того, что сегодня называется «публичностью». Все, что связано с близкими, было для него сокровенно.

Кроме того, сама Ольга была человеком замкнутым и домашним. Она отказывалась вести светский образ жизни, ограничиваясь доверительным общением лишь с узким кругом друзей. При этом ее нельзя было назвать тихоней, она могла быть упрямой и жесткой, порывистой и вспыльчивой. Возможно, эти черты характера да склонность к затворничеству долго мешали ей выйти замуж, хотя внешне Ольга Сергеевна была очень привлекательна. Не красавица, но сейчас такое лицо назвали бы «пикантным». Большие, выразительные глаза, тонкие черты лица, прелестная линия губ. Когда

она улыбалась — становилась неотразимой. Вот только улыбалась Ольга, увы, нечасто.

Проходили лучшие годы... Но «милое, умное, доброе создание», как назвал Ольгу в одном из писем П.А. Вяземский, по-прежнему томилась дома. Он посвятил ей прочувствованные стихи:

Шло время. Пушкин становился известным поэтом. А как жила Ольга? Что могло кардинально изменить ее жизнь? Только замужество. И в январе 1828 года она совершила неожиданный для всех поступок: тайно обвенчалась с Николаем Павловичем, который был моложе ее

*Родители —
Надежда Осиповна
и Сергей Львович Пушкины*

*«Нас случай свел; но не слепцом
меня
К тебе он влек непобедимой
силой:*

*Поэта друг, сестра и гений милый,
По сердцу ты и мне давно родня.
Так, в памяти сердечной без
заката*

*Мечта о нем горит теперь живей:
Ялюбил в тебе сначала брата;
Брат по сестре еще мне стал
милей».*

на пять лет. Самой же Ольге вот-вот должно было исполниться тридцать. Последний шанс? Или все-таки любовь?

Вскоре об этом говорил весь Петербург...

«Сестра поэта Ольга в зрелом уже девстве сбежала и тайно обвенчалась, просто из романической причуды, без всяких существенных препятствий к ее союзу, с человеком гораздо моложе ее», — с яв-

ной недоброжелательностью написал в воспоминаниях о Пушкине М.А. Корф.

Что стояло за этим?

Николай Иванович Павлицев в 1819 году с серебряной медалью окончил пансион при Царскосельском лицее и поступил на службу. Его переводы иностранных романов помещались в «Литературной Газете», издаваемой А.А. Дельвигом. Вот что писал его сын:

«Отец, несмотря на то, что жил лишь трудами, посещал избранное

бенности Надежды Осиповны, которые оба, по своему эгоизму, держали дочь на привязи и — само собою разумеется — не могли допустить мысли выдать ее за человека бедного... прежде всего, он повел атаку на родителей: очаровал Сергея Львовича французскими каламбурами и беседами о дворе Тюльерийском, сочинителях, сочинительницах французских; затем сделался постоянным партнером Надежды Осиповны в бостоне, нарочно проигрывая ей большую часть партии. Играли же не по маленькой.

Ольга была человеком замкнутым и домашним. Она отказывалась вести светский образ жизни, ограничиваясь общением с узким кругом друзей. При этом ее нельзя было назвать тихоней, она могла быть упрямой и жесткой, порывистой и вспыльчивой. Не красавица, но очень привлекательная

общество, опираясь на французскую поговорку: “Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es”. (Скажи мне, с кем ты, скажу, кто ты.) Одетый всегда безукоризненно, скромный, во всех отношениях приличный, был он в особенности хорошо принят в семье Лихардовых, где и встретился с Ольгой Сергеевной Пушкиной и ее родителями.

Ольга Сергеевна очень ему понравилась, а потому, не откладывая дела в долгий ящик, отец решился сделать предложение; но, раскусив чванство Сергея Львовича и в осо-

В результате он получил доступ в дом Пушкиных: они сами пригласили его.

Насчет поддержки Александра Сергеевича и Василия Львовича, с которыми был уже давно знаком, он был покоен».

Но... предложение Павлицева принято не было:

«Сергей Львович замахал руками, затопал ногами и Бог весть почему даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась весьма решительно: она приказала не пускать отца моего на порог, и дело с кон-

цом... Когда, две недели спустя, Надежда Осиповна увидела его на балле..., то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец, подойдя к ней, сделал с нею тура два. Нашлись приятели, которые поспешили доложить о таком великом событии забавлявшейся картами в соседней комнате Надежде Осиповне. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Та упала в обморок».

В.А. Жуковский писал племяннице: «Пушкина, Ольга Сергеевна, одним утром приходит к брату Александру и говорит ему: милый брат, поди, скажи нашим общим родителям, что я вчера вышла замуж... Брат удивился, немного рассердился, но, как умный человек, тотчас увидел, что худой мир лучше доброй ссоры, и понес известие родителям. Сергею Львовичу сделалось дурно... Теперь все помирились».

Некоторые подробности передает А.П. Керн:

«Другое воспоминание мое о Пушкине относится к свадьбе сестры

Шло время. Пушкин становился известным поэтом. А что же Ольга? Что могло кардинально изменить ее жизнь? Только замужество. И она совершила неожиданный для всех поступок: тайно обвенчалась с Николаем Павловичем, который был моложе ее на пять лет. Вскоре об этом заговорил весь Петербург

После этого и произошел побег. 25 января 1828 года, в среду, в час по полуночи, Ольга Сергеевна тихонько вышла из дома; у ворот ее ждал жених, они сели в сани, помчались в церковь св. Троицы Измайловского полка и обвенчались в присутствии четырех свидетелей — друзей жениха. После венца Павлович отвез супругу к родителям, а сам отправился на свою холостую квартиру. Рано утром Ольга Сергеевна послала за братом Александром Сергеевичем, жившим особо, в Демутовой гостинице.

его. Дельвиг был тогда в отлучке. В его квартире я с Александром Сергеевичем встречала и благословляла новобрачных. Расскажу подробно это обстоятельство.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна, вручая мне икону и хлеб, сказала: «*Remplacez moi, chère amie, avec cette image, que je vous confie pour bénir ma fille!* (Замените меня, мой друг, вручаю вам образ, благословите им мою дочь!)»

Я с любовью приняла это трогательное поручение и, расспросив о порядке обряда, отправилась вме-

сте с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных».

Поступок, мягко говоря, беспрецедентный. Поручить абсолютно посторонней женщине благословить родную дочь под венец ... Надежда Осиповна, конечно, всегда отличалась некоторыми странностями в поведении, но тут она явно превзошла самое себя.

Кстати, в скором времени, Сергей Львович полюбил зятя, а вот Надежда Осиповна так и не сменила гнев на милость. Одному Богу известно, почему она так недоброжелательно отнеслась к избраннику дочери. Впрочем, она и до этого всех искателей руки Ольги встречала «с фурией», то ли ревнуя к тому, что ее собственные молодость и красота уже никогда не вернуться, то ли рассчитывая на то, что Ольга останется при ней «компаньонкой» до конца жизни.

А может быть, видела в Павлицеве то, что другим открылось много позже?

Судя по дошедшим до нас сведениям, брак этот не сделал Ольгу Сергеевну счастливой. Ее сын писал:

«До замужества моя мать пользовалась цветущим здоровьем. Но нравственная передряга, которую она перенесла от Сергея Львовича, в особенности же от Надежды Осиповны при этом событии, потрясла всю ее нервную систему, а весной

1829 года и мать моя подверглась сильнейшим страданиям печени, которые осложнились частыми головокружениями. Малейший шорох казался ей шумом, а неожиданное падение на пол ножниц, ложек и тому подобных предметов вызывало в ней истерические рыдания и хохот».

Видимо, все это усугублялось и достаточно скромным материальным положением, и характером мужа.

До нас дошла переписка Пушкиных с Павлицевым, касающаяся, в основном, денежных дел. По ней можно судить о мелочности супруга Ольги Сергеевны и его расчетливости: он требовал сначала приданого, а после смерти тещи — наследства, продажи или раздела Михайловского.

Жизнь сложилась так, что молодым супругам приходилось часто и надолго разлучаться: в начале 1831 года Павлицева перевели на службу в Польшу, где, между прочим, всюду полыхало восстание, а Ольга Сергеевна осталась в Петербурге («до окончательного водворения мужа в Варшаве»). Почти год она провела в постоянных беспокойствах и душевных волнениях. К ним присоединялись и сугубо житейские заботы, при совершенной неизвестности, что будет дальше. Немудрено: именно в это время в России свирепствовала холера.

Старшие Пушкины и недавно женившийся Александр Сергеевич жили в Царском Селе, Ольга — в Пе-

тербурге. Она предприняла попытку переехать к своим... И вот что из этого получилось:

«Путешествие мое в Царское совершенно не удалось. Желая избежать карантина, я решилась сделать крюк и приехала на место благопо-

лучно, хотя и поздно вечером, но позвонила по ошибке не к брату, у которого остановились отец и мать до переезда их в Павловское, а к его соседке — нашей доброй старушке Архаровой. Вообразив, что это не я, а сама петербургская холера в моем образе пожаловала к ней в гости, Архарова закричала от испуга, указала мне дачу Пушкиных и криком своим произвела суматоху всеобщую. Я к дражайшим; мать, в особенности же отец, — Александр и жена его были в гостях, — перепугались еще хуже Архаровой; не холера, а страх заразителен, и вот не прошло получаса, как меня отвозят с “триумфом” в карете, в сопровождении го-

спожи полиции, и отвозят будто бы для того, чтобы выдержать карантин, но на поверку моим глазам представился не карантин, а кордон, откуда мне, без дальних разговоров, указали обратную дорогу в северную столицу».

Наконец Павлищев вместе с русскими войсками «вступил в Варшаву», и теперь Ольга ждала, когда же он, наконец, устроится на новом месте. Встретив новый 1832 год вместе с родными, она написала мужу:

«Никогда еще мне не было так грустно, как в прошлую пятницу, 1 января, когда обедала с братом и Наташей у стариков. Папа и мама хотя и не совсем передо мною правы, но все же любят меня по-своему; меня томили недобрые предчувствия, что в день нового года обедаю у них последний раз».

Только осенью она сумела выехать к мужу. И почти сразу же между нею и родителями возникла переписка, благодаря которой стали известны многие подробности жизни семьи Пушкиных.

Наконец-то к Ольге Сергеевне пришло счастье материнства. Получив известие о рождении внука, бабушка как будто примирилась с зятем:

«Как выразить вам радость, которую я испытала, получив письмо ваше, мой дорогой Николай Иванович? Надо быть бабушкой, чтобы представить себе, что я почувствовала, его читая; да благословит небо нашего маленького Леона, которого

Слева:

*Николай
Иванович
Павлищев*

люблю уже от всего сердца; да составит он ваше счастье, и желаю иметь приятное утешение принимать его ласки; вот искреннее мое желание, которому никогда не изменю».

В августе 1835 года Ольга Сергеевна приезжала с сыном в Петербург. Родня встретила ее радостно, и она очень тепло отзывалась о невестке и ее семье:

«Наташа и сестры ее, Азинька и Коко, прелюбезные и предобрые. Видят во мне родную и, конечно, чтобы сделать мне приятное, ласкают моего Лелю, в особенности Коко. Мальчишка (le petiot), кажется, уже в

нее и влюбился... Сегодня [в день своих именин] маленький Леон — мужчина самый счастливый на свете... Александр, его жена и обе свояченицы навезли ему с три короба игрушек».

Надежда Осиповна умерла весной 1836 года, на Пасху, «во время Великой заутрени, когда в храмах божиих раздавалось радостное «Христос воскрес». Внук рассказывал, что перед смертью она «томительно ожидала свидания» с зятем, который должен был вот-вот приехать в Петербург «по службе и по делам».

Александр Сергеевич Пушкин

Так ли это на самом деле, неизвестно. Может быть, действительно хотела уйти из жизни примиренной со всеми. Во время последней болезни она очень сблизилась со старшим сыном, и после ее смерти А.С. Пушкин рыдал как ребенок.

В мае 1837 года у Павлицевых родился второй ребенок — дочь Надежда.

Но еще раньше Ольга Сергеевна получила известие о гибели брата. Лев Павлицев вспоминал:

«По получении рокового известия в Варшаве, в дипломатической канцелярии наместника, чиновник этой канцелярии г. Софьянос явился к моим родителям ночью на квартиру. С таинственным видом прошел он в кабинет отца и на вопрос: “зачем пожаловали не к чаю, а так поздно?” — отвечал: “известие страшное: Александр Сергее-

вич убит!” Тут Софьянос, сообщив отцу некоторые сведения о злополучном деле, поспешил откланяться. Между тем мать моя, услышав голоса разговаривающих, позвала отца по уходе печального вестника и спросила, кто был у него так поздно и зачем?

— Александр Сергеевич... — начал отец.

— Что, болен? умер?

— Убит на дуэли Дантесом.

Это известие было для моей матери таким страшным ударом, что она занемогла очень серьезно; кровавая тень погибшего брата являлась к ней по ночам; она вынесла жестокую нервную горячку... Все знакомые моих родителей, начиная с фельдмаршала, и русские и поляки, поспешили изъявить самое теплое сочувствие матери. Медовая улица, где жили мои родители, три дня сряду была запружена экипажами».

Очень интересны записанные Павлицевым рассуждения его матери о гибели брата: *«В этой кончине гораздо менее виновен ничтожный Дантес, нежели добрые люди (!), наметившие его палачом, — люди, в числе которых, кроме немца Бенкендорфа, оказались между прочими — к вящему их стыду и посрамлению, носившие русские, украшенные княжескими титулами фамилии — иезуит Гагарин и автор не одного памфлета против России — кривоногий (le bancal) Долгоруков Петр. Оба они, в сущности, ненави-*

дели Россию, в которой родились, воспитывались, хлеб которой они ели не один десяток лет... оба виновны, и нельзя придавать значения их сшитым белыми нитками уверткам. Один из них соображал, сочинял и писал пасквилы, другой адресовал, запечатывал, отправлял...

Если бы во время самого разгара гнусной подпольной войны против брата я находилась в Петербурге, то не посмотрела бы ни на каких Бенкендорфов и не поколебалась открыть все самолично Государю, одно мощное слово которого заставило бы низких заговорщиков снять маски, и они понесли бы должную кару по закону. Но меня не было, а брат не пожелал написать о своем горе, иначе я немедленно поехала бы в Петербург. В довершение несчастья, в Петербурге не было тоже ничего не подозревавшего брата Льва: тот не допустил бы Александра до поединка, да и сам бы на дуэль не вышел, доказав уже храбрость в дюжине кровопролитных сражений, а без всякой дуэли сумел бы преподать Дантесу щеголю (а се mirlifore) более действительный урок и отбить у него навсегда охоту финтить да тагантить. Впрочем, «мирлифлер» и сам не рассуждал, с кем дерзнул играть, а так как в его голове логика работала не с особенным усердием, то где же и было ему сообразить, что сам играет роль пешки, проводимой в дамки поражаемыми Александром врагами?»

Ольга Сергеевна пережила обоих своих братьев. Сильный характер, несвойственная Пушкиным хладнокровная решительность — вот что ее поддерживало во всех испытаниях. Ее сын приводил примеры, показывающие силу характера матери.

«Будучи девицей, она одним грозным взглядом и энергическим словом принудила ретироваться вооруженного топором злодея, проникнувшего через окошко в ее комнату с намерением грабежа, и своею распорядительностью заставила людей вовремя схватить разбойника и передать его в руки правосудия. Таковую же неустрашимость и распорядительность показала она и впоследствии, в Варшаве, когда в декабре 1849 года вспыхнул ночью пожар в наместниковском дворце, где жили мои родители. Проснувшись мать первая, увидя объятый пламенем потолок в комнате перед спальнею, через которую и был только выход в другие покои, перешла через нее, задыхаясь клубами дыма, вынесла в дальнюю комнату лежавшую в горячке малолетнюю сестру мою, подняла на ноги людей, дала знать пожарной команде, уложила вещи и уже потом разбудила отца, кабинет и спальня которого находились на другой половине огромной казенной квартиры. Прискакал обер-полицеймейстер генерал Абрамович с командой, и пожар потушили».

И обратим внимание на то, где находилась спальня мужа... Факти-

чески брак уже перестал существовать. Известно и о семейных неладах, и об изменах Павлищева. Рассказывали, что почти сразу после смерти жены он поспешил жениться на женщине, в связи с которой состоял уже давно.

А Ольга пыталась держаться. Подрастали дети. Сына Льва она отправила учиться в Петербург. Свободное время он проводил в доме Н.Н. Пушкиной-Ланской.

Известно, что Наталья Николаевна очень любила «Леона» и отзывалась о нем: *«Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин»*.

Здоровье Ольги Сергеевны, между тем, продолжало ухудшаться. В декабре 1862 года у нее случился «страшный нервный удар», а затем начала развиваться глаукома. Операцию ей смогли сделать лишь через год, но спасти от окончательной слепоты возможно было только

правый глаз; левый был мертв; но и после операции она видела предметы правым глазом как бы сквозь густой черный флер, а ноги после удара остались парализованными, так что без помощи палки она не могла ступить. Так она прожила последние пять лет.

Она жила в Петербурге (с мужем уже разъехалась), встречалась с первыми биографами своего великого брата (интересно, что среди навещавших ее упоминают лицейского товарища Пушкина С.Д. Комовского, которого обычно причисляют к недоброжелателям поэта), диктовала воспоминания.

Ее сын умер в 1915 году бездетным, а дочь вышла замуж за итальян-

Первоначально на надгробии, установленном Л.Н. Павлицевым, была сочиненная самой Ольгой Сергеевной эпитафия:

*«Отдых от жизни тяжелой
Могила одна нам дает!
Пусть же с улыбкой веселой
Страдалица к смерти идет».*

А.П. Керн когда-то писала:

*«Пушкин мало кого истинно любил,
кроме няни и сестры своей».*

П.А. Вяземский, обращаясь к Ольге Сергеевне, говорил о ней и Пушкине:

*«Удел его — блеск славы вечно
льстивой,
Но часто нам сияющий из туч;
И от нее ударит яркий луч*

Ольга Сергеевна пережила обоих своих братьев. Сильный характер, несвойственная Пушкиным хладнокровная решительность — вот что поддерживало ее во всех испытаниях. Их было немало, но Ольга пыталась держаться...

янского певца и композитора, профессора Варшавской консерватории Иосифа Рафаиловича Пани. У нее было пятеро детей — сын и четыре дочери.

Ольга Сергеевна скончалась 2 мая 1868 года и была похоронена на Новодевичьем кладбище Петербурга. В 1936 году прах ее был перенесен в Некрополь мастеров искусств Александрово-Невской лавры.

*На жребий твой, в беспечности
счастливым.*

*Но для него ты благотворней будь;
Свети ему звездою безмятежной,
И в бурной мгле отрадой, дружбой
нежной*

Ты усладяй тоскующую грудь».

Так много значила для Пушкина (и не только для него!) и так быстро забыта и современниками, и потомками.

Память человеческая все-таки странно устроена. □

В ЗЕРКАЛЕ

Юрий Осипов

Андрея Тарковского

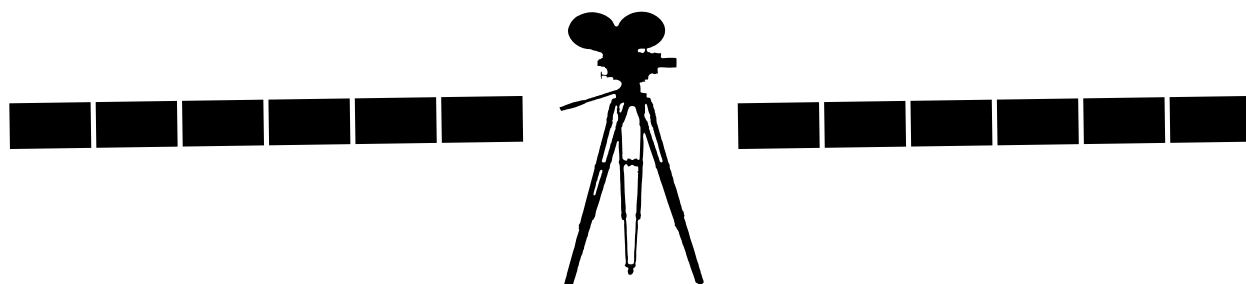
Безусловные духовные ценности киноискусства, при всем его многообразии, всегда воплощены в очень ограниченном количестве произведений крупнейших мастеров, сумевших почувствовать и выразить на экране надежды и чаяния не только своих поколений, но и тех, кто приходит им на смену. Одним из таких ярких мастеров, безусловно, является Андрей Тарковский.

Сегодня он, задумавшись, застыл в бронзе вместе с Шукшиным и Шпаликовым в скульптурной группе перед дверями ВГИКа, который все трое оканчивали, и символами которого им суждено было стать. Но, даже получив за дипломную короткометражку «Каток и скрипка» (1960) первую премию на нью-йоркском фестивале студенческих фильмов, ученик Михаила Ромма Андрей Тарковский признавался позднее, что не имел представления о кино, пока не снял свою первую полнометражную картину «Иваново детство». Получить разрешение на постановку этого выдающегося фильма ему помог счастливый случай. А дальше он неуклонно пробивался в кинематографе только с тем, что истово хотел снимать. Трудный, неуживчивый, вечно неудовлетворенный собой, «сокровенный» (как сказал бы А. Платонов) человек.

Увы, многое из того, что хотел снять Тарковский, осталось неосуществленным. За плечами у него к скоропостижной кончине набралось лишь шесть картин. Всего шесть. Зато каких! И ушел он из жизни, вдоволь настрадавшись в ней, тоже слишком рано — в пятьдесят с небольшим. Пронесся сквозь череду лет стремительно, метеором, хоть и с мучительными простоями, и обозначил своим в полном смысле слова подвижничеством целую эпоху в развитии мирового кино.

В последнем интервью незадолго до смерти Тарковский сказал: «Каждый художник во время своего пребывания на земле оставляет после себя какую-то частицу правды о цивилизации, о человечестве... Красота — символ правды. Я говорю... в смысле истины пути, который человек выбирает... Художник творит инстинктивно... не при помощи головы... Подлинный художник, а более того — гений, являются рабами дара, которым они наделены. Они обязаны этим даром людям, питать которых духовно и служить им были избраны. Вот в чем для меня заключается свобода».

Этой свободой Андрей Тарковский обладал и берег ее пуще глаза.

Андрей Тарковский родился 4 апреля 1932 года в селе Завражье Костромской области, на Волге, где жили родственники матери, принадлежавшей к старинному дворянскому роду Дубасовых. Его отец, Арсений Тарковский, оказавший большое влияние на формирование внутреннего мира великого кинорежиссера, был крупным поэтом и литературным переводчиком, близко общавшимся с Ахматовой и Пастернаком. Со своей первой женой Мариной Вишняковой он познакомился в

Москве во время учебы на Высших литературных курсах при Всероссийском союзе поэтов (существовала в 20-е годы и такая творческая организация). Оба они учились на одном потоке и в 28-м поженились.

Жила семья Тарковских с маленьким Андреем в квартире деревянного дома по 1-му Щипковскому переулку Замоскворечья. В 34-м родилась сестра Андрея, Марина. А в 35-м, когда ему исполнилось три года, отец ушел из семьи и женился во второй раз. Родители будущего ма-

стера расстались без скандала и сохранили дружеские отношения. Мария Ивановна, оставшись одна с двумя детьми, устроилась корректором в Первую образцовую типографию и проработала там до пенсии. Поселившийся на соседней улице Арсений Тарковский часто навещал детей. В 41-м он ушел добровольцем на фронт и после ранения потерял ногу.

Притягательный образ отца Андрей Тарковский пронес через всю жизнь, страдал от разлуки с ним, отразил его и драму развода родителей в исповедальном фильме «Зеркало» (1974). Собственно, воспоминания об ушедшем отце и бесконечное ожидание его возвраще-

ния и составили сюжетной стержень этой, по сути, «бессюжетной» шедевральная ленты. Автор как бы вновь соединил в фильме постаревшую мать (ее играет сама Вишнякова-Тарковская) и молодого отца в исполнении похожего на него внешне Олега Янковского, но говорящего на экране голосом Иннокентия Смоктуновского. Поэт читает в картине за кадром четыре своих стихотворения.

Андрей Арсеньевич пригласил родителей на премьерный показ фильма, и отец после просмотра сказал матери с улыбкой: «Видишь, как он с нами расправился...» В беседе с М.Туровской режиссер добавил, что родители тогда не замети-

ли, как он «сам с собой расправился». С собой он будет «расправляться» всю жизнь.

В начальных классах средней школы Андрей успел проучиться недолго. Война. Эвакуация. Трудности быта. «Это было тяжелое время, — вспоминал режиссер, — жизнь была необычайно трудной во всех смыслах. И все-таки я много получил в жизни. Всем лучшим, что я имею в жизни, тем, что я стал режиссером, — всем этим я обязан матери». В начале войны мать увезла его с сестрой к родственникам в Юрьевец. И хотя всю жизнь, до последних лет эмиграции, Андрей Арсеньевич прожил в Москве, свой отчий дом для него остался домом

детства там, в Юрьевце. И таким он вошел удивительными, полусказочными кадрами в фильм «Зеркало».

А с 43-го года снова была Москва и прежняя школа, где Тарковский учился в одном классе с будущим культовым поэтом хрущевской «оттепели» Андреем Вознесенским, причем успехами в учебе явно не блистал — ни по естественным, ни по гуманитарным дисциплинам. Его образование тяготело к художественному профилю. С семи лет осваивал фортепиано в районной музыкальной школе, а в старшем классе поступил в Московское художественное училище «Памяти 1905 года», проявив способности к рисованию. К музыке он тяготел особенно. И хо-

тя дома инструмента не было, Андрей успешно выступал на школьных концертах со сложными прелюдиями и сонатинами. Как-то в зрелом возрасте он сделал вполне парадоксальное заявление: «У меня такое впечатление, что я был очень неправ, когда не стал продолжать свое музыкальное образование... очень жалею, что не стал музыкантом».

При этом в школе он не был тихим, болезненным подростком, каким обычно достается на переменах и после уроков от задиристых сверстников. Напротив, сестра Марина Тарковская вспоминает, что «это был ураган, вихрь, состоящий из прыжков, дурачеств, тарзаньих криков, лазанья по крышам, неожиданных идей, пения, съезжания на лыжах с отвесных гор...» Подружившийся с ним Андрей Вознесенский

жил неподалеку, и они часто играли вместе в футбол. Позже он посвятит другу стихотворение «Тарковский на воротах» и напишет о нем: «Он на сером фоне нашего класса выделялся интеллигентностью... одевался он странно, у него был оранжевый пиджак, причем денег не было сделать его по росту, поэтому это было скорее полупальто».

Перед окончанием школы Андрей вдруг решил стать актером и собрался поступать в театральное училище, но отец отговорил. Андрей прислушался к совету отца и в 1951 году поступил на арабское отделение Московского института востоковедения.

Пора юности грозила завести будущего корифея киноискусства в опасные дебри. Учеба в университе-

те его интересовала мало, на лекциях он появлялся от случая к случаю, став завсегдатаем тусовочных мест стилияг и пижонов на «Бродвее» (тогдашней улице Горького, прошлой и нынешней Тверской). Дурная, как говорится, компания затягивала молодого человека все глубже и глубже. Крайне обеспокоенная мать стала искать возможность оторвать сына от этих «бездельников», удалить на время из Москвы, пристроить к какому-нибудь конкретному делу. Тем более что через год после поступления он был отчислен из университета за неуспеваемость...

И вот ее стараниями Андрей неожиданно попал в Геолого-разведочный институт цветных металлов — НИГРИ золото. Через год она добилась, чтобы сына взяли в одну из экспедиций собирать образцы горных пород. В мае 53-го Андрей отправился в Туруханский край. В сибирской тайге он провел год, а, вернувшись, познакомился летом на даче в Кратово со студентом ВГИКовской мастерской Л. Кулешова, который посоветовал ему поступать к ним во ВГИК. Андрей загорелся этой идеей и начал старательно готовиться к вступительным экзаменам: написал рецензию на фильм, выучил отрывок из «Войны и мира», составил автобиографию... Прошел по конкурсу и попал в мастерскую Михаила Ромма. А вместе с ним — и Василий Шукшин.

Первое серьезное испытание — дипломная короткометражка «Ка-

ток и скрипка», сценарий которой был написан дебютантом совместно с его новым другом и сокурсником А. Михалковым-Кончаловским. Громкий успех, который во многом обеспечила изысканная операторская работа В. Юсова, подхлестнул обоих. Летом 61-го на даче Михалковых они сели за сценарий «Андрея Рублева». Сценарий, состоящий из нескольких самостоятельных новелл о страшной эпохе поработенной Руси, когда творил гениальный иконописец, худсовет «Мосфильма» одобрил, однако подготовка к съемкам заняла три года. Требовалось изучить огромный исторический материал, где о самом Рублеве имелось всего несколько скупых строк. Долго подбирались и отвергались исполнители главных ролей. Обсуждались с консультантами натурные локации и эскизы объемных декораций (их сооружение заняло не один месяц), шились костюмы...

Параллельно на Тарковского внезапно свалился еще один судьбоносный проект. На «Мосфильме» запустили фильм по рассказу В. Богомолова «Иван». Это — пронзительная и трагическая история осиротевшего в годы войны подростка, который одержим ненавистью к фашистам и, рискуя жизнью, раз за разом отправляется под видом оборванца-беспризорника на разведку в тыл врага. Работа над картиной была приостановлена: отснятый материал не устроил ни автора рассказа, ни худсовет студии. И тогда

по просьбе Ромма начинающему режиссеру предложили попробовать самому. Предложение, от которого нельзя было отказаться.

За три недели Тарковский полностью переписал сценарий, отказавшись от батальных сцен, танков и массовки в пользу акцентов на внутренний мир юного героя, чье детство существует для него только в снах, а наяву он по-взрослому испепелен войной.

Съемки картины длились предельно долго для такого, в общем-то, не слишком масштабного и технически сложного фильма — целых пять месяцев. Главную роль удивительно проникновенно и точно сыграл 15-летний Николай Бурляев. Оператором Тарковский снова пригласил В. Юсова, которому пришлось по ходу дела изобретать разные приспособления и приемы съемки, дабы реализовать режиссерские задумки.

Вышедший в 1962 году фильм «Иваново детство» принес режиссеру мгновенный международный успех. Он первым среди советских мастеров экрана получил «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля.

Андрей Тарковский был женат дважды. С первой супругой, Ирмой Рауш, он учился во ВГИКе, и они поженились на третьем курсе. Вскоре у них родился сын, названный в честь отца Тарковского Арсением. В этапном фильме мужа «Андрей Рублев» Ирма сыграла Дурочку. Именно ее он видел в этой роли.

Точно так же, как в главной роли — актера Свердловского драмтеатра Анатолия Солоницына, хотя воплотить на экране гениального русского иконописца хотели и С. Любшин, и И. Смоктуновский, и В. Высоцкий. Но они уже были кумирами публики, а режиссеру требовалось «новое» лицо. Для Солоницына эта роль явилась поистине звездной, и поставленную перед ним Тарковским задачу он выполнил с честью.

Съемки начались в 1964 году и шли трудно при полной самоотдаче всех членов съемочной группы. Безошибочное ощущение, что они снимают нечто очень значительное, придавало силы. По сюжету Рублев после искушения на языческом празднике весеннего равноденствия дает обет молчания и держит его почти до самого конца фильма. Режиссер, во всем стремившийся к абсолютному правдоподобию, запретил Солоницыну разговаривать за три месяца до съемки финальной сцены, где главный герой под влиянием самоотверженности юного колокольного мастера Бориски нарушил данный им обет. А сыгравший Бориску Николай Бурляев несколько дублей подряд съезжал на «пятой точке» с крутого обрыва к искомой глине для отливки колокола и вспоминал: «Своей шкурой я пересчитал все бугорки, камни, корни, пни, пролетел сквозь огромный куст. В глазах темно от боли и холода, из рукава сочится кровь, но надо доиграть сцену». Бесподобный

Юрий Никулин в роли монаха Патрикея, когда его пытаются татары, истошно кричал от настоящей боли — ему на ноги случайно капала раскаленная солярка из факела.

Чтобы воссоздать историческую атмосферу 15-го столетия, натурные сцены снимались в Суздале, Владимире, Пскове. Часть декораций, включая огромную яму под обжиг колокола, создавали на «Мосфильме». Они получились настолько достоверными, что их предлагали перенести в музей. Москва с нетерпением ждала премьеры шедевра Тарковского. Увы, ему выпало долгое хождение по цензурным мукам. Режиссеру предъявили целый список «серьезных промахов и недостатков». Исправлять их Тарковский отказался наотрез. Потом все же пошел на некоторые компромиссы. В результате, фильм был урезан на 30 минут.

Тем временем авторскую версию картины в 1969 году продали французскому прокатчику, и тот заявил

ее в конкурс Каннского фестиваля. Фильм был принят восторженно и получил премию Фипресси. Влиятельная газета «Монд» писала: «Если Тарковский сумел создать такую картину, значит, Эйзенштейн и Довженко нашли себе достойного преемника». Под влиянием подобных обстоятельств урезанную версию «Рублева» неохотно показали в Союзе ограниченным прокатом и побыстрее сняли с экрана. Но слава Тарковского уже была неоспорима, и киношному начальству приходилось с ней считаться. Несмотря на это, полную версию фильма хотели смыть. Коробки с пленкой спасла постоянный монтажер режиссера Л.Фейгинова, которая прятала их по кладовым «Мосфильма». Прямо-таки детективная история, окончившаяся лишь на исходе «перестройки» в 88-м году, когда советские зрители смогли, наконец, увидеть полную версию шедевра Тарковского.

В период работы над «Рублевым» ассистентом режиссера была Лариса Кизилова. У них начался роман. Андрей Арсеньевич говорил: «Я не чувствую себя счастливым, когда я люблю женщину. Я чувствую себя потрясенным». В 1970 году его брак с Ирмой Рауш распался, и спустя несколько месяцев Тарковский женился на Ларисе. У пары родился сын Андрей. Лариса снимется потом в исповедальном, биографическом фильме режиссера «Зеркало», где сыграет беременную жену доктора, хозяйку их усадьбы, у которой во время войны мать героя выменивает на фамильные сережки курицу для детей и сама же вынуждена ее обезглавить.

Следующим после «Рублева» стал фильм «Солярис». Надо сказать, что эту картину режиссер сни-

мал вынужденно. Его проекты по Достоевскому Госкино отвергло. Научная фантастика же Тарковского в принципе не привлекала. Но лемовская повесть была все-таки лучше, чем ничего. И в итоге ее экранизация открыла серию уникальных психологических драм непревзойденного мастера.

Он приступил к этой работе после пятилетнего простоя, в 1970 году, и сразу поменял исходную концепцию будущей ленты. У Лема на орбитальную станцию около загадочной планеты Солярис, чей мыслящий океан манипулирует сознанием космонавтов, оживляя сокровенные персонажи их сновидений, прибывает психолог Крис, чтобы разобраться в происходящем. Для Тарковского космос послужил только фоном задуманной им прит-

чи о человеке и морали, об ответственности человека перед близкими. Лему, как автору яркого литературного произведения, слишком философский, на его взгляд, сценарий не понравился. Фильм писателя тоже не удовлетворил.

А вот на Каннском кинофестивале 1972 года «Солярис» получил Гран-при жюри и приз Фипресси. Его купили к прокату разные страны. Тепло встретили фильм и советские зрители. Словом, то был явный и неоспоримый успех. Но самое главное, эта картина открыла Тарковскому дорогу к его самому-самому «личному» фильму, «Зеркалу». Идея

его зародилась у режиссера задолго до «Соляриса» и вылилась в сценарий под названием «Белый, белый день», который он писал совместно с кинодраматургом А. Мишариным в 1968 году. Готовый сценарий в объединении Г.Чухрая на «Мосфильме» одобрили, но тогдашний председатель Госкино был категорически против, и его пришлось отложить до лучших времен, которые наступили после громкого успеха «Соляриса».

Окончательное название — «Зеркало» — пришло к Тарковскому уже во время съемок. И оно оказалось гораздо более точным и емким.

*«Андрей
Рублев»*

Ведь в зеркале человек видит себя, так и здесь все происходящее автор корреспондирует нам в отражении своего сознания. Из-за настороженного отношения к фильму кинематографического начальства его выпустили в прокат ограниченным количеством копий, не дали разрешения отправить его на Каннский фестиваль, отказались представить даже на Московском международном киносмотре. И в то же время продали ленту зарубежным прокатным компаниям. Картину показывали во Франции, Италии и других странах. В Италии она получила почетный приз «Давид ди Донателло» как лучший иностранный фильм года. Да что там Италия! По авторитетному мнению ведущих зарубежных киножурналов и кинокритиков, «Зеркало» вошло в спи-

сок лучших фильмов всех времен и стало общепризнанной вершиной его творчества.

В 1979 году Тарковский вынужденно (в других проектах ему отказывали) обратился к увлекательнейшей повести братьев Стругацких «Пикник на обочине».

Снова нелюбимая им фантастика, и снова конфликт с авторами повести по поводу ее трактовки в сценарии, который они писали совместно, но Стругацкие, посмотрев готовый фильм, хотели, было, снять свою фамилию из титров, а Тарковский там сценаристом и вовсе не значится...

Свою задачу он сформулировал так: «Мне важно установить в этом фильме то специфически человеческое, неразтворимое, неразложимое, что кристаллизуется в душе

каждого и составляет его ценность». Соответственно этой концепции, кардинально менялось, по сравнению с остросюжетной, научно-фантастической повестью, повествование картины. Неисчерпаемо конкретная в своих бесчисленных пугающих подробностях Зона Стругацких превратилась у Тарковского в чисто символическую, таинственную заповедную территорию, сулящую людям, способным преодолеть ее смертельные «ловушки», исполнение сокровенных желаний. А отчаянный, бесшабашный и благородный Сталкер трансформировался на экране в рефлексирующего блаженного.

Съемки проходили в разных местах. Апокалиптические пейзажи Зоны нашли возле речки, куда сбрасывала отходы целлюлозно-бумаж-

ная фабрика. Эпизод с кордоном ООН снимали вокруг котельной старого таллинского элеватора, а отдельные сцены — под Ленинградом и в Москве.

Начинал снимать режиссер с Рербергом, потом работал с Л.Калашниковым, а заканчивал с А.Княжинским. Первые несколько тысяч метров отснятого материала признали браком и уничтожили. Оператор и режиссер разругались вдрызг. Все пришлось переснимать. Второй раз, когда съемки уже подходили к концу, пленку случайно испортили в лаборатории. Опять переснимали большие куски. С третьего раза сильно пролонгированный фильм с огромным перерасходом бюджета, наконец, досняли, вернее, вновь пересняли, принципиально изменив по требованию режиссера главную

*«Андрей Рублев».
Ирма Рауш,
жена
А. Тарков-
ковского
в роли
дурочки*

сюжетную линию. Исчезло научно-фантастическое начало, и Кайдановский вынужден был воплотить, по сути, совершенно новый образ главного героя.

Фильм завершил трилогию Тарковского о поиске себя и внутреннего пути («Солярис», «Зеркало», «Сталкер»).

В апреле 78-го Андрей Арсеньевич перенес инфаркт и приступил к работе над картиной с уже третьей по счету командой. Группу он своим творческим педантизмом буквально изводил. Над сценой, длящейся на экране несколько секунд, художники картины корпели неделями. Режиссер добивался, чтобы на лужайке в кадре перед домом Шухарта был исключительно зеленый цвет, и все травинки неправильного цвета скрупулезно удалялись одна за

одной... При этом, по мере развития действия Тарковский неприметно менял цветовое наполнение кадра: черно-белый вначале, он постепенно дополнительно вбирает в себя коричневатые, зеленые и синие оттенки. Цветовая гамма фильма с использованием монохрома, прямая перспектива ключевых кадров — все подчинено одной цели. Ее подчеркивают слова Сталкера о том, что в Зоне прямой путь — не самый короткий. Важной составной частью экзистенциального экранного действия выступают щемящие музыкальные композиции Эдуарда Артемьева.

Предварительный, закрытый показ фильма прошел в мае 79-го года на «Мосфильме», а официальная премьера состоялась в июне в панорамном кинотеатре «Мир» на Цвет-

ном бульваре. СМИ об этой премьере промолчали. Картина вышла во всесоюзный прокат в количестве 196 копий. В Москве «Сталкер» был показан всего в трех кинотеатрах. В начале следующего года Андрею Тарковскому присвоили звание народного артиста РСФСР, а в мае фильм получил приз экуменического жюри Каннского фестиваля.

Несколько месяцев спустя режиссер первый раз отправился в Италию для обсуждения с итальянским продюсером проекта своего будущего фильма «Ностальгия» и работы над сценарием совместно с выдающимся итальянским поэтом, художником, писателем, автором сценариев многих фильмов Феллини Т. Гуэррой. К марту 82-го сценарий был готов, контракт подписан, и Андрей Арсеньевич снова уехал в Италию выбирать натуру и готовиться к съемкам. 4 апреля 1982 года ему исполнилось 50 лет. Однако на родине это событие официально никак не отметили — ни приветствий в прессе, ни юбилейного вечера в Доме кино...

История о российском литераторе, который собирает материалы для книги о судьбе крепостного музыканта (прототип — Максим Березовский), заброшенного на чужбину, снималась в Тоскане в 1983 году. Фильм раскрывает природу русской ностальгии, тоски по Родине, более значимой, чем просто тоска.

В понимании Тарковского — это и тоска по упущенному времени, по былому. События картины вновь носят здесь частично автобиографический характер. Сам центральный образ человека, путешествующего в чужой стране в сопровождении переводчицы и пытающегося сосредоточиться на творческих задачах, совпадает с тогдашним мироощущением Тарковского, который мучительно адаптировался к непривычному окружению.

Чарующие виды Италии, ее сочный антураж здесь намеренно не так уж и вдохновляют, указывая, что нет для души героя видов прекраснее, нежели пейзажи и атмосфера его родной страны. Воспринимать этот глубоко философский фильм (как и следующий, последний фильм Тарковского) надо подготовленным. Он очень непросто и затрагивает сложные, неоднозначные темы: что есть вера, а что есть безумие; что мыслящему человеку необходимо, а что нет; любить только свою страну или весь мир.

Думается, каждый находит в картине нечто особенно близкое себе. Особенно впечатляет невероятно длинная по кинематографическим меркам сцена, где герой в блистательном, как всегда, исполнении Олега Янковского раз за разом пытается пронести задуваемый на ветру горящий огарок свечи от одного края высохшего средневекового бассейна до другого, загадав, уже будучи смертельно больным, что,

если ему это удастся, он сумеет вернуться в Россию. Его возвращение, пусть и после смерти, происходит в символическом финале. Мы вглядываемся в постепенно удаляющийся от нас кадр героя, неподвижно сидящего рядом с овчаркой у крошечного деревенского прудика, на фоне дощатого домишки в окружении грандиозных готических стен со скульптурными нишами и барельефами. А сверху в какой-то момент начинает моросить такой знакомый чисто русский дождик, который сменяется легким снежком. И далеко-далеко, чуть слышно звучит чистым женским голосом фольклорный напев...

Представленная в основном конкурсе Каннского фестиваля, «Ностальгия» получила приз за лучшую режиссуру, приз Фипресси и приз экуменического жюри.

...Тарковский просил у Госкино разрешения задержаться с семьей на три года в Италии, обещая затем непременно вернуться домой. Ему было отказано. На пресс-конференции в Милане 10 июня 1984 года Андрей Арсеньевич объявил, что решил остаться на Западе. Так Тарковский, который задумал снять за рубежом еще один фильм, стал «невозвращенцем».

В ноябре того же года на сцене Королевского театра Ковент-Гарден в Лондоне зал рукоплескал опере Мусорского «Борис Годунов» в постановке Тарковского. Мэрия Флоренции, в которой снимались неко-

торые эпизоды «Ностальгии», подарила ему квартиру и присвоила звание почетного гражданина города. В СССР между тем фильмы Тарковского были запрещены к показу, равно как и публичное упоминание его имени. Но лишить режиссера гражданства так и не решились...

Еще в предотъездном заявлении для прессы Андрей Арсеньевич сказал: «В результате всех лет работы моя творческая судьба оказалась настолько драматичной, что, думаю, я получил право делать такие картины, которые считаю необходимыми. Поэтому предъявляю к себе самому самые высокие требования. Любая творческая деятельность должна рассматриваться как долг художника».

Год спустя после той пресс-конференции врачи обнаружили у Тарковского рак легких. Тогда он уже всю монтировал «Жертвоприношение» и ничуть не дрогнул от рокового диагноза. Идея фильма была позаимствована им из нереализованной кинодрамы братьев Стругацких «Ведьма», сам сценарий по просьбе Тарковского фактически сочинил А.Стругацкий. В свое время Бергман в знак дружбы и уважения пригласил Тарковского снять фильм на его суровом острове Готланд. Теперь, когда гениальный кинорежиссер ушел из жизни, Андрей Арсеньевич воспользовался его предложением. Причем в картине сыграли удивительные бергмановские актеры и актрисы во главе с маститым

Э. Юзефсоном. А за камеру встал легендарный бергмановский оператор С. Нюквист. Вместе с ним Тарковский долго искал выразительную городскую локацию для символической начальной сцены панического бегства толпы в результате атомной катастрофы. Он нашел нужное место на небольшой площади перед лестницей, ведущей в тоннель.

Еще задолго до вынесения врачебного приговора Тарковский считал «Жертвоприношение» своим главным фильмом. Разумеется, в нем отразились, как, впрочем, и в других работах мастера, некоторые аспекты его собственной биографии, нюансы его личной жизни. Однако именно в этой, завершающей

творческий путь режиссера, картине, как в никакой другой, предчувствия, предвидения, предсказания, провидческие сны играют исключительно важную роль.

Немой мальчик сажает сухое дерево среди безжизненных камней на берегу залива, упорно поливает его, таская издалека воду. И дерево, невзирая ни на что, должно зацвести после искупительной жертвы — поджога собственного дома, семейного гнезда! Таков сквозной притчевый образ фильма. Это дерево, как разновидность библейского древа жизни, символизирует тяжкий извилистый путь обретения веры.

Любопытный факт. Тарковский признавал, что любые зрительские

*«Жертво-
приношение»*

интерпретации картины правомерны. Вместе с тем в развернутом комментарии к фильму он выдвигал и свое толкование, которое характеризуется душевным кризисом главного героя, дающего клятву пожертвовать всем, что ему дорого, отрицать все, что связывает его с прошлой жизнью. От пестрой жизни знаменитого актера Александр бежал, став лектором и критиком. Похоже, теперь он живет лишь ради маленького сына. Но как раз эта всепоглощающая привязанность его и беспокоит. К концу картины речь мальчика восстанавливается, правда, это происходит ценой потери утешительной немоты.

Когда известие о смертельной болезни Тарковского достигло СССР,

власти, наконец, разрешили его сыну Андрею вылететь к отцу. На тот момент «Жертвоприношение» уже удостоилось Большого приза жюри XXXVI Каннского фестиваля, приза Фипресси и приза экуменического жюри. На родине с имени Тарковского был снят запрет, его фильмы вновь допустили к демонстрации в кинотеатрах. И публика пошла на них...

Андрей Арсеньевич скончался в Париже 29 декабря 1986 года на 55-м году жизни. Умирал он, по свидетельству близких, спокойно, мужественно, не страшась надвигающейся кончины. Как умирает истинно верующий человек. Вдова, Лариса Тарковская, на двести лет вперед оплатила место на знаменитом русском кладбище Парижа Сент-Женевьев-де-Буа. Могилу замыка-

ет строгая плита с датами жизни и надписью: «Человеку, который увидел ангела».

Через год в Париже открылся Международный институт его имени, основателями которого выступили М. Ростропович, Р. Брессон, Л. Тарковская и М. Шелл. В уездном городе Юрьевце создали Музейный центр Андрея Тарковского, а в честь 75-летия со дня рождения великого режиссера в Ивановской области был учрежден Международный фестиваль «Зеркало» имени Андрея Тарковского. Продолжает свой бесконечный путь по орбите открытая в Крымской обсерватории малая планета, названная Андреем Тарковским...

Перед уходом из жизни он много думал о кино, которому посвятил

себя без остатка, можно сказать, распял себя на кресте кинематографа. И я хочу закончить свой очерк о нем его пророческими словами.

«Наступает время, когда... кино как развлечение в тотальном и пошлом смысле уже совершенно не может заинтересовать зрителя... Это означает, что разрыв между коммерческим кино и кино как искусством настолько увеличился, что... или кино как искусство должно быть уничтожено в пользу кинозрелища, киножвачки, или наоборот. Я верю, что кино выйдет из-под эгиды прокатчиков, которые хотят загнать его в рамки наживы... коммерции.

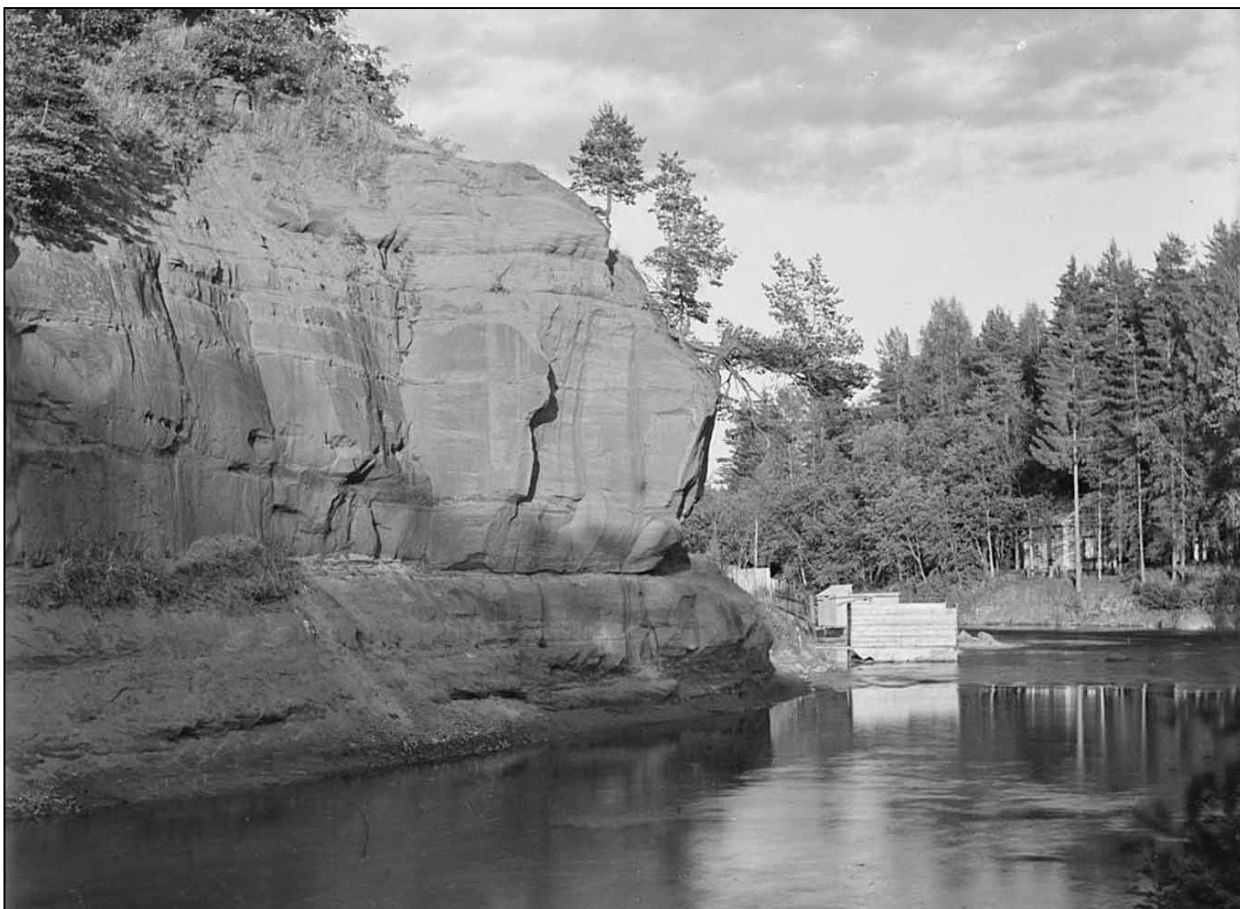
Кино — это искусство. Хотим мы этого или нет. И оно, конечно, вырвется само, как стихия...» □

В ДЕВОН – на машине времени

Дмитрий Зелов

Фото автора

Величественные каньоны, белые скалы над крутым обрывом реки, таинственные пещеры, по дну которых струится поток, и красные песчаники возрастом в 400 миллионов лет... Чтобы увидеть эти величественные творения природы, вовсе не обязательно отправляться на край света. Со всеми этими диковинами вполне реально познакомиться и в России.

В ДОЛИНЕ РЕКИ ОРЕДЕЖ

Невероятные по красоте и немыслимые по древности природные достопримечательности расположены всего-то в часе езды от северной столицы, в долине реки Оредеж, и увидеть их может любой желающий.

О происхождении названия реки ученые мужи до сих пор ведут споры, но очевидно, что гидроним имеет в своей основе финно-угорские корни. По наиболее авторитетной версии слово «оредеж» из рода водского языка и означает «голову коня». Увы, подтвердить или опровер-

гнуть это утверждение уже невозможно — последние живые носители языка этого малочисленного народа России перешли в мир иной буквально в наши дни.

В живописной долине Оредежа по берегам реки можно увидеть уникальное и редкое, в общем-то природное явление — геологические обнажения красных девонских песчаников. Напомним, что девон —

мена, когда динозавров еще не было и в помине.

Высотой от 2 до 8 метров, красные песчаники то подходят к самой воде, то чуть отступают от нее, местами природа образовала в толще древней породы большие и малые пещеры. Эти чудеса природы издавна привлекали разнообразных творческих личностей. Мастер русского пейзажа Иван Шишкин был настоль-

это четвертый геологический период палеозойской эры, начавшийся более 400 миллионов лет тому назад и длившийся более 50 миллионов лет. Дух захватывает, когда проводишь рукою по этим удивительным красным песчаникам, уже существовавшим в те далекие вре-

ко влюблен в это место, что не только живописал его на своих полотнах, но даже поселился на даче в окрестном Сиверском лесу, а светописец (как тогда порою называли пионеров цветной фотографии) Сергей Прокудин-Горский запечатлевал их на фотопленке.

Совсем неподалеку от выхода красных девонских песчаников, в районе станции Сиверская Гатчинской железной дороги есть еще одно завораживающее по своей красоте явление природы — Маргариткин водопад. Название водопада — народное, в честь его первооткры-

вательницы. А вот характер его совершенно непредсказуем — потоки воды могут несколько месяцев кряду с бешеной скоростью устремляться вниз с высоты порядка 4 метров, распадаясь на мириады брызг. В месте падения потоки воды буквально пилят красный девонский песчаник,

вгрызаясь в него медленно, но верно все ниже и ниже. А потом он неожиданно прекращает свое падение на неопределенное время. Загадкой является и отрицательный угол склона вокруг Маргариткиного водопада, который образует узкую впадину. Будущие исследователи, возможно,

дадут исчерпывающие ответы на эти и другие загадки, которые преподнесит нам матушка-природа.

ПОДЗЕМНЫЕ ЧЕРТОГИ СТАРИННОЙ УСАДЬБЫ

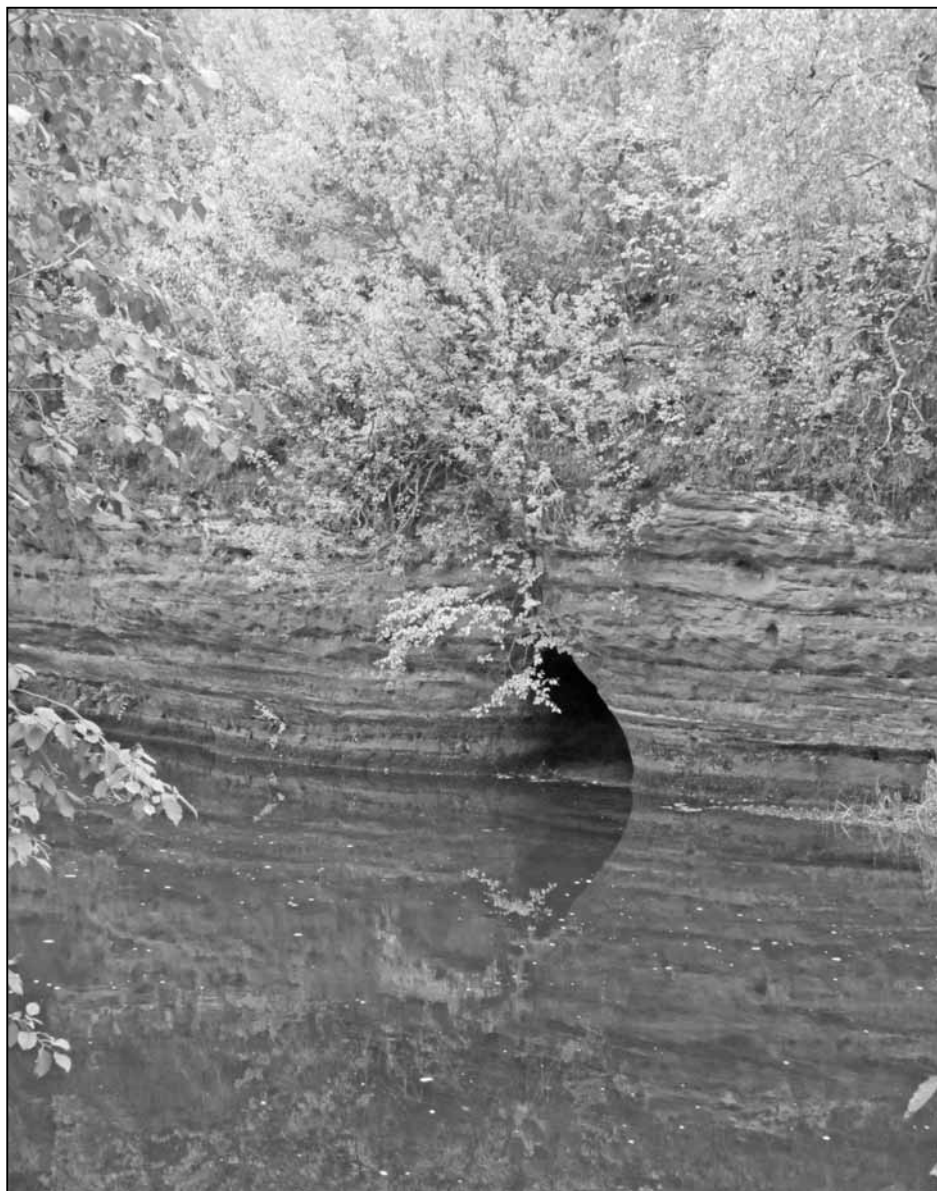
За год до Октябрьской революции тогда еще юный, только начинаю-

щий и никому не известный петербургский поэт Владимир Набоков получил в наследство от своего бездетного дяди-дипломата усадьбу Рождествено и миллион в придачу на карманные расходы. Правда, владеть ею ему довелось совсем недолго. Несмотря на бурный XX век, и усадебный дом, выходящий фасадом к величаво-спокойным в этом месте водам Оредежа, и старинный тенистый парк хорошо сохранились. В усадьбе ныне размещена экспози-

ция музея, посвященная ее главному герою — любителю шахматных этюдов и обладателю огромной коллекции бабочек, автору скандально-знаменитой «Лолиты», знаменитому русско-английскому писателю Владимиру Набокову, который трижды номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

А вот на самой окраине парка, куда доходят далеко не все его посетители, можно увидеть большую пещеру с вытекающим из нее родни-

ком. Подземные воды промыли себе ход в толще горной породы, и при известной сноровке можно из первого большого подземного зала пробраться во второй по узкому проходу. Под ногами журчит ручей, стенки лаза холодные и скользкие на ощупь, но ощущения при этом фантастически-непередаваемые. Призрачный луч фонарика высвечивает круглые своды подземных чертогов, а в самом дальнем углу манит проход в третий зал. Но тот ход, по

которому также бежит ручей, при выходе на поверхность впадающий в небольшую речку с характерным названием Грязно, очень узкий и тесный, и в него без специальной экипировки и спелеоснаряжения не попасть. Да и не стоит, ради собственной же безопасности — ведь адреналин и так зашкаливает!

ЛУЖСКИЙ КАНЬОН

Лужский каньон — еще одно уникальное природное явление в этих

краях. Чтобы добраться до него, потребуется съехать с трассы и немного прогуляться по лесу. То и дело, то тут, то там попадаются валуны, а зеленый мох приятно пружинит под ногами. Тихое и светлое озеро с ослепительно белым песчаным пляжем появилось после выработки кварцевого песка из карьера. А вот расположенный рядом песчаный каньон с причудливыми изгибами — настоящее творение природы. Он совсем небольшой, зато невероятно красивый. Это как раз то место, которое лучше один раз увидеть. Впечатления будут еще долго стоять в вашей памяти. Здесь, в звенящей тишине хвойного леса, можно сказать, по полной заряжаешься энергией для души и тела.

БЕЛЫЕ СКАЛЫ ТАИНСТВЕННОЙ РЕКИ

Река Ящера — соседний с Ордежем приток реки Луги. Эта неширокая и неглубокая река с перекатами протекает в невероятно живописных местах, самым интересным и загадочным из которых являются Белые скалы. Образованные окаменевшим кварцевым песком, они представляют собою величественный парк «юрского периода». Чтобы добраться до этих безлюдных мест, потребуется неплохая физическая форма и большое желание. Ну а сам проход к подножию Белых скал, представляющий собою крутой спуск с высокого, обрывистого берега, возможен лишь по узкой и мокрой тропе из разноцветной глины. Надо быть предель-

но осторожным и внимательным, чтобы не свалиться с высоты обрыва в холодные речные воды. На тропе путников встречает безмолвный, но всевидящий страж сих мест — дух реки Ящеры. И хотя его образ — творение безвестного современного художника, увиденное действительно впечатляет. Проходя по тропе, стоит заглянуть в небольшую пещеру и испить невероятно вкусной и целебной воды из ключевого родника.

А теперь давайте задумаемся о происхождении названия реки Ящеры, ведь гидронимы, как правило, очень и очень древние в своей основе. Не здесь ли и жили пресловутые «коркодилы» из русских средневековых летописей, которые периодически нападали на людей и домашний скот. В том, что подобные твари были, скорее всего, амфибиями-ихтиостегами и некогда действительно существовали на северо-западе русских земель, ныне убеждены многие авторитетные криптозоологи.

Как известно, за последний век уровень воды во многих реках и речках катастрофически упал, так что ныне узкая и очень глубокая речная долина Ящеры в средневековье вполне могла быть более полноводной. И в ее многочисленных тогда подводных пещерах, часть из которых сохранилась до наших дней и стала ныне наземными, как раз и могли обитать те самые реликтовые ящеры, по которым река и получила свое название. Очень может быть. □

ДВА РОМАНТИКА— ПОЭТ И ХУДОЖНИК

*В.А. Жуковский
(портрет кисти
Карла Брюллова)*

*Каспар Давид
Фридрих
(автопортрет)*

В 1817 году тридцатичетырехлетний Василий Андреевич Жуковский, уже довольно известный и популярный в России поэт, получил весьма престижное место — учителя русского языка супруги великого князя Николая Павловича, прусской принцессы Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, или Александры Фе-

доровны, как ее называли в России. 5000 рублей жалованья, квартира во дворце великого князя, занятия ежедневно по одному часу, прочее время свободно — условия были просто великолепные! «Обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью. Это главное!.. Это не работа наемника, а занятие

«На паруснике»

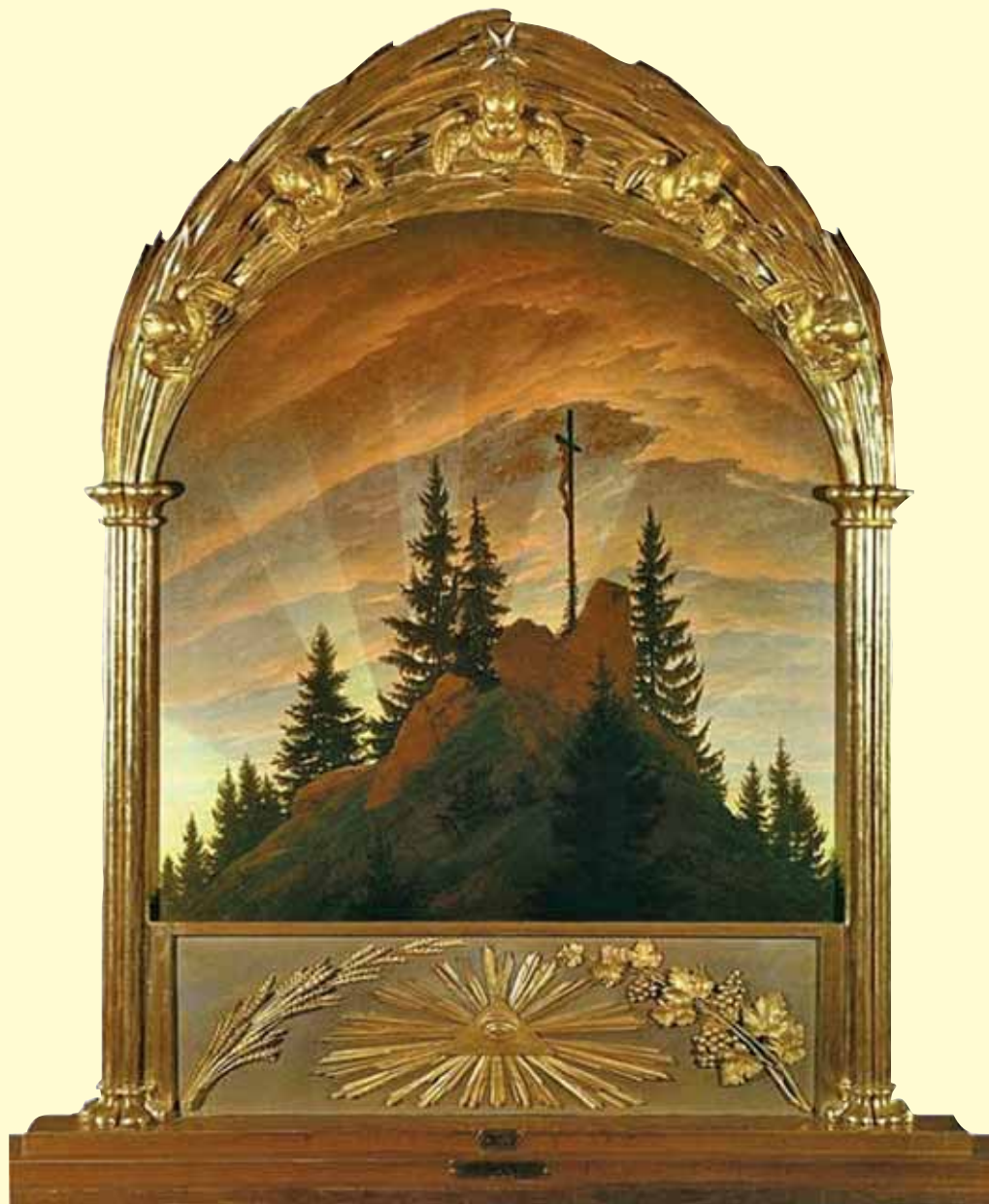

благородное... Здесь много пищи для энтузиазма, для авторского таланта», — писал Жуковский в письме своему другу Тургеневу.

Великая княгиня оказалась дамой весьма неглупой и очень хорошенькой к тому же, а потому Жуковский получал радость не только от немалого жалования, но и от общения с милой княгиней. Кстати, она сама была не в восторге от своего учителя и его методик, которые

он разрабатывал сам и которыми очень гордился. Позже Александра Федоровна вспоминала, что «человек он был слишком поэтический, чтобы оказаться хорошим учителем <...>. Поэтому русский язык я постигала плохо <...> в продолжение многих лет не имела духу произносить на нем цельных фраз».

В обязанности Жуковского входило не только преподавание русского языка, но и сопровождение

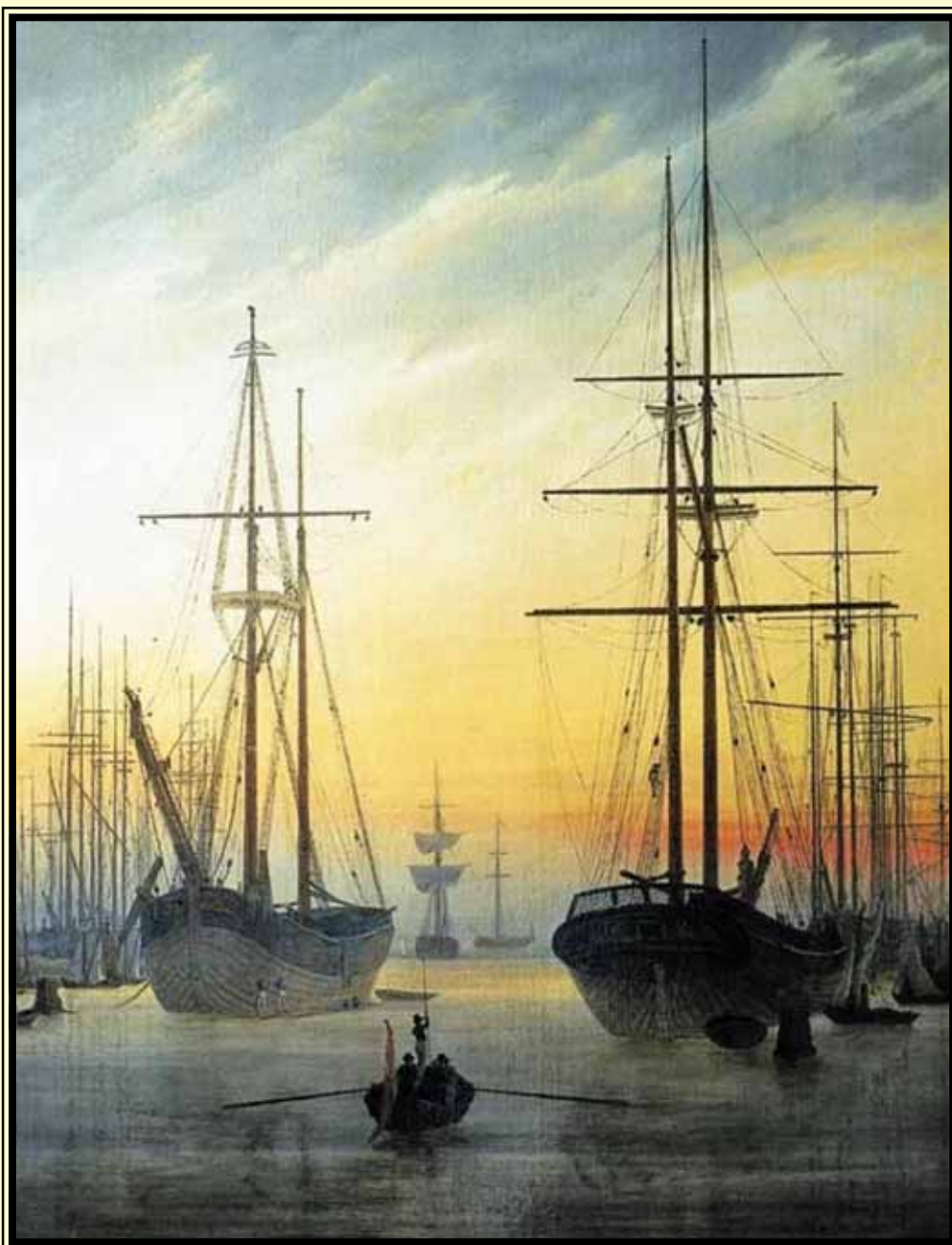

«Крест в горах»

ученицы в зарубежных поездках. В 1820 году он состоял в ее свите во время путешествия в Германию. Одну из ночей они провели на постоялом дворе в Нойенбурге. Там, впервые, а потом и в покоях прусской королевы в Берлине, и в библиотеке Фридриха II, и в других домах немецкой знати он увидел картины художника, поразившего его своим мастерством и каким-то особенным настроением, исходившим от его

полотен. *«Как зовут этого живописца?»* — спросил Жуковский своих немецких знакомых. *«Каспар Давид Фридрих»*, — ответили ему. И восхищенный поэт написал своим друзьям в Россию: *«В его картинах нет ничего мечтательного. Напротив, они привлекательны своею верностью, каждая возбуждает в душе воспоминания. Если находишь в них более того, что находят глаза, то лишь оттого, что живописец смо-*

«Вид гавани»

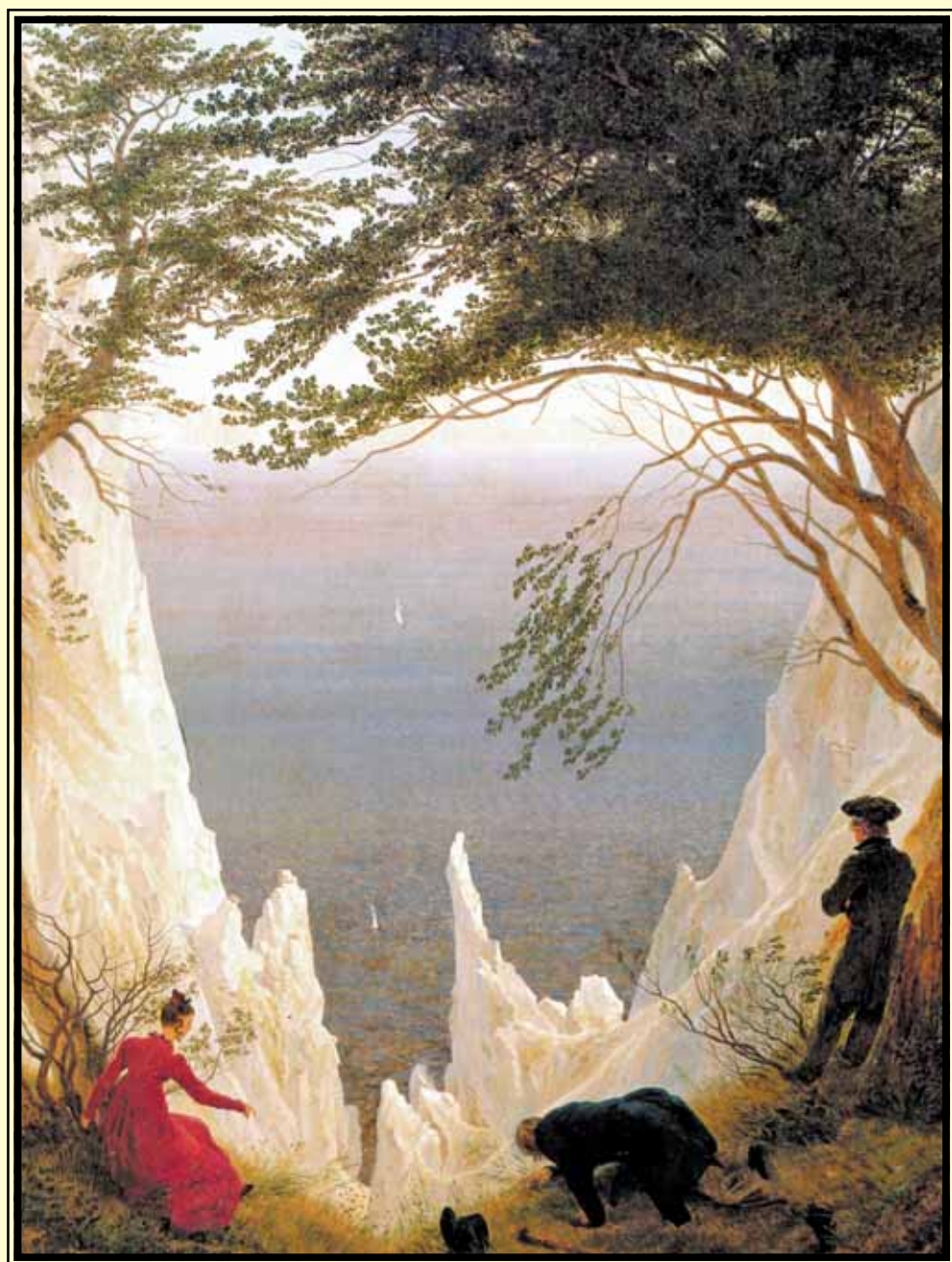

трел на природу не как артист, который ищет в ней только образца для кисти, а как человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни».

Жуковский обратил внимание Александры Федоровны и ее мужа князя Николая Павловича на работы Фридриха, и великий князь, по его совету, купил в дар для своей жены

две картины «На паруснике» и «Гавань ночью».

А потом они познакомились — поэт и художник. В одном из писем Жуковский так рассказывает о Фридрихе: «Лицо Фридриха не поражает никого, кто с ним встретится в толпе. Это сухощавый, среднего роста человек, с белыми бровями, нависшими на глаза. Отличительная черта

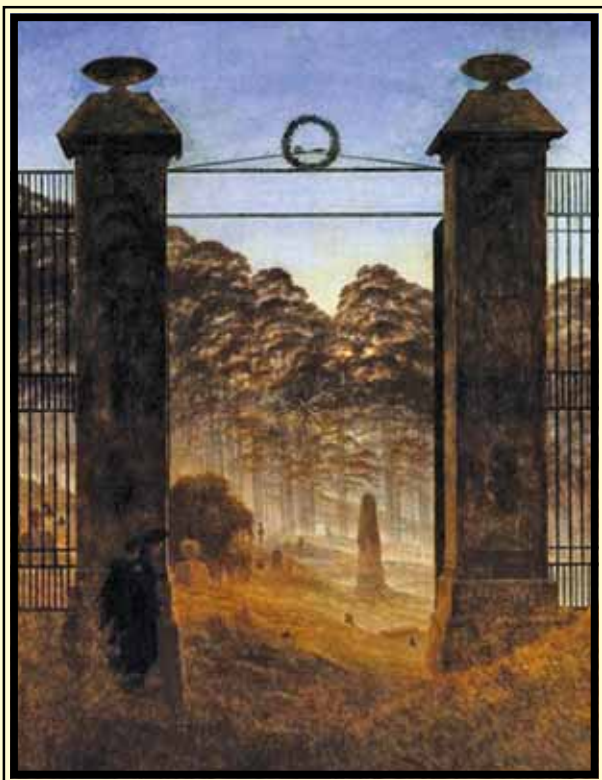
*«Белые скалы
на Рюгене»*

его физиономии есть простодушие, таков он и характером: простодушие и чувствительность во всех его словах, он говорит без красноречия, но с живостью непритворного чувства, особенно, когда коснется до любимого его предмета, до природы, с которой он как семьянин. Он повсюду находит в ней символ человеческой жизни...Он смотрит на приро-

ду не как артист, который ищет в ней только образец для кисти, а как человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни».

Оба, и Жуковский, и Фридрих, были истинными романтиками. Почувствовав друг в друге родственную душу, они стали настоящими друзьями.

При встречах Жуковский и Фридрих много говорили об искусстве и поэзии, рассказывали о своей жизни. И Василий Андреевич узнал, что Фридрих родился 5 сентября 1774 года в Померании, в городке Грейсфальд, в семье владельца местной мыловарни Адольфа Фридриха. В этом городе, расположенном на берегу Балтийского моря, жили строгие и благонравные протестанты. Таким был и мыловар Фридрих, а потому его дети (а их было десять!) воспитывались в атмосфере почитания родителей и веры в Бога, и о каких-либо излишествах и речи не было. Все — весьма аскетично, сурово и без особых эмоций.

Жизнь складывалась непросто — когда Каспару было семь лет, умерла мать. Спустя шесть лет он пережил еще один тяжелейший удар — на его глазах погиб брат. Как-то

Каспар катался на коньках по замерзшему льду реки. Но, видно, не везде толщина льда была одинаковой, и мальчик провалился в ледяную воду. Его спас младший брат, но при этом он сам попал под лед и погиб. После этой трагедии Каспар долго не мог прийти в себя. Многие годы он считал себя повинным в смерти брата. Пережитое не могло не отразиться на его характере — он любил одиночество, стал молчаливым, замкнутым.

Рисовать Каспар начал рано, особенно ему нравилось уйти куда-нибудь подальше от дома, туда, где никого не было кроме него и дикой северной природы, и пытаться на бумаге запечатлеть красоту родного края.

В 1790 году он стал брать уроки у одного из местных художников, Иоганна Квисторпа. В доме учителя Каспар познакомился с человеком, сыгравшим огромную роль в формировании его взгляда на мир, на природу и вообще на человеческую жизнь. Это был пастор Людвиг Козегартен. Спокойный, уравновешенный, он принимал мир и человека такими, какие они есть, не требуя большего, чем то, что они могли дать. Да, говорил он своему юному другу, мир несовершенен, но таким его создал Бог, и в него он заложил смысл, постигнуть который не всегда под силу человеческому разуму.

В 1794 году Фридрих поступил в копенгагенскую Академию художеств. В то время это было одно из лучших учебных заведений Север-

Слева:

«Вход
на кладбище»

«Море льда»,
или «Крушение
"Надежды"»

ной Европы. Студенты из всех стран постигали секреты мастерства и изучали строение человеческого тела. Последнее не очень нравилось юному Каспару — его больше увлекало желание запечатлеть на полотне плоды Божественных творений. Ему хотелось рисовать пейзаж.

Копенгаген славился по всей Европе своей Королевской галереей — тут хранилась замечательная коллекция голландского пейзажа, и Фридрих часами мог рассматривать работы Рейсдала и других художников.

Окончив академию, Каспар переехал в Дрезден. Тут, в столице Саксонии, фактически прошла вся его жизнь. Он полюбил этот немецкий город, полюбил его пышную барочную архитектуру, живописные окрестности, полюбил и дрезденцев,

среди которых в то время жили люди действительно замечательные.

Начало XIX века в Дрездене было временем пика культурной жизни города. Здесь формировалось новое направление в искусстве и литературе — романтизм, здесь жили настоящие романтики: Людвиг Тик, Новалис, Фридрих Шлегель и Генрих фон Клейст. Они проповедовали уход от скучной, прозаической действительности, в которой жили немецкие бюргеры, любители сосисок и пива, в мир иллюзий, сильных чувств, в мир страстей и великих свершений. Эти писатели и поэты, члены группы «Sturm und Drang» («Буря и натиск»), отвергали рациональную философию эпохи Просвещения. Для них главным стало чувственное мировосприятие. При этом романтики отличались мистицизмом и религиозной ортодок-

сальностью. Не удивительно, что их идеи нашли свое яркое выражение в пейзажной живописи, поскольку мир природы — это мир, созданный Творцом, реализация его великого Замысла. Именно так воспринимал природу и Фридрих. *«Бог вокруг нас, он во всем, в каждой песчинке, в этих камышах».*

В 1805 году Фридрих, без особой надежды на победу, решил поучаствовать в конкурсе живописцев, который Гете устраивал каждый год в Веймаре. Он представил две работы, написанные сепией, и, к своему огромному удивлению, получил первый приз! Это была его первая победа. В порыве благодарности он тут же подарил Гете свои картины.

А еще через два года Фридрих испытал, что такое настоящая слава. О его картине говорила вся Германия. Это был знаменитый «Крест в горах». Картина писалась по заказу — некий чешский аристократ граф Тун, владелец замка Тетчен, попросил его написать что-нибудь на религиозные темы для его домашней церкви. Впоследствии картину стали называть по имени замка — «Тетченский алтарь». В композиции художник выступил настоящим революционером — до него еще никто не использовал пейзаж, считавшийся низким жанром, в качестве алтарного образа. Фридрих написал крест, стоящий на вершине горы, которая вполне может считаться символом Голгофы. Крест с распятым Христом окружен вечнозелеными елями, говорящими о вечности

загробной жизни и никогда не оставляющей человека надежды на спасение и воскресение. Картину поместили в раму, специально сделанную по эскизу Фридриха мастером Карлом Куном. Пшеница и виноградная ветвь внизу рамы напоминают о евхаристии, причастии («Аз есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой — Виноградарь», — говорил Христос), а пальмовые ветви вверху — о победе Христа над смертью. Распятие освещено лучами солнца, а три мощных луча, пронизывающие всю картину, как и треугольник на раме, символизируют Святую Троицу.

Вокруг картины разгорелся настоящий скандал. Критики обвиняли художника в том, что он, со своим второсортным пейзажем, лезет в Церковь и замахивается на самое святое — на алтарь, низводя христианскую трагедию до аллегории. Осторожный заказчик граф Тун не решился повесить картину в домашней церкви — в результате она попала в одну из жилых комнат, как и положено обычному пейзажу. Итак, ортодоксальные критики и церковники бесновались, зато романтики были в восторге — в их рядах появился настоящий, сильный художник. С восторгом они приняли и его следующую большую работу — «Монах у моря». Картина чрезвычайно проста по композиции: линия горизонта, разделяющая небо и море, и линия берега, разделяющая море и землю. А еще маленькая фигурка, вертикаль — человек, чья малость

очевидна в этом мире великих горизонталей. Такие «маленькие человеки» появляются на многих пейзажах Фридриха — они идут сквозь снежные метели, по полям, пробиваются к заросшим развалинам древних замков и забытых храмов. Или просто созерцают мир. Но они всегда страшно одиноки и бесконечно малы перед грандиозным миром, созданным Творцом.

Картины Фридриха стали нравиться не только поэтам и философам, но и власть имущим, среди которых были Фридрих Вильгельм III, король Пруссии, и художник удостоился чести стать членом берлинской Академии художеств. Во время наполеоновских войн Фридрих, как мог, проявлял патриотические чувства — так, например, на картинах «Белые скалы на Рюгене» и «Восход Луны над морем» персонажи почему-то одеты в национальные немецкие костюмы. На его полотнах появляются и французские солдаты, заблудившиеся в темном лесу или в страхе глядящие на ворона — символ их скорой гибели. Писал Фридрих и могилы наполеоновских оккупантов. Все это принесло свои плоды — популярность художника в народе росла, его выбрали в Дрезденскую академию. Быть членом академии Саксонии означало иметь постоянный и немалый доход. Теперь Фридрих стал обеспеченным человеком. Возможно, тогда он начал подумывать — а не упорядочить ли свою личную жизнь, словом — может, уже пришло время жениться.

И в 1818 году он женился. Его избранница — Каролина Боммер, милая, спокойная девушка, была на 20 лет моложе художника. *«Как много изменилось в моей жизни с тех пор, как я перешел с "я" на "мы", — рассказывал художник одному из своих близких друзей. — Мой старый дом стал неузнаваем, чистым и уютным, и я просто счастлив!»* Каролина подарила мужу трех детишек, воспитывала их, вела дом и в свободное время позировала художнику.

Жуковский все больше и больше попадал под очарование личности Фридриха и его картин. Он всячески способствовал тому, чтобы его полотна попадали в Россию, знакомил с творчеством художника своих аристократических покровителей и близких друзей. И Фридрих очень ценил дружбу с русским поэтом.

В 1823 году Жуковского постигло горе — умерла его любимая Машенька Протасова-Майер... Маша была дочерью сводной сестры Жуковского, Екатерины Афанасьевны Протасовой, которая не дала согласие на брак поэта и дочери, несмотря на то, что влюбленных связывало давнее и прочное чувство. Ни один священник не одобрит такое: ведь они близкие родственники! — говорила госпожа Протасова. И Маша, и Жуковский страдали, однако ничего сделать не могли. А потом Маша решилась выйти замуж за дерптского профессора Мойера — ей казалось, так она разрубит этот гордиев узел их с Василием Андреевичем отношений. Мойер был заме-

чательным человеком и искренне старался сделать Машу счастливой, но... В 1823 году во время вторых родов она умерла. Это был страшный удар для Жуковского. Маша, даже став женой другого, оставалась для поэта самой любимой, самой желанной, самым близким человеком на свете. Она была его музой. И вот ее не стало.

Фридрих, узнав о горе Жуковского, глубоко сочувствовал поэту и написал для него две картины — «Жизнь на гробе» и «Смерть на гробе». Жуковскому картины очень понравились, они отвечали его настроению, его печали. Он благодарил друга и договорился с ним, что тот ежегодно будет присылать в Россию не менее двух своих работ. Их покупали императрицы, великие княгини, и, конечно же, сам Жуковский, у которого постепенно складывалось замечательное собрание картин немецкого художника.

От Жуковского узнали о Фридрихе и близкие, с юных лет, друзья поэта — Александр Иванович Тургенев, известный историк, литератор, и его младший брат Сергей. В 1825 году, приехав в Германию, они посетили мастерскую художника. А.И. Тургенев рассказывал в одном из писем в Россию: *«Вчера были у Фридриха в atelier. Его слушали, а картины его смотрели с необыкновенным удовольствием. ... в картинах его воображение романтическое. Он выражает в них обычно одну простую мысль или чувство, но неопределенное. Можно мечтать над его*

произведениями, но ясно понимать их нельзя, и в его душе они не ясны. Это мечтания, — сон, видения во сне и в ночи...»

1825 год был невероятно важным для русской истории. Декабрьское восстание и суровость наказания участников (31 человек были приговорены к каторжным работам, а пятерых повесили!) потрясли все российское общество. Трагедия коснулась и братьев Тургеневых. Средний брат Николай, декабрист, находившийся во время восстания во Франции, а потом скрывавшийся в Англии, был заочно приговорен к смертной казни. Разум Сергея не выдержал все эти страшные события... Жуковский очень поддерживал братьев в эти трудные для них времена — они вместе жили в Дрездене. Весной 1827 года А.И. Тургенев писал в Москву К.Я. Булгакову: *«Мы окружены цветущими деревьями и благоуханием, но грусть нас душит. Сергею не лучше. Мрачные мысли и как следствие летаргия владеет им. ... Пока гений хранитель Жуковский с нами, я не упаду духом, но без него я не знаю, куда денусь и как останусь один с Сергеем — он действует на него спасительно...»* Лечение в Германии минеральными водами не помогло. 1 июня 1827 года Сергей умер в Париже. Его похоронили на кладбище Пер-Лашез.

После смерти брата Александр Тургенев в августе 1827 года снова побывал в Дрездене. Скорее всего, тогда он и заказал К.Д. Фридриху картину, подаренную им впослед-

**«Братья
Тургеневы
и Жуковский»**

ствии Жуковскому. На этой картине — два брата Тургеневых и Жуковский. Философ-славянофил Иван Киреевский увидел эту картину уже в доме Жуковского. Дав очень выразительное описание всех картин Фридриха, украшавших дом поэта, он, конечно, описал эту тоже: *«Даль, небо, луна — впереди решетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковский»*. Так объяснил мне сам Жуковский. *«Одного из этих мы вместе похоронили»*, — сказал он».

Картины Фридриха регулярно отправлялись в Россию, где у него, благодаря Жуковскому, было много почитателей. И даже тогда, когда в самой Пруссии он стал постепенно выходить из моды (сам Жуковский

говорил, что он *«пережил свое дарование»*), в России его охотно покупали. Только у самого Жуковского было 9 картин Фридриха, 8 принадлежали царскому семейству. Покупали Фридриха и Вяземские, Барятинские и другие российские коллекционеры-аристократы.

В 1835 году в июне у художника случился инсульт — это был второй, и после него Фридрих уже не оправился. Начался паралич правой руки. Это было так мучительно! Ведь теперь он не мог делать то, что любил больше всего на свете — рисовать. Не мог зарабатывать деньги, то есть обрекал семью на нищенское существование. Тогда о Фридрихе мало кто вспоминал, но Жуковский по-прежнему оставался его

верным другом. Он говорил о нем с великим князем Александром Николаевичем, напоминая слова, будто бы сказанные в 1820 году императором, тогда еще великим князем, Николаем Павловичем: «Фридрих, если будешь в нужде, дай мне знать, я тебе помогу». *«Заступите теперь место государя и помогите ему. Позвольте мне именем вашим (если сами не найдете времени) взять у него на одну или две тысячи (рублей) рисунков и картин, что найдется»*, — просил Жуковский императора.

Последние пять лет жизни Фридриха были наполнены непрерывными страданиями, которые он переносил стойко, с достоинством и смирением. Последний раз Жуковский видел своего любимого художника за два месяца до его смерти. *«19 марта 1840 года. К Фридриху. Грустная развалина. Он плакал, как дитя. 20 марта. Середа. Пребывание в Дрездене. Выбор рисунков Фридриха для великого князя»*.

7 мая 1840 года Фридрих умер. Похоронили его на дрезденском кладбище Тринитатис, ворота которого он так часто изображал на своих полотнах. Жуковский, узнав о кончине друга, пошел на прием к царю и добился того, чтобы вдова Фридриха получила от русского правителя небольшое вспомоществование. После смерти художника закупка его картин стояла обязательным делом в берлинских и дрезденских поездках Василия Андреевича, и эти суммы, которые фрау Фридрих получала

из России, очень поддерживали ее семейство.

В 1841 году Жуковский навсегда покинул Россию. Произведения искусства, собранные им, остались в Петербурге. С собой он взял 50 рисунков Фридриха. По-видимому, очень хотел, чтобы эти работы его любимого художника были всегда с ним... (После смерти Жуковского в 1852 году его собрания перешли к наследникам; с годами что-то попадало в российские музеи, а что-то — оседало в частных коллекциях.)

В середине XIX века Фридрих уже вышел из моды, а потом и вовсе был забыт. Вспомнили о нем только в начале XX столетия, когда основатели сюрреализма вдруг снова открыли выдающегося немецкого романтика Каспара Давида Фридриха, найдя в его картинах нечто, созвучное их идеям. И теперь он по праву считается одним из лучших живописцев XIX века, сумевшим создать новый жанр — жанр философского или аллегорического пейзажа. Немногим художникам удавалось открыть новые направления в искусстве...

Россия, благодаря В.А. Жуковскому, сегодня обладает одной из лучших в мире (не считая Германии) коллекций работ Фридриха. В основном они находятся в Эрмитаже и Государственном музее имени Пушкина. Там, в московском музее, и хранится картина, на которой изображены братья Тургеневы и сам поэт. Пройдя через многие руки, она была подарена музею в 1991 году москвичом В.Н. Рыбалко. □

Мария Большова

Фото
из личного
архива

— Мария, стать актрисой вы, наверное, хотели с детства?

— Я выросла в семье артистов, на сцене мне они всегда казались недостижимыми, невероятными, большими профессионалами, и, глядя на них, я очень сомневалась —

Мария Большова — молодая талантливая актриса Мастерской Петра Фоменко. В театре она служит с 2015 года и запомнилась зрителям по спектаклям «Вишневый сад» — Аня, «Чайка» — Маша, «Дачники» — Юлия Филипповна, и другим. Помимо театра она еще много снимается в кино: «Две зимы и три лета» — ее дебют в картине Теймураза Эсадзе. Затем были «Большая поэзия» режиссера А. Лунгина, «Портрет незнакомца» С. Осипьяна, «Небо измеряется милями» К. Буслова.

«Я всегда открыта к предложениям»

смогу ли соответствовать, если выберу актерскую профессию. Я бывала в театре на репетициях, спектаклях, присутствовала при обсуждениях, разговорах родителей на тему профессии, то есть с детства понимала всю ответственность выбора. Я никогда не была в «розовых очках».

По окончании школы все же приняла решение и поступила в теат-

ральный вуз — в ГИТИС (РАТИ), в актерскую группу на режиссерский факультет, в мастерскую Е.Б. Каменьковича и Д.А. Крымова.

— Мария, что для вас театр?

— Я очень люблю театр, сам творческий процесс, процесс работы над ролью... Мечтаю всегда о работе и всегда открыта к предложениям.

— В кино кого хотелось бы сыграть?

— Хотелось бы сняться в фильме про вампиров и ведьм (улыбается), мне нравится перевоплощаться, пробовать себя в чем-то другом...

— Кто ваши учителя в профессии?

— Наверное, мой отец, Владимир Иванович Большов. Актер, режиссер, с 1984 года служит в театре «Сатирикон».

Еще у меня есть подруга — Полина Айрапетова, вместе учились, работаем в одном театре. Она всегда меня направляет, если в чем-то сомневаюсь, помогает мне найти правильное решение.

— Что вы читаете сегодня? Какая литература вам интересна?

— В основном книги про американскую актерскую школу. Мы зна-

ем Ли Страсберга, Михаила Чехова ... А ведь есть еще и другие мастера: Ивана Чаббак, Артур Бартоу... С интересом читаю психолога Андрея Курпатова. Прочитав его книги, я подумала, что было бы интересно разбирать роли в связи с типами личности, то есть сделать роль через психологию.

— Есть ли у вас хобби?

— Иногда после спектаклей, когда прихожу домой, то начинаю что-то лепить из полимерного пластика, например, лица.

Это довольно просто, если попрактиковаться. Запекаешь двадцать минут в духовке, и готово.

— Ваш любимый фильм?

— «Дети райка» — французская картина 1945 года, режиссера Марселя Карне — об актерах парижского те-

атра первой половины 19 века. Мне очень нравится главный герой — мим Батист. Это реальная историческая личность — великий мим Батист Дебюро, развивавший традиции комедии дель арте. Также в картине есть персонаж Фредерик Леметр — это известный актер, реформатор французского театра.

Нравятся картины Ларса фон Триера, люблю смотреть мультфильмы японских режиссеров-аниматоров: Хаяо Миядзаки, Макото Синкая.

— Вы любите путешествовать, где хотелось бы побывать?

— Сегодня нет возможности никуда поехать, и это очень остро ощущается, увы. Из последнего меня восхитила Португалия, я там ездила на скутере из города в город

и посмотрела немало интересных мест. Расположение этой страны, фантастический океан, древняя история, прекрасные простые люди, которые рады всегда туристам...

Хотелось бы побывать в США и в Японии.

— Какие люди вам нравятся?

— Талантливые, с чувством юмора, сомневающиеся... Неуспокоенные люди мне нравятся.

— Какое ощущение, когда со сцены вы видите 25 процентов зрителей в зале?

— С одной стороны — тяжело. Но! Я вижу каждого зрителя в лицо. Хотя очень скучаю по полному залу.

— Что пожелаете зрителям и читателям журнала сегодня?

— Я хочу сказать слова благодарности зрителям, которые приходят в театр в это непростое время, которые не разочаровываются из-за постоянных переносов, отмены спектаклей. Спасибо всем, кто поддерживает театр сегодня. Зрителю важен театр, а нам — зритель.

Беседовала **Елена Воробьева**

ПЕЧНИК

— Нет, хозяйка, так дело не пойдет. У вас в проекте двусторонний камин? — Очередной строитель внимательно осматривал дом Ольги, держа в руках чертежи его проекта.

— Да, и это, на мой взгляд, очень красиво придумано — и в гостиной, и в кабинете.

— И работают, каждый сам по себе, верно?

— Верно. Но мы ни разу еще их не зажигали. Видите ли, мы очень редко бываем на даче.

— У вас, хозяйка, при строительстве нарушены все правила техники безопасности, руки надо оторвать вашим специалистам. Вы же можете сгореть, если зажжете любое из этих чудовищ!

— Да что вы! А мы только ремонт закончили, все такое новое, симпатичное.

— А я вот смотрю на ваши чертежи, они тоже какие-то «левые», ворованные где-то, очень приблизительно соотносятся с вашим домом. Что же сейчас творится — все такими спецами заделались, а на самом деле — сплошные «самоделкины»! Такая техническая безграмотность! А все, как один, кто с деньгами, вот вы, например, все туда же — обязательно строить коттедж! Ну, ну... Короче говоря, вам надо все переделывать, дымоход, вентиляцию, крышу проверить, трубы и только потом переключивать повторно всю вашу «красоту». Держите ваши бумажки — чушь собачья! Готовьте деньги, многое придется переделывать, а если надумаете, сразу же мне звоните, я пришлю вам бригаду, они быстро справятся.

— Хорошо, договорились, спасибо вам за экспертное заключение. Вот, возьмите деньги за визит, будем с вами на связи.

Строитель попрощался и уехал. В это время как раз вернулись с лыжной прогулки муж Артем с сыном. Ольга выглядела растерянной. Артем снисходительно посмотрел на нее и спросил:

— На что ты тратишь свое свободное время? Лучше бы прошлась и подышала свежим воздухом, смотри, какая красивая снежная зима. Ты же прекрасно понимаешь, что это был очередной развод на деньги. Сколько уже их было! Ей-богу, перестань верить этим великолепным «специалистам»! Ладно, не расстраивайся, ну что в этот раз сказал этот «прораб перестройки»?

— Сказал, что надо каминны переделывать, они сделаны с большими нарушениями, и это грозит тем, что мы можем сгореть.

— А если не использовать каминны, жить в этом доме можно?

— Да, конечно, жить можно.

— Ну, вот тебе и решение, у нас все и так красиво! Все твои гости увидят наши каминны, можно туда положить декоративные бревна, в доме такие толстые стены, так тепло, не будем зажигать эти каминны ... вот и все. Нет у нас сейчас денег, надоело бесконечно тратиться на этот дом. Не надо быть перфекционисткой! Осталось только подкрасить кирпичи на каминнах и затереть швы. Я попрошу одного знакомого это сделать. Он с радостью приедет и бесплатно подкрасит. — И Артем пообещал завершить художественное оформление каминнов к следующим выходным.

Через неделю семья приехала на дачу. Ольга, увидев творчество приятеля Артема, очень расстроилась, ушла на кухню пить кофе. Артем тоже не ожидал превращения симпатичных классических каминнов в деревенские грубые печи, раскрашенные в малиновый и белый цвет. Они смотрелись очень пошло, портили вид гостиной и кабинета. Ольга поняла, что опять ей придется все переделывать, никому нельзя доверять, что бесплатным бывает, как всегда, только сыр в мышеловке, что насос по выкачиванию денег под названием «дача» продолжает работать на полную мощность.

Этим же вечером друзья порекомендовали ей хорошего специалиста по каминнах, печника, который все делает медленно, но ответственно и не очень дорого. Ольга созвонилась с печником и договорилась о встрече в самое ближайшее время. Взяв работу на дом, она поехала на дачу и стала ждать визита печника.

В назначенное время у ворот раздался сигнал машины — приехал печник. Это был мужчина лет пятидесяти, похожий на почтальона Печкина из известного мультика, худой, длинный и с усами. Придерживая шапку ушанку, он выскочил из машины, подбежал к задней дверце и, открыв ее,

подал руку полной женщине в старомодной норковой шубе и в норковом берете огромного размера. Та вышла из машины и попросила мужчину достать из багажника пакеты, как она выразилась, с провизией, термосом с морсом и сменной одеждой и обувью.

Мужчина, он же специалист по каминам, представился Ольге Леонидом Илларионовичем, а милостивую даму неопределенного возраста, которая оказалась его женой, он назвал «душа моя». Странная пара вошла в дом. Леонид начал в первую очередь ухаживать за женой, помог ей снять шубу, сапоги, достал ей удобную домашнюю обувь и теплую белую пуховую шаль. Дама сняла берет, поправила великолепно уложенные вокруг головы две русые косы и улыбнулась. Ее голубые глаза засияли, и морщинки у глаз, как лучики солнца, украсили и без того очень счастливое лицо женщины.

— Меня зовут Вероника Михайловна, — проговорила она. — Я всегда сопровождаю своего мужа в дальних поездках, надеюсь, что не помешаю вам. Куда можно поставить кастрюльки с обедом для Ленечки?

Тем временем печник тоже поинтересовался, где ему можно переодеться и подготовиться к работе. Все это было так необычно, непривычно. Ольге даже показалось, что пара разыгрывает перед ней какой-то спектакль. Очень профессионально разыгрывает. Однако печник скоро вышел в чистом и отглаженном рабочем комбинезоне.

А Вероника Михайловна направилась в кухню выкладывать свои припасы, предварительно спросив, можно ли ей немного похозяйничать.

Ольга растерялась от неожиданности, но кивнула и, показав женщине, где холодильник, где плита, буфет, где лежит посуда, вернулась в комнату, где они с Леонидом начали инспектировать камин.

Он внимательно осмотрел камин на первом этаже в столовой и гостиной, потом поднялся на второй этаж, забрался по лестнице на мансарду, проверил трубы, которые выходили на крышу. Ольга немного успокоилась только тогда, когда он благополучно спустился вниз и, присев на пол, попросил у нее разрешения выпить морсу.

На кухне за обеденным столом восседала Вероника Михайловна. Она разогрела обед, накрыла стол на троих, разложила на домашние полотняные салфетки тарелки, столовые приборы и стаканы. В кувшин налила морс, который стал художественной доминантой вишневого цвета на белой скатерти. В глубокую тарелку был аппетитно разложен салат из свеклы, тоже яркий и вкусно пахнущий, а на плите в кастрюле томился суп из белых грибов. Хлеб аккуратно лежал в корзинке, накрытый полотняной салфеткой.

— Дорогая хозяйюшка, Ольга Дмитриевна! Милости просим присоединиться к нашей скромной трапезе. Очень простые закуски, суп из наших грибов и голубцы со сметаной. Я уверена, что вам некогда возиться с обедом для себя самой. А так образовалась целая компания. Присаживайтесь на свое любимое место, ну а мы с Ленечкой уже потом.

— Большое вам спасибо, — улыбнулась Ольга. — Все так красиво выглядит и вкусно пахнет. А у меня есть кусок колбаски, сыр, могу угостить вас кофе и вафельным тортиком. Увы, больше ничего не покупала, я ведь здесь на пару дней, только ради вас.

Все сели за стол, Вероника Михайловна разложила по маленьким тарелкам салат, потом последовали суп и домашние голубцы. Ольга таких голубцов не ела с раннего детства. После смерти бабушки никто не возился с такими блюдами, времени на это не было, да и не всегда под рукой были необходимые продукты.

Леонид с улыбкой посмотрел на Ольгу, с гордостью на Веронику Михайловну, точно зная, что такие домашние блюда не могут не понравиться молодой хозяйке, и произнес:

— Сначала мы вместе пообедаем, насладимся трапезой, выпьем чаю. У нас к чаю есть домашние пироги с ягодами — калиной, черноплодной рябиной и брусникой. Очень вкусные и полезные. Верочка умеет замечательно выпекать пироги, поверьте мне. Нам не надо никакого сыра, колбасы и торта. С вас только кипяток, а чаек у нас тоже не простой, с мятой и чабрецом. А уж потом мы с вами обсудим, что нам придется делать.

Давненько Ольга не сидела в качестве гостя на своей кухне, да еще и в такой странной компании. Она начала присматриваться к Веронике и Леониду. Они были очень разными людьми. Леонид казался обычным мастером, знающим себе цену, а Верочка, она же Никочка, она же «душа моя», явно имела какое-то особое аристократическое происхождение. Но при этом пара выглядела как единство абсолютных противоположностей.

Чай действительно оказался очень ароматным, а необычный ягодный пирог, в котором много ягод и минимум теста, наивкуснейшим. Леонид первым поблагодарил Веронику Михайловну за вкусный обед. Он встал и, подойдя к ней, поцеловал ее руку. Выглядело это комично, но трогательно. Потом повернулся к Ольге:

— А теперь, дорогая хозяйюшка, я вынесу свой вердикт. Пойдемте, уединимся, не будем смущать Верочку в момент уборки.

«Цирк, да и только», — подумала про себя Ольга и пошла за Леонидом в гостиную.

— Для того чтобы вы могли пользоваться каминами, вам придется разобрать их полностью, расчистить от кирпичей, штукатурки и краски путь всего дымохода от первого этажа через второй, вплоть до крыши, — заговорил он, глядя на хозяйку. — Это приведет еще к одному настоящему ремонту в доме. Лучше его провести в летний период. Каминны собраны с техническими нарушениями, проверить все досконально невозможно, но я уверен, что это так. Видите ли, ваш дом — это не садовый деревянный домик, это или ваша мечта, или ваша могила! Если вы все-таки собираетесь жить в этом доме, то тогда я бы посоветовал вам ничего не трогать, только перекрасить и облагородить каминны. Я готов при наличии соответствующей краски и двух кирпичей помочь вам в этом. Тогда можно будет демонстрировать их как декоративные излишества, но ни в коем случае их не зажигать. Пройдет время, и вам все равно придется все переделывать в доме, уж слишком много в нем несурязиц — и в планировке, и в технической части, и во многом другом. Глядишь, к тому времени решатся вопросы по водоснабжению и газоснабжению. А пока вы работаете, дети учатся, живите в этой свежеекрасшенной шкатулке, ведь главное в доме — не каминны, а люди, то есть, вы сами. Вот, собственно, и все, что я могу вам предложить на сегодня.

Сначала Ольга расстроилась, вроде бы ничего нового этот Леонид ей не сказал. Однако буквально через минуту ей стало окончательно ясно, что он во многом прав. Зачем затевать переделку дома в ближайшее время, если через пару лет обещали провести газ в деревню и обеспечить ее водой. Вот тогда и надо будет делать глобальный ремонт. А сейчас успокоиться и принять то, что есть.

— Леонид Илларионович, — обратилась она к печнику, — готовы ли вы приступить к облагораживанию наших каминов? Что вам для этого нужно?

— Мне нужно перекрасить ваши каминны желательно в кирпичный цвет, это будет вполне достойно и натурально выглядеть. А доски, полки можно выкрасить в цвет дуба, что придаст каминам благородство, а пока то, что я вижу, выглядит, извините меня, пошловато. У вас поблизости есть магазин стройматериалов?

— Есть небольшая лавка, там все можно купить. Вы готовы сейчас поехать? Я дам вам деньги.

— Конечно, я сейчас поеду и все куплю, попрошу там ребят разбить в крошку пару кирпичей, чтобы не шуметь и не сорить у вас дома, хочу добавить кирпичного цвета в краску, каминны будут выглядеть, как новенькие.

Леонид оделся, взял деньги и поехал покупать необходимые материалы. Удивительное поведение печника вызывало у Ольги большое уважение. С одной стороны, он предупредил ее об опасности, обо всех нарушениях, а с другой — ни намека и никаких признаков вымогательства денег. Странно, однако...

Она вздохнула и отправилась на кухню пообщаться с Вероникой Михайловной.

Убрав стол и помыв посуду, Вероника Михайловна читала газету, прикрыв плечи тончайшей белой шалью. Ее присутствие делало простую кухню по-особому домашней и уютной.

— Что-то интересное? — спросила Ольга.

— Я, знаете ли, по специальности экономист, кандидат наук, вот читаю статью своего бывшего мужа по экономике, — сняв очки, ответила Вероника Михайловна. Очень хорошо написана, интересно и аргументировано, выводы и векторы развития указаны, единственный минус — все это не имеет никакого отношения к происходящему сегодня, одни наивные декларации.

— А как фамилия вашего бывшего мужа?

— Чекалин Виктор Тимофеевич, вы о нем слышали?

— Он ведь был один из самых известных советских экономистов, который мог представлять нашу действительность в реальных цифрах, он писал о перспективах нашей экономики, верно?

— Да, Витя — мой бывший муж, я им всегда очень гордилась. Но бывает и так, Олечка, что ты живешь много лет с родным человеком, а он и не догадывается, какая твоя любимая книга, любимое блюдо, любимый цветок, а другой, совсем чужой человек может стать тебе близким за несколько часов разговора. И, опережая ваш вопрос, скажу, что мы с Виктором два года назад развелись. Наш единственный сын живет отдельно со своей женой и двумя внуками в Литве. А я вышла замуж за Ленечку. Я давно не работаю, ухаживаю теперь за новым мужем. Нам, конечно, не хватает тех денег, которые Леня зарабатывает. Приходится сдавать мою большую академическую квартиру, которая досталась мне от папы. Летом мы живем на нашей даче в Мозжинке, в Академическом городке, а зимой — в небольшой квартире Лени.

— А как же так получилось, что вы отважились развестись с таким известным человеком, с отцом вашего единственного сына? Что же за история с вами приключилась?

В это время вернулся Леонид, доложил, что все необходимое купил, чеки выложил в прихожей и приступает к работе над каминами. Он от-

правился в гостиную, а Вероника Михайловна, взглянув на Ольгу, ответила на ее вопрос:

— Я могу рассказать, если вам интересно. У нас достаточно времени на это.

Вот представьте себе, что ситуация была очень похожа на вашу. Наш дом в Мозжинке — большой и старый. В какой-то момент все там начало ломаться и рушиться. Но еще раньше начала рушиться наша совместная жизнь. И вот почему.

Мне всегда казалось, что мы с Виктором говорим на одном языке, я его поддерживала во всех его начинаниях. Он очень талантливый человек, ученый — аналитик в области экономики, трудоголик, автор многочисленных книг. Мы познакомились в Академии наук, когда оба там работали и защищали кандидатские диссертации. Мне он понравился своим отличием от всех: высоко держал голову, никогда не боялся высказать вслух свои оригинальные мысли по многим экономическим и политическим вопросам. Правда, его смелое мнение редко совпадало с мнением большинства, но именно это мне особенно нравилось.

Я в него влюбилась, думаю, что Виктор тоже был в меня тогда влюблен. Мы поженились. К тому моменту наши родители умерли, братьев и сестер у нас не было. Оба много работали. Нам очень повезло — была собственная крыша над головой, огромная, уютная квартира и дача. Мой отец был собирателем живописи, прекрасные картины и сейчас украшают мой дом, а мама была книголюбом, наша библиотека насчитывает более пяти тысяч книг.

Я мечтала о детях, а Виктор долго был против, он хотел внимания только к себе и всегда. Но я его уговорила и, наконец, родила мальчика. Никаких домработниц у нас не было. Мы решили, что я плотно начинаю заниматься воспитанием и образованием сына. Кроме того, мне надо было поддерживать быт — убирать, стирать, гладить, ходить в магазины, доставать продукты, стоя часами в очередях, готовить обеды и ужины. Короче говоря, вести хозяйство. Юбки, блузки и платья были заброшены, в ход пошли брюки и свитера. Муж работал, писал книги, зарабатывал деньги, а я решала абсолютно все хозяйственные вопросы. Когда сын подрос, надо было помогать ему с уроками, посещать с ним секции и кружки. Разумеется, у меня и Виктора должен был быть самый талантливый и умный сын. Я, конечно, скучала по научной работе, но Виктор сказал, что он будет кормильцем в семье, а я должна быть его надежной опорой и создать все необходимые условия для достижения его успехов в науке.

Он ездил по всей стране и за рубеж на различные симпозиумы и форумы, выступал с докладами, а я радовалась за него и всячески ограждала от всех хлопот. К нам приходили наши коллеги, друзья. Я всех принимала, обслуживала, иногда их было так много, что я, меняя блюда, не успевала даже присесть за стол. Вечером буквально валилась с ног, но до того момента, пока я окончательно не упаду, муж репетировал, обкапывал на мне свои доклады и выступления. Я делала ему замечания, что-то поправляла, всегда его хвалила. Потом он шел к себе в кабинет и спокойно засыпал. А я не могла прочесть на ночь и десяти страниц новой книги. Мне не хватало тепла, ласки и простых объятий.

А что у нас самое главное в жизни — любовь, именно она-то и начала испаряться. Виктор постепенно перестал обращать на меня внимание. Сын вырос под его влиянием большим эгоистом, оба привыкли к тому, что мама обязана все им делать. Я превратилась в многофункциональную прислугу. Крошечное внимание — цветы, муж и сын дарили их мне формально только два раза в год — на мой день рождения и на 8 марта. Слово «подарок» исчезло из семейного словаря. Объяснение было очень простым: у них нет времени на походы в магазин для выискивания ненужных вещей. А я мечтала о совместных путешествиях, прогулках в парке или в лесу, о музеях, концертах и выставках.

Мое терпение, наконец, лопнуло, и я решила вернуться на работу, чтобы заработать деньги, а на них нанять помощницу по дому и кухне. Мне надоело заниматься хозяйством, все равно никогда всех дел по дому не переделаешь, к тому же эту мою «активную многолетнюю деятельность» никто никогда не ценил. Но этот фокус не прошел, все чужие женщины Виктора раздражали. К тому моменту он уже был избалован мной. Все по-прежнему должна была делать только я. Моя попытка сопротивления была подавлена, она вызвала «бурю в стакане» и дополнительное унижение.

Я оказалась бесправной и очень зависимой от него женщиной. Мне выдавались скудные деньги «на жизнь», в понятии Виктора — на еду и коммунальные платежи. Он считал, что остальное — одежда, отдых, развлечения, это не для меня. А я же женщина! Мне, естественно, хотелось приодеться, съездить в санаторий подлечиться, привести себя в порядок, встретиться со своими друзьями, жить полноценной жизнью, а самое главное — быть любимой. Сколько лет можно было оставаться «радостной» домохозяйкой?

Потом началась «перестройка», она требовала новых взглядов на экономику и быстрых решений накопившихся в стране проблем. Виктор начал публиковать статьи в газетах и журналах, его узнавали на улицах, он

выступал на телевидении, к нему пришли слава и деньги. А меня он отодвинул, как говорится, в «дальний угол». Самыми его расхожими выражениями тогда стали — «где моя свежая сорочка; хочу именно этот галстук; почему ботинки еще не почищены; уже пять часов, почему не подан обед; сегодня ничего нет нового, и я устал; где свежая газета; я уезжаю завтра, меня пригласили выступить в Н-ске».

Он был тогда очень востребован. Вот посмотрите на его фото в этой газете: пожилой полный мужчина с крупными чертами лица, с большими карими глазами, большим носом, высоким лбом, с густыми седыми волосами. С одной стороны, обычная внешность, а с другой — одни глаза его чего стоят, в его пристальном взгляде весь его ужасный характер.

Я наблюдала за ним, сначала даже ревновала, думая, что, возможно, у него появилась другая женщина, но нет, он был сосредоточен только на себе. Виктор постепенно становился еще большим эгоистом и домашним тираном. Все чаще я чувствовала унижение, слыша грубые и хамские высказывания. Он возомнил себя гениальным лидером, а всех остальных, включая самых близких друзей, презирал. Он вершил судьбу страны, он готовил великие события, а я думала только о каких-то человечках. Значит, я — ничтожная личность, мелко плавающая. Это он тащит самый тяжелый человеческий груз в своей голове — мысли о глобальном перевороте в экономике.

Я только и успевала от него выслушивать: «Принеси это, сделай то, ты должна, давай, давай, давай...»

Мои родители сошли бы с ума, если бы были свидетелями его поведения.

Одним словом, живя с ним, я была очень одинока. Сын к тому времени уехал в Литву со своей семьей. Его жизнь совершенно не волновала мужа. Виктор купался в своей славе, стал еще более честолюбивым и тщеславным. И очень активным, он был на подъеме, на пике. И при этом никого не жалел и никого не любил. Гости перестали к нам заходить, его побаивались — он унижал их в любом споре. Но я все еще не теряла веру в наши близкие отношения, хотя моя душа сначала тлела, потом сгорала, но сердце все равно прощало ему такое неприглядное поведение. Я продолжала его тихо любить в надежде, что однажды Виктор оценит мое терпение. Я себя успокаивала еще и тем, что у меня есть свои квартира и дом, «гениальный» муж, вполне благополучный сын, подруги, я не голодна, я свободна, пусть даже не во всем, и это значит, что вполне благополучна. Не знаю, как вам дать почувствовать надвигавшийся тогда на меня внутренний холод, опустошение, безумное желание снять

с шеи совсем обнаглевшего мужа. Силы мои были уже на исходе. Видите ли, я росла в семье, где все любили и уважали друг друга. Я, возможно, очень сентиментальная, наивная, но в то же время не могу переносить потребительского к себе отношения. Казалось бы, а что такого особенного в том, чтобы готовить и убирать для любимого, да еще и гениального мужа? Кто, кроме женщины, должен в семье заниматься хозяйством? Все верно, это обязанности жены. И она готова перевернуть весь мир, но только на добровольных началах и ради любви. Любимым же для мужа оставался только он сам.

В какой-то момент Виктор потерял профессиональную бдительность: его экономические статьи постепенно начали идти вразрез с политическими решениями, и его поклонники из различных политических групп перестали петь ему осанну. Я его предупредила об этом, но в его глазах я давно уже потеряла свой авторитет. Когда мы оставались с ним вдвоем, он говорил со мной в основном о том, какой он гений, и это больше всего меня раздражало, поэтому все чаще стали одолевать мысли: а как же я, что я из себя на сегодняшний день представляю? Куда делась моя расторопность, энергичность? И тогда я приняла решение — сдала дачу и на эти деньги стала приводить себя в порядок, жить, как когда-то мечтала. Но сил и желания все равно не было. На работу в институт я не пошла, все это было бессмысленно, отделы наши расформировали или развалили, не ясно даже, чем сейчас там можно заниматься. На мой взгляд, наступил полный конец фундаментальным исследованиям, да и деньги в институте платили мизерные.

И вот, через пару лет жильцы с моей дачи съехали. Я с трудом уговорила мужа поехать со мной, чтобы проверить дом. Там творилось черт знает что, все пришло в упадок. Виктор не любил дачу и загородную жизнь. Но продать дачу и сейчас и тогда было невозможно, надо было постепенно «латать дыры». Первой «дырой» оказался, как и у вас, камин, дача могла просто сгореть. Соседи посоветовали мне знакомого печника.

Приехал Леонид и сказал, что надо разбирать весь камин и заново его перекладывать. Это займет дня три при наличии материалов. Муж с раздражением выдал ему деньги на материалы и работу, поднялся на второй этаж и попросил его не беспокоить.

Леонид поехал на своей машине за материалами и инструментами, а я присоединилась к нему, чтобы в Звенигороде купить продукты. Пока мы ехали, он рассказал мне, что он вдовец, у него умерла от рака жена, есть дочь и внук. Живет он отдельно в своей двухкомнатной квартире. Пока ухаживал за больной и страдающей женой, лишился работы инженера-

электрика в проектом институте. Конечно, платили там ему мало, но без работы выжить мужчине невозможно. Вот он и решил заниматься частным бизнесом, прочитал учебные пособия и книги по конструированию каминов, окончил какие-то курсы по строительству, предложил свои услуги своим товарищам, многие из которых строили дачи. И у него все получилось. А потом сработало «сарафанное радио», самый верный и дешевый маркетинг, как сейчас говорят. И он ожил. Работает среди людей, старается никого не подвести, не жадничает, не переоценивает свой труд. В свободное время обожает читать книги, смотреть хорошие фильмы, играть с внуком в футбол, мечтает однажды выбраться на море. А в конце добавил:

— Я не был на море уже столько лет, мне оно даже ночью снится, как же я мечтаю услышать шум волн, поплавать и понырять...

Леонид помог купить и дотащить продукты, открывал мне двери в магазине и в машине. Я отвыкла от такого простого внимания. Когда мы приехали на дачу, муж даже не спустился, чтобы помочь мне донести продукты. Леонид сам все притащил и пошел крушить камин, а я занялась обедом.

Ровно в пять вечера я позвала мужчин к столу, предложила им борщ и мясо с картошкой, потом чай с булочками. Муж презрительно посмотрел на меня, мол, как я посмела уравнивать его в правах с этим «плебеем» — усадить его, гения, рядом с печником, ничтожеством. Он молча ел, не поднимая головы от тарелки, и при этом «руководил процессом»:

— Хлеб есть в этом доме? Я не хочу белый, дай черный. Почему нет перца на столе? Нет ли минеральной воды? Где мой личный стакан в подстаканнике? Дай мне сахар, я хочу кусковой. Я не буду есть эти казенные булки.

Печник смотрел на весь этот концерт с ужасом. Ему было жаль меня, а я не знала, как вышвырнуть из своей души этот булыжник хамства Виктора. Леонид искренне улыбнулся и обратился ко мне:

— Уважаемая хозяйюшка, Вероника Михайловна! Какой у вас вкусный получился борщ, я давно такого не едал, и как красиво сервирован стол! Я получил огромное удовольствие от всего вами приготовленного! И когда вы только успели это гастрономическое чудо, мясо тушеное, так необыкновенно сотворить?

Виктор, даже не взглянув на него, поднялся и пошел на второй этаж. С лестницы послышалось:

— О господи! «Хозяйюшка» — какая пошлость!

Леонид посмотрел на меня и очень тихо сказал:

— Вероника Михайловна! Садитесь сами, поешьте, выпейте спокойно чаю. Не гневайтесь на мужа. Он, может быть, не с той ноги встал, или у него что-то не клеится на работе, он волнуется и нервничает. Не обращайтесь внимания, все наладится.

От его слов и искренней жалости я не выдержала, и у меня из глаз потекли слезы. Леонид прекрасно понял, что я очень несчастна, и не только сегодня. Ведь я так и не теряла надежды, что муж, любимый МНОЮ много лет, все-таки меня понимает, но только потом после развода до меня дошло, что понять меня сможет только человек, любящий МЕНЯ.

Всего три дня я сравнивала двух мужчин — хорошо мне знакомого гения и абсолютно чужого, простого, скромного печника. Леонид пытался помогать мне во всем и ни разу не позволил себе вмешаться в наши с Виктором разговоры и споры. Он работал от зари до зари и сделал нам новый камин, красивый и надежный. Виктор даже не спустился, чтобы принять его работу, и не пожелал попрощаться с печником. Мне было опять очень стыдно. Когда мы с Леонидом вышли на крыльцо, он вдруг взял меня за руку и произнес:

— Вероника Михайловна, сколько можно терпеть эти испытания? Они причиняют вам такую душевную боль и окончательно вас сломают! Бросайте вы вашего мужа, вы давно его не любите, а он любит только себя. Увы, мы не всегда живем с людьми, о которых когда-то мечтали. Может быть, попробовать, наконец, жить с теми людьми, в которых мы оба нуждаемся? Мы с вами одиноки, оба тянемся к любви и теплу. Так давайте сделаем этот шаг!

Я протянула Лене руку, надела шубу и ушла с ним за счастьем. Вот, собственно, и все. Я так рада! Я снова стала любимой женщиной! Ведь добро делает чудеса, а зло все убивает. Звучит очень банально, но это факт. Я очень горжусь своим мужем, мне даже не дотянуться до его тонкой души и благородства! И он совсем не простой печник, а волшебник! А вот он и идет, принимайте работу!

Ольга пошла в гостиную — оценивать работу «волшебника». Все было сделано именно так, как ей хотелось. Поблагодарив Леонида, она проводила странную пару.

Ее дом покидало чужое, но настоящее СЧАСТЬЕ... □

ПРИШЕДШИЕ ДЛЯ ВСТРЕЧИ...

Они обе любят море. И обе ощущают его присутствие... в Суздале. Только поэты способны видеть то, что скрыто от глаз. И поэтам надо верить! Есть, есть в этом древнем городке что-то такое — сокровенное, берегаемое для тех, у кого музыка и поэзия в сердце. Кстати, он, Суздаль, их и подружил — певицу, поэта и композитора Елену Фролову и поэта, музыканта и звонаря Марию Теплякову.

Фото из личного архива

...В суздальском культурном центре «Колокола и Гусли» прошел первый фестиваль звучащего слова «На Просвет», организованный Марией и Еленой. Дни стояли мороз-

ные, снежные — конец января. Не испугавшись холодов, сюда, на владимирскую землю, приехали поэты, музыканты из разных городов России, а также поклонники поэзии, за-

полнившие зрительскую часть зала. Такого ощущения единства, такой радости, какие царили на фестивале, сегодня почти нигде не встретишь. Потому что люди собрались редкие. Друзья и единомышленники Марии и Елены... Кстати, эти двое здесь же, в Суздале, с 2014 года проводят летний фестиваль «Гусли мира». Но он больше музыкальный. И вот теперь к нему прибавился поэтический. И он тоже станет регулярным.

С Еленой и Марией мы разговаривали порознь — в перерывах между концертами и творческими встречами. Но я решила объединить оба интервью, потому что речь-то шла, по сути, об одном — о Поэзии и Дружбе.

— Почему — «На Просвет»? Мне кажется, с названием связана какая-то история. Угадала? И как родился фестиваль?

Елена. С названием — это изначально Машина идея была. Она ведь звонарь, служит в Успенском храме Суздаля, и мы ездили в Петербург, где встречались тоже со звонарями. Один из них, Владимир Степанович Кайчук, старший звонарь питерского собора Владимирской иконы Божьей Матери, научил нас отличать настоящее сусальное золото от не настоящего — надо просто посмотреть на просвет. Это же тончайшая пластина, а не настоящее не просвечивает. Сейчас ведь очень много подмены, имитации, поэтому у людей теряется ощущение, где оно — настоящее.

А фестиваль мы придумали вместе, но Маша взвалила на себя всю организацию и художественное руководство, потому что живет в Суздале. Она очень хороший поэт и прекрасный музыкант. И среди поэтов Машу знают, то есть она уже соединяет собой какие-то миры. У меня — свои пути, я соединяю собой другие миры, других людей. Через нас проходит много таких «караванных путей любви». У Маши есть такая строчка в стихотворении: « Караваны любви через Суздаль идут в Вифлеем»... И в этом смысле мы друг другу помогаем. Но здесь Маша полноправный руководитель, несмотря на то, что она хрупкая от природы, да еще интроверт, в отличие от меня, и ей, конечно, трудно приходилось.

Маша. В августе мы так триумфально провели фестиваль «Гусли мира», так вдохновенно, что решили: надо что-то еще придумать. Тем более, что время было трудное — карантин, многие люди в депрессии. Кстати, мы в эти месяцы, когда нельзя было собираться, на колокольне Успенского храма, в котором я служу, включали колонки и играли на гуслях, звонили в колокола, и концерт онлайн оттуда транслировали. Птицы к нам прилетали — весело было! Батюшка Арсений, настоятель храма, нас на это благословил. Чудесный батюшка! Елена Антоновна Камбурова, в чьем театре служит Лена, пожелала фестивалю удачи. Поэтому разве могло получиться плохо?..

Когда возникла идея создать еще один фестиваль, Лена предложила на этот раз пригласить поэтов, и мы с ней стали плотно изучать, что сегодня происходит в современной поэзии. Составили огромный список тех, кого хотели бы здесь увидеть. Не все смогли приехать, и это понятно, но фестиваль получился ровно в том объеме, в каком мы и рассчитывали.

Елена. Важно было собрать людей, в которых совпадают человеческое и дар Божий. Нередко ведь дар разъедает человека изнутри, поэтому есть много истинных художников, но... с «тараканами», с такими людьми сложно о чем-либо договариваться. Но нам удалось создать замечательную компанию. Это, кстати, очень важно для любого думающего творческого человека — быть в близкой твоему мышлению среде. Чтобы душа

вот прямо раскрывалась. Чтобы вы разговаривали на одном языке. Чтобы тебя понимали. И чтобы ты чувствовал себя человеком, который пришел в этот мир, возможно, для этой вот встречи. Мне вообще кажется, что мы рождаемся для некой очень важной для каждого встречи.

А что касается трудного времени, эпидемии, по-моему, то, что с нами происходит, призвано научить нас чему-то очень, если можно так выразиться, человеческому, умению видеть, слышать, умению беречь друг друга... Этот бег сегодняшней — ты хочешь все большего и большего, как старуха в «Сказке о золотой рыбке», — лишает нас наиважнейшего — ощущения самой жизни. Чтобы его вернуть, нас и пришлось «притормозить» таким образом, «прочистить мозги».

— В Суздале ведь и началась ваша дружба, результатом которой стали не только два замечательных фестиваля, но и песни, написанные в соавторстве.

Мария. Да, мы познакомились в Суздале лет десять назад у общей знакомой Татьяны Купреяновой, чудесного мастера-гусельника. Я тогда только-только сюда переехала с двумя дочками, одной было четыре года, другой два, и Татьяна помогала нам здесь освоиться. Но когда мне было лет 17, я увидела сон. А сны я много лет записываю, и потому их не забываю. Сны и стихи — они ведь имеют образную природу, поэтому всегда интересно в этих образах разобраться, понять, почему они пришли. И язык один — что у стихов, что у снов. Так вот, когда мы познакомились с Леной, я поняла, что в том моем памятном сне была именно она: мы ночью сидели на крыльце ее дома в Суздале и разговаривали. А Лена здесь тоже когда-то жила, и это был именно ее дом, ее крыльцо. И я поняла, что мы когда-то уже встречались — давно, не в этом мире. Я верю в то, что такие встречи — не случайность...

— И то, что вы, уроженка Калининграда, выпускница философского факультета, оказались в Суздале, да еще стали звонарем, тоже — не случайность?

— Думаю, да. Потому что здесь мне пришлось делать то, чего я никогда не делала, чего всегда боялась. Таковую школу прошла! Пришлось ис-

кать жилье, работу, а на руках — две маленькие дочки. В Калининграде я бы до сих пор жила за спиной родителей и друзей. Сейчас я вообще не понимаю, как у меня тогда хватило сил, отчаяния — взять и переехать в другой город из Москвы, где жила с мужем. Но это нужно было сделать. И хотя я очень скучаю по Калининграду, по морю, я вообще человек морской, я поняла, что Суздаль — это какое-то мое пространство. Здесь так же, как на море, можно увидеть горизонт и небо, есть та даль, которая нужна глазу, всегда стремящемуся уйти куда-то за грань. И Лена, которая родилась в Риге и тоже скучает по морю, ощущает в Суздале что-то похожее. Кроме того, этот город меня так щедро принял — одалжил и домом, и работой, и друзьями.

А с колоколами — тоже промысел Божий. Понятно, что Господь ведет путями не явными. Если бы кто-то, когда я училась в университете, сказал: «Маша, ты будешь работать звонарем в Суздале», я бы не поверила, поскольку эта история из какого-то параллельного пространства. Хотя теперь смотрю — вполне земная. Просто в кругу друзей, который у меня образовался в Суздале, был Валерий Михайлович Гаранин — знаменитый звонарь, он в то время работал в Спасо-Евфимиевом монастыре на звоннице. Как-то мы пришли туда к нему в гости. И он еще сказал: «Маша, встань под колокол». Я встала, он зазвонил — и я тогда поняла, что — все, это — мое место. Правда, мне пришлось

ходить за Валерием Михайловичем целый год, проситься в ученики. Он не хотел меня брать, но я своего все-таки добилась. И вот уже 10 лет звоню.

— Лена, вот вы сказали, что человек рождается для встречи. С кем бы вы хотели встретиться, в том числе из тех, с кем это уже невозможно?

— Мое мнение на этот счет менялось. Какое-то время мне очень хотелось встретиться с Мариной Цветаевой. Но потом, получив богатый опыт общения с другими талантливыми поэтами, я поняла, что получила бы, наверное, большую травму. Потому что она была... не простая. И чтобы впечатление от человека не заслонило впечатления от его души, может быть, иногда не стоит встречаться. Вообще, поэты — очень хрупкие существа, по жизни часто косноязычные, умеющие писать, а вот говорить, общаться... Их трудно вытащить из их панциря, тем более в наше время абсолютного недоверия. А ведь всегда хочется получить от общения что-то глубокое и искреннее. Им же снять этот панцирь сложно, потому что надо же как-то дальше идти и жить, а снова его натянуть на себя тоже не так просто.

— А вдруг судьба сама посылает встречу?..

— Если ты с кем-то живешь на одной волне, идешь с ним, более-менее, одними и теми же тропками, то встречи случаются — и тогда это

классно. Я, как правило, если хочу к человеку подойти, подхожу. Вот с Евгенией Смольяниновой недавно познакомилась, она — философ, думающий человек. И такая же Юля Зиганшина. С одной стороны, она прекрасная певица, исполнительница романсов, дающая им новую жизнь, новое дыхание, а с другой стороны — прекрасный педагог. Это еще один ценный дар. Они с мужем делают большие программы по поэтам. А вот я, например, научить ничему не могу. Могу только немножко рассказать о той поэзии, которая меня поражает, о судьбах поэтов, зачастую трагичных.

— Мария, в каком возрасте к вам пришли стихи?

— Я их писала всегда. В детстве мне, как всем детям, читали «зайку бросила хозяйка», и мне казалось, это такая ерунда! Мне так хотелось, чтобы еще что-то было, другие слова. Это я по дочке своей старшей сужу, Соне. Ей в мае исполнится 15 лет, и она очень интересный чело-

век. Пишет сейчас исследование о подростках... Так вот Соня в детстве как-то подошла ко мне: «Мама, что ты читаешь?» — «Заболоцкого». — «Почитай мне!» И я читала ей вслух Заболоцкого. Ребенку пяти лет! Взрослые стихи! Мне вот такого же в детстве хотелось — таких стихов. Родители у меня — мама пианистка, папа гитарист, композитор. И я хорошо помню, как папа занимался со мной стихами. Мне лет 5, наверное, было, когда он сказал: «Иди, я научу тебя писать стихи». Взял листочек бумаги, разделил его вертикальной линией на две части: «Вот с этой стороны пишем слова, которые похожи по звучанию, а с другой — что угодно». Ну, типа та-ра-ра — трава, та-ра ра — дрова и так далее. Я тогда подумала — вот прикольно, хорошая игрушка. И вот до сих пор «играю». И папа тоже

пишет. Хорошие стихи, между прочим.

— Вы ведь не только поэт, но и музыкант?

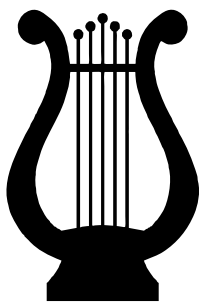
— У меня музыкальная школа по классу гитары. Когда было бардовское движение, мы с одним моим другом еще в Калининграде организовали клуб авторской песни «Подорожник», который по сей день прекрасно существует. Потом дети родились, я поняла, что мне уже как-то не до гитары, что я уже наигралась. Дальше появились колокола, и они уже всерьез вытеснили всю остальную музыку. Хотя сейчас к колоколам прибавились гусли. Но к ним я пока только подбираюсь. Не могу сказать, что умею играть. Знаете, я все еще пытаюсь вот эту «русскость» в себе как бы... открыть. Я знаю людей, которые говорят: когда гусли звучат — ах, у меня сразу душа распахивается! Моя душа распахивается, когда я слышу флейту или орган. Ухо мое воспитано на европейской классической музыке — Вивальди, Бах, Моцарт. А гусли во мне такого чувства не вызывают. Но я с ними общаюсь, надеюсь, все придет.

— Елена, три дня на фестивале я слушала чудесные стихи и музыку, выступали авторы-исполнители и ансамбли. Никого из участников и даже вас, артистку, известную не только в России, я, тем не менее, никогда не видела на ТВ. Вы, с вашими стихами и песнями, — не формат?

— К сожалению, благодаря, так сказать, техническим внедрениям у человека расщепилось сознание — между масскультурой и просто культурой. С одной стороны, то, что он видит по ТВ, становится известным, но это по большей части к культуре не имеет никакого отношения. И есть культура, которая происходит, как правило, на каких-то вечерах, встречах. Люди пишут книги, стихи, и самые талантливые, как правило, не занимаются продюсированием, у них просто времени на это нет, их голова, их душа заняты другим. Потом пришел еще и Интернет в нашу жизнь. В результате с людьми произошло очень серьезное массовое заболевание — отравление масскультурой, а это гораздо серьезнее,

чем вирус ковида. Зараза проникла даже в подсознание. У каждого человека в руках есть телефон, и стоит нажать на определенные кнопки, как тебе сразу «впрыскивают» определенную информацию прямо в мозг. Это та вещь, которая, безусловно, отрывает от книг, от живого общения, заменяет их. И что будет дальше, я не берусь сказать. Но, тем не менее, культура все равно находит пути к живой душе. Свидетельство тому — в том числе, наш фестиваль. Понимаете, поэты рождаются, стихи пишутся и поются! Я думаю, человечество очнется. Мне кажется, это тоже такая болезнь, которая должна дойти до какого-то своего пика, а потом начнется выздоровление... □

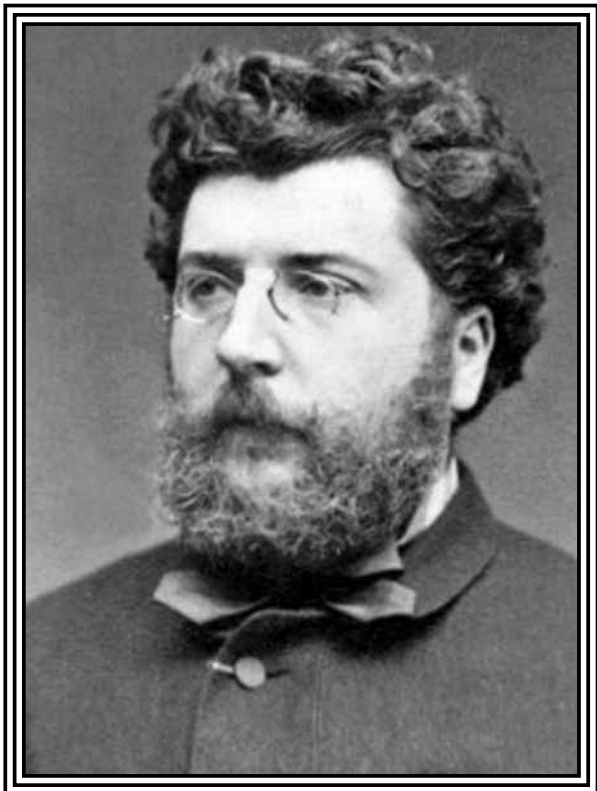

Алла Зубкова

Жорж Бизе

ПУТЬ К БЕССМЕРТИЮ

Родители не поскупились. При рождении сын получил сразу три императорских имени — Александр-Сезар-Леопольд. Правда, фамилию ему предстояло носить вполне буржуазную — Бизе. И здравый смысл, в конце концов, возобладал — при крещении двухлетнему мальчику дали куда более скромное имя — Жорж. Однако история знает не так уж много императоров, которые могут сравниться славой с этим сыном скромных парижан.

И пусть судьба отмерила Жоржу Бизе короткий срок пребывания на земле, его «Кармен» бессмертна. Она завоевала весь мир, который никогда не перестанет слушать ее и восхищаться.

Будущий композитор появился на свет в Париже 25 октября 1838 года. Его отец, парикмахер, ко времени рождения сына бросил эту не очень престижную, по мнению его честолюбивой супруги, профессию и стал преподавателем пения. Музыка окружала Жоржа с первых дней. Колыбельные перемежались с вокализациями учеников отца. В четыре года благодаря матери он узнал, что такое ноты. Почти одновременно усвоил и грамоту. С тех пор музыка и чтение стали его главными

увлечениями. Причем, на первых порах книги, пожалуй, занимали его даже больше — слишком уж много времени заставляла мать проводить его за фортепиано. Зато успехи его были очевидны. Школу он также посещал с удовольствием и был одним из первых учеников. Иначе, как Жорж, его никто, ни тогда, ни позже, уже не называл. Претенциозное имя Александр-Сезар-Леопольд осталось лишь на двух-трех документах, в том числе в его свидетельстве о браке.

Мать Жоржа уговорила своего брата, известного музыкального педагога, позаниматься с сыном. Тот поражался удивительному прогрессу мальчика. В десять лет успешно сдавшего испытания Жоржа зачислили в консерваторию. Первый же конкурс по сольфеджио принес ему премию. Несмотря на юный возраст музыканта, лучший педагог консерватории взялся заниматься с ним контрапунктом. В четырнадцать он получил первую премию по фортепиано. Перед ним открывался путь исполнителя-вундеркинда, но его влекло иное. Именно в это время произошла встреча, которая во многом предопределила его будущее. В доме своего кон-

Его новый наставник профессор Галеви был уверен, что Жоржу по силам завоевать престижную Римскую премию, дающую право на два года стажировки в Риме и один — в Германии. Однако в 1856 году сделать это не удалось. В какой-то мере молодого композитора утешила премия Оффенбаха, которую он получил за одноактную комическую оперу «Доктор Миракль».

На следующий год Жорж все-таки получил Римскую премию и отправился в Вечный город. Согласно установленным правилам, раз в год стипендиаты должны были посылать в Париж отчетные работы. В остальном же свобода их была практически ни-

Музыка окружала Жоржа с первых дней его рождения: колыбельные перемежались с вокализмами учеников отца. В четыре года благодаря матери он узнал, что такое ноты и одновременно освоил грамоту. С тех пор музыка и книги стали его главными увлечениями

серваторского наставника он познакомился с Шарлем Гуно. Будущий автор «Фауста» в то время писал духовную музыку, но его неодолимо тянул к себе театр. Гуно стал кумиром и другом Жоржа. Между ними было двадцать лет разницы, но что значит возраст для людей, одержимых искусством. Вместе они посещали парижские театры. Романтика театральных зрелищ равно завораживала обоих.

Между тем Жорж все увереннее пробовал свои силы в композиции.

чем не ограничена. Жорж осматривал достопримечательности, принимал участие в празднествах и карнавалах. Воспитанный в строгих нравственных правилах молодой человек теперь вырвался из-под семейной опеки. В Риме он пережил и свою первую настоящую любовь. Имя девушки Жорж сохранил в тайне, даже в интимном дневнике он называл ее сокращенно — «Зеф». Связь эта, судя по всему, длилась достаточно долго. Можно предположить, что просьба

Жоржа разрешить ему провести и третий год стажировки в Италии, а не в Германии, объясняется нежеланием расстаться с «Зеф». И все-таки время расставания наступило. 27 июля 1860 года он записал в дневнике: «Ночь, полная нежности и мучительной страсти. Наконец я ее оставил». «Зеф», однако, не была единственной женщиной, пленившей Жоржа в Италии. Путь молодого композитора на родину был достаточно долгим и лежал через красивейшие города страны — Флоренцию, Геную, Сиену, Милан, Венецию. Днем Жорж любовался достопримечательностями этих неповторимых мест, ночи же посвящал любовным приключениям.

В Венеции он получил известие о том, что его мать серьезно больна, и ему пришлось на два месяца раньше срока вернуться домой. Мать, которую он обожал, в самом деле, была очень плоха. Ее смерть в начале сентября 1861 года Жорж переживал крайне тяжело.

А еще ему очень не хватало денег. За переложения, которые он делал для некоторых композиторов, платили сущие гроши, а порой и вообще ничего. Не мог же он, к примеру, брать деньги со своего друга Шарля Гуно, который, если называть вещи своими именами, эксплуатировал его нещадно. Другьям Жорж не умел отказывать.

Вообще Бизе был человеком глубоко порядочным, чуждым зависти, прямым и благородным. При этом он отличался поразительной вспыльчивостью. И мгновенно вспыхивал, как

порох. Например, в Венеции, получив письмо о болезни матери, он в состоянии крайнего возбуждения, придравшись к чему-то, набросился на ни в чем не повинного гондольера и начал его душить. Когда либреттист Пачини в присутствии Жоржа и Шарля Гуно заявил, что в провале оперы последнего, «Царица Савская», виноват сам Гуно, на него с кулаками кинулся не автор, а именно Жорж. К счастью, дуэль между ними удалось предотвратить.

Жорж много работал. Его Увертюра и Скерцо, исполненные оркестром, имели большой успех. В то же время его сочинение «Васко да Гама» подверглось убийственной критике.

Примерно тогда же в жизни Жоржа произошли события, которые привели к некоторому охлаждению его отношений с отцом, до того очень искренних и сердечных. Случилось так, что за несколько месяцев до кончины матери в их доме появилась новая служанка. Двадцатичетырехлетняя Мария Рейтер была девушкой весьма миловидной. Обязанности свои она выполняла на редкость добросовестно. Однако после кончины хозяйки Мария оказалась в довольно-таки деликатной ситуации. Оба мужчины семейства Бизе — и старший Адольф-Аман (ему в то время было всего 52 года), и младший — весьма недвусмысленно стали выражать ей свое расположение. Отказать им у нее, как видно, не хватило духа. Как бы то ни было, примерно через девять месяцев после смерти матери Жоржа, Мария родила мальчика, которого на-

звали Жаном. Старший Бизе был уверен, что это его сын, но сама Мария и Жорж лучше знали, кто его настоящий отец. Видимо, старший Бизе все-таки что-то подозревал и порой не мог скрыть раздражения в общении с Жоржем, однако со временем их доверие друг к другу было полностью восстановлено. Мальчик рос в семье, окруженный вниманием и заботой. Лишь много десятилетий спустя, незадолго до своей кончины, Мария поведала сыну, в то время уже немалодому бизнесмену, что его отцом был вовсе не Адольф-Аман, а великий Жорж Бизе.

В конце сентября 1863 года парижский Лирический театр объявил о премьере оперы «Искатели жемчуга» Бизе. Увы, это первое большое полотно молодого композитора прозвучало тогда всего 18 раз. Отзывы были противоречивы. Если Гектор Берлиоз выступил с хвалебной рецензией, то хватало и ехидно-злых нападок. Один парижский критик заявлял, что в «Искателях жемчуга» нет ни поиска, ни жемчужин. Потомки оценили произведение объективнее, и сегодня эта опера входит в репертуар многих театров мира.

Полууспех «Искателей жемчуга» не обескуражил Бизе. Его друг Гуно, зная, что Жорж ищет сюжет, предложил ему либретто на тему довольно-таки необычную для французского композитора. Героем оперы должен был стать... Иван Грозный. Такая тема давала Бизе возможность попробовать силы в новом круге образов и ситуаций. Тем не менее, это либретто

наверняка удивило бы русского зрителя своим полным несоответствием реальным историческим событиям. Единственное, что совпадало в нем с действительными событиями, это женитьба Ивана IV на Марии, дочери кабардинского князя Темрюка, хотя, разумеется, и это происходило при совершенно иных обстоятельствах. Были и другие забавные моменты: во втором действии, во дворе Кремля, казаки танцуют... вальс. Законченную оперу передали в Лирический театр. Однако постановка ее откладывалась — слишком велики были расходы на декорации, оркестр и особенно экзотические одеяния — все эти кафтаны, золототканые шубы, сарафаны, украшения, кокошники. Потеряв надежду на скорую постановку, Бизе предложил партитуру «Ивана Грозного» дирекции «Гранд опера», но и там опера интереса не вызвала. Потом следы партитуры вообще затерялись, и лишь три четверти века спустя ее обнаружили в Архиве парижской консерватории. Впервые «Иван Грозный» был поставлен в Париже в 1943 году. Оперу ставили несколько раз во Франции, Германии и Швейцарии, но особого успеха она нигде не имела.

Жоржу исполнилось 28 лет, когда однажды в поезде, по дороге в свой загородный домик в местечке Везинне, под Парижем, он познакомился с женщиной, которой в течение нескольких десятилетий восхищался весь Париж. В то время Селесте Веллар было сорок три года. Она прошла нелегкую школу жизни — полуголодное детство, публичные дома Пари-

жа, тюрьма Консьержери. Сила воли и удачно сложившиеся обстоятельства помогли ей сойти с «пути греха». Она стала известной танцовщицей, наездницей и актрисой под псевдонимом Могадор. Титулованные особы бросали к ее ногам драгоценности, дарили роскошные выезды. Она вышла замуж за графа де Шабрийан и начала вести светский образ жизни. Но великосветские салоны навевали на нее скуку, и она взялась за перо. Многочисленные романы, пьесы, поэмы принесли ей литературную славу.

с юмором и часто подшучивали друг над другом. Жорж, однако, не понимал, что порой его добродушное озорство может раздражать других. Он усвоил себе привычку, приезжая из Парижа в Везине поздно вечером и проходя мимо дома Селесты, так энергично стучать в окна тростью или зонтом, что все обитатели дома от неожиданности вскакивали с постелей, а собака заливалась бешеным лаем. Особенно страдала мать Селесты, которая после этого уже не могла уснуть.

Вообще Бизе был человеком глубоко порядочным, чуждым зависти, прямым и благородным, правда, при этом отличался паразитической вспыльчивостью и мгновенно вспыхивал, как порох. Например, когда либреттист Пачини в присутствии Жоржа и Шарля Гуно заявил, что в провале оперы «Царица Савская» виноват сам Гуно, на него с кулаками набросился не автор, а Бизе. К счастью, дуэль удалось предотвратить

Селесте понравился молодой композитор, он же страстно влюбился в нее. Увы, своенравная женщина и не думала отвечать на его чувство. Она восхищалась талантом Жоржа и даже пыталась помочь его карьере, стараясь заинтересовать его музыкой влиятельных лиц. Но любить!.. «Мне больше всего нужны мужчины, которым я не нужна!» — признавалась она. Чем не характер Кармен! В конце концов Жорж смирился с тем, что они с Селестой могут быть только друзьями. Оба были людьми

В это время Бизе работал над своей оперой «Пертская красавица». Однако уже завершенное произведение долго ожидало своей постановки. Лишь в конце декабря 1867 года, наконец, состоялась премьера. Зрители горячо встретили оперу. Отзывы критики были превосходны. Но, увы, настоящих сборов опера так и не дала, и после 21-го представления ее сняли со сцены.

Но Жорж все равно был полон оптимизма. Одному из своих друзей он писал: «Я нашел свой путь. Теперь

вперед! Нужно подниматься все выше, выше, непрерывно. Никаких вечеринок! Никаких кутежей! Никаких любовниц! Со всем этим кончено! Абсолютно кончено! Я встретил восхитительную девушку, которую обожаю! Через два года она будет моей женой. А до тех пор ничего, кроме работы и чтения; мыслить — значит жить!»

Девушка эта — Женевьева Галеви, дочь покойного консерваторского профессора Жоржа Ф. Галеви, которому молодой музыкант был многим обязан. Трудно представить, что Жорж прежде не встречал Женевьеву, но она была моложе его на двенадцать лет, и в то время, когда он посещал дом Галеви, была еще девочкой. Теперь Жорж, согласившись закончить незавершенную оперу своего учителя «Ной», часто бывал в доме Галеви. Он, разумеется, погорячился, заявив, что разом покончит с богемным образом жизни, который вел со времени возвращения в Париж из Италии. Тем не менее, он честно пытался это сделать.

Конец 60-х годов стал рубежом жизни Бизе. Наверное, он имел право написать о себе: «Во мне произошла необычайная перемена. Я меняю кожу и как художник и как человек, очищаюсь, становлюсь лучше, я это чувствую».

Бракосочетание Женевьевы и Жоржа состоялось в мэрии IX округа Парижа 3 июня 1869 года. По его собственным словам, он был «потрясающе счастлив». Даже тяжелые испытания вскоре начавшейся войны с Германией не могли поколебать его

*Женевьева
Галеви*

оптимистического взгляда на будущее. В своем сельском домике в Везине он закончил одноактную оперу «Джамиле», и она была представлена в парижской Комической опере в мае 1872 года. Автор возлагал на это произведение большие надежды. Чтобы способствовать успеху, он даже решил занять место в суфлерской будке и, оказавшись, таким образом, рядом с артистами, помочь в случае необходимости, подсказать текст, вступление, уберечь от ошибок. К сожалению, бесхитростный сюжет не увлек

зрителей, мало чувствительных к тонким психологическим нюансам, поэтому «Джамиле» выдержала всего 13 представлений.

10 июня 1872 года у Женевьевы и Жоржа родился сын, которого назвали Жаком. К этому времени личная жизнь Бизе осложнилась. Нет, он по-прежнему обожал Женевьеву, но она, если называть вещи своими именами, оказалась неврастеничкой, и Жорж говорил: «Если бы только ее расстроенные нервы пришли в порядок, я был бы счастливейшим из людей». Но, похоже, он просто сам себя уговаривал. Неустроенный быт, непрерывные истерические выходки Женевьевы, бесконечные материальные трудности — все это не очень-то способствовало творчеству. Женевьева не скрывала, что считает мужа неудачником, и Жорж мучительно переживал семейные неурядицы. До сих пор он делил всех женщин на две категории — «порядочные» и «дурные»,

но теперь начал понимать, что из порядочных женщин вовсе не обязательно получаются хорошие спутницы жизни, порой, они способны принести мужу не меньше страданий, чем женщины не очень добродетельные. И если в начале супружеской жизни он поклялся, что ни одна актриса никогда не переступит порог их дома, то теперь был настроен уже далеко не так решительно, и в их доме все чаще стала появляться известная оперная певица Мария-Селестина Галли-Марье.

Помимо работы на издателей Жоржу приходилось ради заработка давать уроки. Сохранились воспоминания одной из его учениц. Бизе никогда сам не садился за фортепиано, показывая тот или иной пассаж. Мотивировал он это тем, что не хотел делать из своих учеников «обезьян». Во время урока маэстро беспокойно расхаживал по комнате, потом садился в кресло и, ка-

залось, начинал дремать. Но стоило взять неверную ноту, как он взвивался до небес: «Я не сплю! Я не сплю!» Зная его страсть к сладкому, ученица всегда ставила перед ним коробочку шоколадных конфет, и он не успокаивался, пока не опустошал ее. Иногда Бизе просил девочку приходить к нему домой. В то время он был очень занят — работал над новой оперой.

Марье, своей хорошей приятельнице и, как утверждали некоторые члены Комической оперы, любовнице.

Он все еще очень любил Женевьеву, но все отчетливее понимал, что они никогда не будут счастливы вместе. Постоянные капризы и истеричные выходки жены держали его в постоянном напряжении, порой создавали непереносимую атмосферу

Наконец Бизе приступил к работе над новой оперой. Это была «Кармен». И он сам, и его либреттисты не очень стремились к полной верности образу Кармен, созданному Проспером Мериме. В новелле Кармен связана с тьмой, она гибнет в пустынном ущелье. У Бизе — совершенно иная Кармен. Она живет и умирает под сияющим солнцем, при ликующих криках толпы, славящей победителя-тореадора

Это была «Кармен». Нередко маэстро прерывал урок, извинялся и спешил в свой кабинет. Оттуда доносились звуки рояля. По словам ученицы, она, вероятно, первой услышала знаменитую арию тореадора. Нужно сказать, что Бизе и его либреттисты не очень стремились к полной верности образу Кармен, созданному Проспером Мериме. У писателя в его новелле все таинственно и фантастично. Его Кармен связана с тьмой, она гибнет в пустынном ущелье. У Бизе рождается совершенно иная Кармен. Она живет и умирает под сияющим солнцем, при ликующих криках толпы, славящей победителя-тореадора. Эту роль Жорж предложил Марии Галли-

в доме. Поэтому Жорж приветствовал сближение Женевьевы со своим приятелем, талантливым пианистом Эли Делабордом. Их достаточно близкие отношения, не переходившие однако рамки платонической привязанности, делали обстановку в доме композитора более терпимой.

Между тем приближался день премьеры «Кармен». Она состоялась 3 марта 1875 года. Публика была довольно пестрая, привлеченная слухами об «аморальности» произведения. Первый акт был принят довольно тепло, в финале вспыхнули аплодисменты. Во втором действии публика вела себя гораздо более сдержанно, но куплеты тореадора вызвали бешеный

восторг. Затем все пошло по убывающей, и в течение всего четвертого акта публика хранила ледяное молчание. Удалившийся в кабинет директора Бизе тщетно пытался скрыть свои чувства. В течение всей последующей недели он читал уничтожающие отзывы. «Что скажете вы при виде этой бесстыжей женщины, которая из объятий погонщика мулов переходит к драгуну, от драгуна к тореадору, пока кинжал покинутого любовника не прекращает ее позорной жизни? — писал один из критиков. — Безобразная, бессмысленная музыка оперы как раз соответствует тому, что мы ждали от Жоржа Бизе».

Без сомнения, композитор тяжело страдал. К нравственным страданиям добавились физические. Его свалила сильнейшая ангина (Жорж вообще был крайне подвержен этой болезни), мучили удушье и ревматизм. К концу мая его здоровье несколько улучшилось. Вместе с Женевьевой и Делабордом они переехали в Буживаль, неподалеку от Парижа. А дальше... дальше случилось нечто загадочное и необъяснимое. Жорж, гулявший по берегу Сены, вдруг бросился в реку и стал плавать наперегонки с Делабордом. Собственно говоря, в самом этом эпизоде нет ничего столь уж необычного. Жорж обожал холодную воду и даже устроил у себя в кабинете душ для тех дней, когда погода не позволяла купаться под открытым небом. Но ведь он только что перенес тяжелейшую болезнь, которая почти лишила его слуха. Последствия не заставляли себя ждать. Уже на следую-

щий день у Бизе начался новый приступ ревматизма с сильнейшей лихорадкой и жуткими болями. Затем разразился ужасный сердечный приступ. Потом боли несколько уменьшились, и доктор заявил, что кризис миновал, жизнь пациента вне опасности. Увы, он ошибался. Бизе снова стало хуже, и он потерял сознание... Точного часа его смерти не знает никто — ночь или раннее утро третьего июня. Следы крови, обнаруженные на его шее, породили слухи о том, что композитор, якобы, покончил жизнь самоубийством. Это не так. Причиной смерти великого маэстро, видимо, стали проблемы с сердцем на фоне острого суставного ревматизма, а это было прямым следствием его купания в Сене. Роковая случайность? Возможно. Но, скорее всего, полная потеря инстинкта самосохранения, вообще характерная для Бизе. Он не жалел себя и не берег ни в творчестве, ни в личной жизни. Великий композитор умер, не дождавшись славы, обесмертившей его имя. Похоронен он был на Монмартрском кладбище. Позднее его прах был перезахоронен на кладбище Пер-Лашез. Имя его сегодня носит одна из парижских улиц.

P.S. Успех «Кармен» сделал Женевьеву весьма состоятельной женщиной. Она пользовалась большим успехом в парижском свете. Одно время среди соискателей ее руки был Ги де Мопассан. В 1886 году она вышла замуж за очень богатого юриста, связанного с домом Ротшильда, но сохранила и фамилию покойного мужа, став мадам Бизе-Штраус. □

Степан Кашеев

ПЕРЕЗВОН белых КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Удивительно тонкий и нежный аромат этого растения невозможно спутать ни с каким другим цветком. Букетик ландышей издревле ассоциировался у многих народов с чистотой и нежностью, любовью и верностью. По мнению эзотериков, ландыш действительно самым непосредственным образом связан с любовной, да и не только, магией и тайным знанием.

Есть красивая легенда о том, что красные ягодки, появляющиеся после белых цветочков на ландышах — это огненные слезы, которыми ландыш оплакивает ушедшую весну, знаменуя таким образом наступление долгожданного людьми лета. Необычно научное название ландыша — *Lilium convallium* (переводится как «лилия долин»), которое дал этому цветку знаменитый шведский ботаник Карл Линней.

Давным-давно ландыш был посвящен германской богине любви Остаре, имя которой в слегка измененном варианте трансформировалось со временем в название главного христианского праздника Пасхи (Ostern — по-немецки, Easter — по-английски). В честь этой богини устраивались празднества, на которых молодые люди украшали себя букетиками белоснежных ландышей. Потом, когда сезон ландышей уходил, увядшие цветки сжигали на священных ритуальных кострах. Эти народные обычаи продержались в Западной Европе очень долго: на «праздниках ландышей», устраивавшихся в первое воскресенье мая, юноши и девушки в знак искренней любви и верности обменивались букетиками ландышей.

И действительно: ландыш пробуждает весеннее настроение, способствуя возникновению романтического влечения и необъяснимого душевного томления, а иногда и — весьма фривольному поведению. Ландыш — удивительное растение, оно обладает мягкой энергетикой

и подходит людям любого возраста и пола. Для укрепления любви и гармонизации отношений эзотерики рекомендуют активно использовать магические свойства ландыша.

Собранный в определенные дни и время (идеально — в полнолуние перед восходом солнца), букетик ландышей может послужить оберегом для семьи и даже изменит характер мужчины в лучшую сторону. Травники используют символику ландыша и свежие цветки для лечения болезней, очищения от негатива и улучшения памяти. У сильной половины человечества магия ландыша пробуждает по отношению к противоположному полу мягкость и заботливость, а девушек делает более пылкими и страстными. Поэтому для гармонизации супружеских и любовных отношений практики советуют ставить свежий букет в спальне в изголовье кровати.

Как уже было сказано, еще одно магическое свойство белого цветка — очищение от негатива. Поэтому если в вашем саду растут ландыши, то они замечательно могут почистить биоэнергетическое пространство вокруг вашего дома, отгонят недоброжелателей и завистников, а также оградят от негативного магического воздействия. Ну а если вы ищете новые впечатления и знакомства, хотите влюбиться или найти свою половинку — смело используйте цветки ландыша в любовной магии. Например, знахари добавляют ландышевые капли в напитки и настойки, призванные справиться

с негативными переживаниями от несчастной (неразделенной) любви или разрыва длительных отношений.

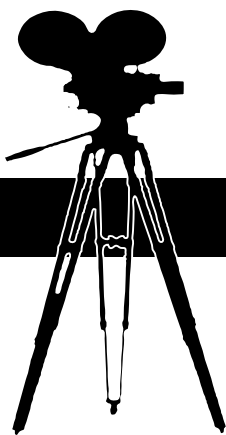
В ароматерапии ландыш используется давным-давно: ведь аромат, равно как и экстракты из этого растения способствуют укреплению памяти и развитию интеллектуальных способностей, вызывают прилив радости и прояснение сознания, обостряют интуицию.

В отличие от народного знахарства официальная медицина признала лечебные свойства ландыша относительно недавно, в конце позапрошлого столетия. Ныне в традиционном врачевании ландыш активно применяется при различных заболеваниях сердца, а также в качестве успокоительного. Думается, это совсем не случайно и в любом случае очень символично.

В традиционном траволечении надземные части ландышей используют при лечении аритмии, а также снятии физического и психического

напряжения. Примочки из этого растения отлично помогают при заболевании глаз. В Великобритании весьма популярным является водный настой из ландышей (в средние века его называли даже «золотой водой»). Его назначают в качестве обезболивающего средства при головных болях, а также в качестве противомикробного средства и для комплексного укрепления нервной системы. Высушенное растение великолепно помогает при респираторно-вирусных инфекциях (нюхают полученный порошок), а свежие цветы ландышей обладают ярко выраженным тонизирующим эффектом.

Впрочем, во всем нужно соблюдать меру. И применять ландыш с разумной осторожностью, ведь листья, корневища и цветки этого растения весьма ядовиты для человека. Употреблять их в пищу нельзя ни в коем случае! Желаем вам крепкого здоровья и великолепного самочувствия! □

Парень с Арбата

К 80-летию Сергея Петровича Никоненко

Коллеги называют его счастливым, любимчиком фортуны. Неудивительно: в отличие от многих он любим и востребован был (и есть!) всегда. На «Мосфильме» даже ходила шутка: если за год была снята всего одна картина, можно не сомневаться, что в титрах есть Сергей Никоненко. Как и положено баловню судьбы, он счастлив и в личной жизни: более 40 лет назад влюбился и женился на первой красавице ВГИКа. Многие его картины давно стали классикой: «Трын-трава», «Освобождение», «Парад планет», «Завтра была война», «Время танцора», «Инспектор ГАИ», «Зимний вечер в Гаграх» и другие. Мало кто знает, что этот «счастливчик», «везунчик» и «любимчик» на самом деле прошел через многие тернии...

«Шестой».
Сергей
Никоненко

— Сергей Петрович, раньше советское кино критиковали за идеологизированность, политизированность. Сейчас все, на

чем свет стоит, ругают нынешнее российское кино, сериалы...

— Потому что есть за что ругать: драматургии нету, халтурят — вот

отсюда и слабое кино. Все гонятся за количеством серий, и — побыстрее, побыстрее. Так не бывает! В советские времена, помню, мы жаловались: как много у нас инстанций (редактура имеется в виду) проходит сначала сценарий, потом сама картина. А ведь халтуру-то не пропускали! Только очень выверенные вещи проходили. Тогда все «правила игры» были понятны. Приносишь сценарий или заявку на студию, ее читают, обсуждают, и, если тема нравится, говорят: «Да, давайте заключать договор».

— А вам как режиссеру комфортнее в каком кино — в том или в нынешнем?

— А сегодня я не знаю, куда и к кому идти. Я сейчас предложил сценарий на студию, теперь жду решения. Скорее всего, скажут, что время сейчас трудное, с деньгами напряженно. Это я понимаю. Но у меня же нет тысячных массовок, военной техники. Хотя я снимал и такие картины, как «Корабль пришельцев», где в съемках были задействована серьезная военная техника — самолеты, вертолеты. Правда, там военная техника была бесплатная. Чтобы найти подходящую натуру (а нужна была самая суровая тайга!), мы летали на вертолетах аж в Саянские отроги. Надо? Пожалуйста! Я уж не говорю о том, как бы Бондарчук снял без армии «Войну и мир»? Тогда все были ошарашены: как это может быть столько массовки, декораций,

всадников. Специально для таких съемок в Балабино был создан кавалерийский полк на тысячу с лишним лошадей, куда регулярно призывали новобранцев. На петличках — подкова с саблями перекрещена. А сейчас, по-моему, этот полк вообще прекратил свое существование.

— Вы ведь и сами прекрасно владеете верховой ездой, верно?

— Да, неплохо, любим аллюром проскачу! Правда, падать с лошади я доверю, пожалуй, каскадеру. Потому что могу сломать руку, шею, ногу, и съемки могут остановиться. Экстрима и так в моей жизни и карьере хватало.

— Это вы о том, как в 2008 году на своей даче на Валдае заживо могли сгореть, когда ее подожгли бутылками с зажигательной смесью?

— Не только! И во время съемок эпопеи «Освобождение» мог погибнуть! Во время второго дубля, когда я пробежал под артиллерийской пушкой, произошел самострел. Если бы дуло было хоть на метр ближе, я бы сейчас с вами не разговаривал. Я упал, потерял сознание. Повезли в больницу. Потом я на одно ухо частично оглох — оказалось, разбили барабанную перепонку. И 26 июля 1969 года во время съемок фильма Говорухина «Белый взрыв» — о солдатах-альпинистах во время Великой Отечественной (он снимался в Приэльбрусье) мы с Люсей Гурченко

уже сидели в вертолете — нас везли на одну из горных вершин первыми. Но пришел второй режиссер: «Люся, Сережа, выходите! Сначала Говорухин с оператором Васей Кирбижековым, инструктором и двумя ассистентами полетят». Люся еще с ним поругалась: мол, подняли ни свет ни заря, и все зря. Они полетели (как сейчас помню, гора называлась — Накра), и из-за ошибки первого пилота попали в серьезную аварию. Вертолет задел хвостом каменную морену — отлетели хвост, лопасти... Как он не взорвался, и как они все остались живы — это чудо! Конечно, у летевших переломы были, сильно побились. Мы побежали их спасать, а я забыл, что бегать в горах нельзя. Разряженный кислород! «Дыхалку» так перехватило — не мог ни дышать, ни даже шага ступить... С тех пор ежегодно 26 июля Говору-

хин справлял свой новый день рождения. Так что... мы с Люсей запросто могли оказаться на их месте.

— Еще в вашей жизни были такие критические ситуации?

— Если я вам скажу, что меня фашисты на руках нянчили, это критическая ситуация? Правда, я в бессознательном состоянии был — мне было два месяца от роду. — Папа посадил нас с мамой в поезд 21 июня 1941 года и отправил к себе на родину, в деревню под Вязьму — свежим воздухом дышать, молоко парное пить. И тут — война. Ей бы сразу — в поезд и назад. Но через неделю уже поезда на Вязьму не ходили, а в нашу деревню пришли немцы. По рассказам мамы, в наш дом зашли четверо технарей-ремонтников, уже в возрасте за сорок, дом им понравился. Сначала всех гусей порезали,

*«Завтра
была война»*

а кур не трогали — куры яйца несли. Не били — и на том спасибо! Сами заняли дом, а всех нас выгнали в сарайку жить. Баба Таня с мамой сделали из бочки маленькую буржуйку, и мы втроем так и жили в сарае.

Мама моя — женщина отчаянная: весной 1942-го решила пробираться в Москву. С оккупированной-то территории, с младенцем... Взяла меня на руки, за спину забросила мешок с сухарями. Шла через партизанские отряды, через линию фронта. Только в 1943 году мы добрались до Дубны, где жили наши родственники. Потом оказались в Рязаново — это рядом со Щербинкой, под Подольском. Но в Москву ее не пускали, несмотря на то, что у нее была справка от командира партизанского отряда. Там было написано, что она в такой-то срок находилась в партизанском отряде. «А до этого

где вы были? Будем проверять». Пока шли запросы, мама в ясли устроилась кладовщицей.

— Сурово как было, оказывается!

— Оч-чень строго было! Москва наглухо закрыта была. В Москву мы приехали в конце 44 года, зимой. Я помню, как отец на санках нас с мамой вез до станции Силикатная... Приехали в свою родную комнату в коммунальной квартире в Сивцевом Вражке, а там колотун страшный — не топили же. Только одна буржуйка топилась — у тети Груши, и все ночевали у нее чуть ли не вповалку.

— Вы же парень «арбатский», а послевоенный Арбат — по свидетельству Игоря Кваши — был чуть ли не самым прибранным местом в Москве. Там

царствовали воровские законы, блатная романтика, суровые законы двора...

— Я запомнил другое: в наш двор вернулись фронтовики — ребята совсем, им было чуть за 20. Они ничего не боялись, спокойно могли обезоружить любого — с ножом или с чем угодно. На парад или праздник они ордена надевали, а в другие дни во двор выходили и в «расшибец» играли друг с другом на деньги. Ведь дети еще! Повоевали, а в игры не наигрались — не успели. У меня одно из самых ярких детских воспоминаний, как в апреле 1945 с фронта приехал дядя Андрюша и повел меня в Парк Горького. Там на набережной вдоль реки почти до Нескучного сада стояла немецкая трофейная техника — «Тигры», «Пантеры», мотоциклеты с пулеметами, БТРы, и вся детвора лазила там. Удовольствие было — во!

— Вы как-то о себе сказали: конечно, я был еще тот шлопай. Что, на самом деле были шпаной?

— Шпаной — нет. Настоящая шпана в те годы обитала ближе к «родине» Николая Афанасьевича Крючкова — в Проточном переулке. Вот там действительно суровые парни были. Приходили к нам драться двор на двор. Правда, при этом железно соблюдались правила: «драться только до первой кровянки», «лежачего не бить». Конечно, я не был паймальчиком. Мы и стекла били, и с фонарем под глазом я частенько домой

приходил. Но это когда уже стал постарше. Помню, глицерин с марганцовкой смешивали и подкладывали такую петардочку какой-нибудь бабке в корзинку... От мамы мне частенько доставалось за мои проделки.

— Обычно актеры из послевоенного поколения, рассказывая о своем детстве, говорят: у меня было два пути — в тюрьму или в театральную студию. У вас была такая дилемма?

— Нет, я уже с 13 лет занимался в московском городском Доме пионеров — в драмкружке. Одной из первых пьес, в которой я выходил на сцену, была сказка «По щучьему велению». Я играл царя, а Емелю — Леня Нечаев, будущий режиссер, ко-

*«Освобождение»
(режиссерская
работа)*

торый потом снял фильмы «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку»... Но в школе я не отличался хорошей успеваемостью. Чтобы закончить десять классов, мне даже пришлось идти в школу рабочей молодежи и устраиваться на работу — сначала кондуктором на автобусе, затем почтальоном.

— К этому периоду относится история, как вы подделывали контрамарки?

— Очень хотелось спектакль посмотреть, а денег на билет не было. И вот однажды на полу в театре Маяковского я нашел бумажку, которую кто-то обронил, — пропуск на два лица. Там стояла дата, место и — подпись. Я понял, что, научись я так

писать, смогу ходить в театр каждый день. Мне тогда было лет четырнадцать. Дома вырезал точно такой же кусок ватмана, нашел тонкое раздваивающееся перо, купил точно такие же синие чернила и научился один в один копировать почерк, как потом выяснилось, администратора театра. Билетеры, не глядя, пропускали — настолько «липа» у меня получалась точная. А потом я совсем «обнаглел»! Друзей, знакомых стал водить. Себе выписывал бельэтаж или партер, им — на второй ярус. Иногда со мной чуть ли не десять человек проходили. А для театра Вахтангова и для Большого у меня были другие беспроектные трюки... Я был в этом смысле «больной» ребенок. Обожал театр! Видел некото-

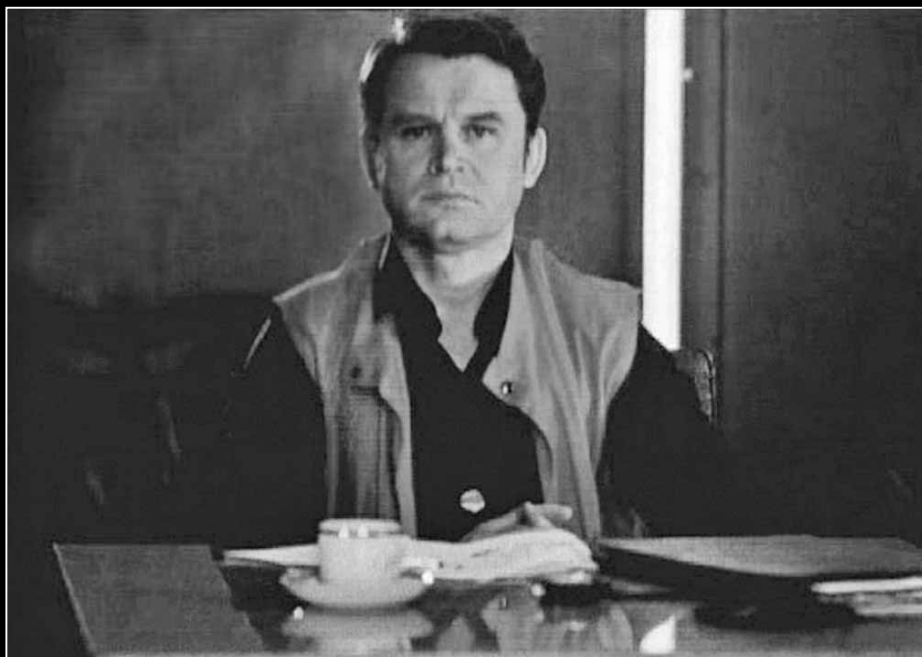
рые постановки не по одному, а по 20 (!) раз. Особенно любил ходить на спектакли «Гостиница «Астория», «Гамлет»... Шикарные романтические костюмы, мощнейшие декорации. Потрясающе!

— Примеряли себя на роль Гамлета? Посещала мысль: «На месте этого актера должен быть я!»?

— Всего один раз — когда артист, которому было уже за сорок, играл молодого Гамлета. И играл плохо. Я тогда подумал: «Вот я бы это так сыграл!» И как раз возраст у меня был самый подходящий — лет 15-16. В то время я выглядел очень молодо. Лет до 18, если с девушкой шел в кинотеатр на картину «до 16-ти», я всегда паспорт при себе держал на всякий случай. Иначе не пускали!

— Это что! Лариса Лузина рассказывала, как в курсовом спектакле во ВГИКе вы играли ее 6 летнего сына. Сергей Герасимов держался за живот, в зале стоял такой гомерических хохот...

— А вы знаете, что в те годы на наши студенческие спектакли вся Москва ломилась?! Как только выпускали хороший спектакль — слух мгновенно распространялся: мол, вот это обязательно надо посмотреть. Помню, в «Разбойниках» по Шиллеру Лариса играла Амалию, я — разбойника Шуфтерле, а Коля Губенко — замечательно играл Шпигельберга. Думаю, Коля Губенко начался именно с этой роли. Затем у того же режиссера — Куна Зикфрида — он сыграл Артура Уи. Играл просто гениально! Попасть было невозможно — «сарафанное радио» так работало!

— У ваших педагогов Сергея Герасимова и Тамары Макаровой было своеобразное деление курсов: послевоенный курс называли «молодогвардейцами», следующий — «Рыбников — Ларионова», потом — «Гурченко — Кириенко». А ваш (несмотря на то, что там учились Жариков, Польских, Болотова, Прохоренко, Лужина) они называли — «Губенко — Никоненко». Губенко и Никоненко были любимчиками?

— Сергей Аполлинарьевич умел внушить такое ощущение — каждый считал себя его любимчиком. Все его любили и все хотели обратного чувства. Он был великий — и педагог, и психолог! А Тамара Федоровна была какова! Помню, говорит на одном из занятий: «Ребята, я наблюдаю, как вы в столовой кушаете. Это безобразно! Вы совершенно не уме-

ете есть. Скоро — через год-два — вы сниметесь в картинах, вас повезут за границу. И что — вы и там так будете есть?» Дает Володьке Буяновскому деньги: «Кастрюлю сарделек принеси! Сейчас будем все учиться!» Володя принес кастрюлю, тарелки, вилки, ножи... Тамара Федоровна: «Коля Губенко, начнем с тебя». А Коля Губенко — круглая сирота, живет на одну стипендию — постоянно ходил полуголодный...

— То есть, таким образом подкармливала всех?

— Да! Правда, мы не сразу это поняли... Губенко и так старается, и эдак. «Не получается у тебя, Коля! Ты зажатый... Давай-ка еще!» И пока он не съест пять сарделек, она не успокоится. Потом вызывает следующего... «Вилку вот так надо держать!» Правда, мне сарделек не

доставалось: она знала, что меня дома накормят, поэтому говорила: «Сережа Никоненко умеет правильно есть».

— Говорят, один из уроков Герасимова был «урок скромности» — он учил, как не «звездиться».

— Он не то чтобы учил. Если кто-то на курсе только начинал вести себя как-то неправильно, он иронизировал над этим так, что всем становилось стыдно: «Смотрите, не тресните от собственной значимости!» Говорил: «Если вдруг совсем начнет распирать собственная значимость, берите пример со Льва Николаевича. Или перечитайте Лермонтова, Чехова!» То есть Герасимов сразу ставил «звезду» на место.

— А ваш путь «через огонь, воду и медные трубы» был тернистым?

— Огонь и вода — это трудности в работе, как я понимаю. Да, иногда бывало трудно. Бывало холодно? Бывало. Трудные переезды? Были. Неорганизованная администрация, которой было наплевать? Встречал такое неоднократно.

— Со съемок уходили, хлопнув дверью?

— Нет, такого никогда не было. Как уйти со съемок? Разве виноваты люди, которые с тобой бок о бок работают? Виноват какой-нибудь один администратор, если это каса-

ется быта. Кстати, как-то Женя Стычкин, Коля Бурляев и я были утверждены в одном австрийском фильме. Приехали. Небольшая австрийская деревня — большак и дома вдоль дороги. Машины носились круглые сутки, если окна номера в отеле на дорогу, заснуть вообще невозможно. На третий день Женя попросил режиссера переселить его в номер с окнами на тихую сторону. На что тот ответил: «Я не терплю капризы артистов! Вы у меня сниматься не будете!» Я не выдержал и говорю через переводчика: «Переведи-ка ему: если ты такого артиста как Женя Стычкин снимаешь с роли за то, что он обратился с нормальной профессиональной просьбой, то и я у тебя не буду сниматься!» Вслед за мной и Коля Бурляев говорит: «И я не буду!» Собрали все трое вещи и — в Вену! Зато перед вылетом город посмотрели, поели пирожных в знаменитой кондитерской «Захер».

— Вы как-то сказали: «Об одном жалею — что на моей раскладушке не оставили автографы те, кто на ней ночевал: Николай Губенко, Василий Шукшин, Геннадий Шпаликов, Эдуард Стрельцов...»

— Не только... И Володя Качан, и Вадик Спиридонов, и прочие-прочие. Богемная жизнь у меня дома на Сивцевом Вражке была замечательной. Гитара, закуска, выпивка, все молодые, веселые. Кто-то зави-

«Парад планет»

сал до утра, кто-то на несколько дней. Время за полночь, куда идти? Ложись! Никита Михалков как-то позвонил после развода с Настей Вертинской: «Можно я у тебя переночую пару ночей?» «Ночуй хоть три». Целых восемь месяцев прожил! И жили мы очень весело... Вообще, я с такими людьми встречался! Что с Арамом Ильичом Хачатуряном за одним столом сидели и выпивали, это понятно — его сын Карен учился со мной на курсе, и мы приходили к нему в гости. Но я однажды и с Шостаковичем рюмку водки выпил... Это музыканты великие! А со сколькими великими артистами меня судьба сводила. Снимался с Николаем Гриценко, с Олегом Ефремовым, с Олегом Табаковым. Табаков и в моих двух картинах

снимался... Грандиозные совершенно люди!

— У вас в кино более 200 ролей. Есть среди них самые дорогие, что называется, судьбоносные?

— В 1967 году Сергей Герасимов снял меня в одной из главных ролей в своем фильме «Журналист». Картина получилась очень мощная, главный приз завоевала на фестивале. Вот там я почувствовал, что как актер кое-что уже умею. Очень для меня важны работы в фильмах «Красная площадь», «Парад планет», «Шестой», «Зимний вечер в Гаграх», «Завтра была война». А как режиссер я очень люблю свою картину «А утром они проснулись» по рассказам Шукшина, снятую в начале 2000-х.

*«Трын-трава».
Екатерина
Никоненко*

Я очень хотел это сделать, ведь благодаря Василию Макаровичу я стал режиссером.

— Вы сняли немало замечательных картин, но свою супругу — актрису Екатерину Воронину — снимали не часто...

— Это вы так считаете! А помню, первый зампред Госкино Павленок, посмотрев одну из моих картин, где главную роль сыграла Катя, даже упрекнул: «Однако любите вы, режиссеры, своих жен снимать». На что я сыронизировал: «Наверное, это неправильно! Давайте снимать ваших». Он очень оскорбился. Катя у меня сыграла в фильме «Елки-палки», в «Трын-траве», в «Кораблях пришельцев». Хотя, бывало, обижалась, если подходящей роли для нее не оказывалось. И при этом я никог-

да не протезировал ее нигде, не ставил режиссерам ультиматумов: мол, не буду сниматься, если не дадите роль жене.

— Кстати, у вас в юности была слава весьма любвеобильного мужчины. Тем не менее, красавицу Катю вы брали как Бастилию — штурмом... Как определили, что именно она — ваша судьба?

— Екатерина самая недоступная была! Я во ВГИКе учился уже на режиссера, а она — на курсе Бориса Бабочкина — на актерском. Красавица была писаная, кто только к ней не подкатывал. Но нравом очень строгая — из старообрядческой семьи. Крепость! А мне всегда нравились недоступные девочки. Целый год мурыжила! И стихи читал, и в

театры приглашал. Ни в какую! Но через год не устояла-таки перед моим обаянием. Получилось очень символично: мы сыграли свадьбу как раз 14 июля — в День взятия Бастилии.

— Ваш сын Никанор пошел по вашим стопам, стал режиссером. Как думаете, есть шанс, что скоро он нас всех приятно удивит?

— Надеюсь! Знаете, это ведь тоже — как повезет. Дело случая! Но пока главное достижение Никанора в том, что он подарил нам внука, которого назвали в честь моего отца, Петром. За это я ему уже очень благодарен! Ведь у Никанора сейчас другая семья. Вера, мама моего внука, умерла в 29 лет от рака мозга. Изумительная была девочка!

Лучшие врачи не смогли спасти. Теперь Петя с нами живет, а внучка Катя (я их называю Петр Первый и Екатерина Вторая) — в новой семье сына.

— Многие называют вас «счастливымчиком»: вы всегда были востребованы. В лихие 90-е даже шутка такая ходила: если за год вышел всего один фильм, в его титрах обязательно была фамилия Никоненко. Вас любили члены Политбюро, президенты, а, главное, — вас любит народ. В чем секрет?

— Никакого секрета. Просто работай честно — вот и все. Есть роль — надо отдать ей всего себя, если потребуется, даже «через не могу»... □

Беседовал **Андрей Колобаев**

СОКРОВИЩА ГОХРАНА

Часть II

Глава первая

Мэр подмосковного города Латницы Марк Валентинович Сквиря в размышлении стоял у окна своего скромного кабинета. По жестяному карнизу, будто воробышек, стучал реденький майский дождик. «К деньгам, — сонно подумал Марк Валентинович. — Ведь сегодня четверг...»

Интересно, кто бы нынче мог принести ему денег? Плановых поступлений Сквиря не ждал — срок не подошел. Но как знать! А что, если какой-нибудь купчишка предложит новый коммерческий «прожект»? Или «маленький человек» попросит об услуге... Хотя вряд ли. Городок Латницы — небольшой, ну, совсем небольшой — всего-то двадцать тысяч жителей. Произрастает кое-какая чахлая торговлишка, да социальные учреждения еще дышат. На ладан...

Тысячи латницких граждан и гражданок с утра пораньше осаждают электрички на Москву. Именно там, в Первопрестольной, люди ищут заработка и карьерных перспектив. Тут-то, в Латницах, устроиться сложновато. А уж если повезет попасть на единственное солидное предприятие, Латницкий ювелирный завод, так за это место держатся руками и ногами. Получают золотых дел мастера весьма и весьма недурно. Никто не жалуется.

Кстати, уж не перепадало ли от щедрот ювелирного завода и Марку Валентиновичу — так сказать, детишкам на молочишко? Нет, не перепадало. Вздор это все, наветы «доброжелателей». Потому как барин слуге подношений не делает. А подлинным барином держит себя в Латницах не кто иной, как директор и совладелец ювелирного завода Антон Петрович Шипило. Весь город должен Антону Шипило, все городские службы. Милостивый барин соблаговолил взять на свой баланс убыточные детсады, две больницы, дом престарелых, стадион, да и все прочие «богоугодные заведения».

Как дырка в бюджете — так ползи, гражданин мэр, на поклон к господину директору ювелирного завода. Где уж Марку Валентиновичу брать дань с Шипило! Рылом, как говорится, не вышел гражданин Сквиря.

Послышался робкий стук в дверь, и на пороге кабинета возникла болезненно-бледная, взволнованная секретарша. В ее руке подрагивал лист машинописной бумаги.

— Марк Валентинович, вам по электронной почте письмо пришло, — сказала она каким-то странным голосом. — Вот распечатка...

Сквиря взял листок, и, по мере того, как читал послание неизвестного отправителя, его жиденькие брови все теснее смыкались над переносицей. Наконец он медленно опустил голову в кресло и вновь уставился в текст.

«Уважаемый мэр! — гласило письмо. — Общественность города и района уже неоднократно обращалась к Вам по поводу преступной деятельности главврача Латницкой психиатрической больницы Ископаевой Тамары Сергеевны. До Вашего сведения доводилась информация об истязаниях и даже убийствах пациентов, насильственном и противозаконном помещении в лечебницу здоровых людей. В больнице применяются пытки, запугивания, избиения людей, а также запрещенные Минздравом препараты, такие, как сульфазин. Будучи садистом по натуре, Ископаева время от времени приказывает санитарам насмерть забивать пациентов, главным образом — из числа бомжей. Очередное такое убийство произошло восемь дней назад. В отношении некоторых пациентов применяется также сексуальный террор. Многих заключенных — а иначе и не назовешь тех, кто по воле рока попал в стены лечебницы — безуспешно разыскивают родные и близкие. Так, довожу до Вашего сведения, что в настоящее время Тамара Ископаева тайно удерживает в своей больнице известного музыканта Крамского, которого несколько месяцев назад объявили во всеобщий розыск.

Правоохранительные органы города Латницы, будучи прекрасно осведомлены о преступной деятельности Ископаевой Т.С., не принимают никаких мер. Начальник Латницкого РОВД полковник Трунин П.П. состоит с Ис-

копаевой Т.С. в дружеских отношениях, более того, лично заинтересован в ее услугах (недавно Трунин сдал в психбольницу свою тещу).

Уважаемый мэр! Настало время с этим кончать. Прекратите покрывать главврача Ископаеву, игнорировать чудовищную ситуацию, сложившуюся в Латницкой психбольнице. Вмешайтесь и положите этому конец. Питая к Вам искреннее расположение, я обещаю в ближайшее время не обращаться в областные и общероссийские инстанции. Однако если в течение десяти дней с момента получения Вами моего предупреждения Вы не организуете тщательного расследования ситуации в Латницкой психбольнице, здесь появятся представители областной прокуратуры и ГУВД Московской области.

Отсчет времени пошел, дражайший Вы наш Марк Валентинович!»

Мэр поднял свое набрякшее лицо от бумаги и приказал секретарше:

— Позови сюда Сысоева.

Она тут же упорхнула, а Сквиря принялся нервно расхаживать по кабинету. Н-да... Вот тебе и «после дождичка в четверг».

Никаких «обращений общественности» по поводу безобразий в психбольнице мэр не получал — тут аноним явно лукавил. Причем лукавил с умыслом: если это электронное послание прочтут в областной прокуратуре, то Марк Валентинович будет выглядеть чуть ли не пособником садистки Ископаевой. Соучастником. А какой он соучастник, Господи помилуй!

Правда, до Сквири доходили смутные слухи об истязаниях пациентов психбольницы, но мэр предпочитал не обращать на все эти пересуды никакого внимания. Тут автор письма прав. Впрочем... Марк Валентинович как-то заговорил об Ископаевой с начальником РОВД Труниным, но Пал Палыч только отмахнулся: дескать, что у нас, других проблем мало? Пациенты психбольницы — сплошь алкаши да отморозки, и если им там пару раз по шее дадут, так оно и правильно.

О том, что у Ископаевой содержится какой-то известный музыкант, некий Крамской, Марк Валентинович вплоть до сегодняшнего дня вообще ни сном ни духом не ведал.

В кабинете неслышно появился Сысоев — специалист по электронному оборудованию в Латницкой администрации.

— Вызывали, Марк Валентинович?

— Вызывал, вызывал... Скажи-ка мне, Сысоев, что такое электронная почта? Чем она отличается от обычной?

— Не понял, Марк Валентинович...

— Экий ты, право, — буркнул Сквиря. — Ну что тут непонятного? Вот скажи: если кто-то послал мне по электронке письмо, то он потом может это доказать? Следы какие-то в этом вашем виртуальном пространстве остаются?

— Следы электронного письма сохраняются необозримо долго. Даже если их, вроде бы, глазом и не видно, специалист их обязательно различит. И еще... Уничтожить виртуальное послание куда сложнее, чем бумажку. У отправителя в компьютере сохраняются сведения, когда и кому он послал данный текст. А также уведомление, что адресат послание получил. Подделать или изменить эти объективные данные очень и очень трудно. А еще есть умники, которые отправляют скрытую копию письма самому себе. Тут уж не подкопаешься...

— А если мы знаем электронный адрес отправителя, то можно установить его местонахождение?

— Это вряд ли, — покачал головой программист. — Адрес может быть одноразовым, а отправить с него почту можно с любого компьютера. Хоть из Новой Зеландии. В данном случае адрес — это понятие условное.

— Иди, Сысоев, — устало махнул рукой Марк Валентинович.

— Погодите, Марк Валентинович, я еще не все сказал.

— Ну, что еще? — с надеждой вскинул на него взгляд градоначальник. — Мы поймаем этого подонка?

— Стоит только захотеть, — двусмысленно прогнусавил Сысоев. — Поручите это мне, я ведь в этом деле дока...

— Поручаю, поручаю, — закивал Сквиря и нажал на клавишу селектора: — Нина, передай Сысоеву все почтовые реквизиты отправителя... Ну, этого анонима... Только текст читать не давай!

Сысоев умчался, пританцовывая, и Марк Валентинович остался один. Неожиданно он успокоился. Боже мой, да ведь это поганое подметное письмо — не что иное, как обычный шантаж. Тут все просто и ясно: кому-то нужна подпись мэра под каким-нибудь шкурным документиком. Вот и все. Иначе аноним не стал бы грозить Марку Валентиновичу, предупреждать о всевозможных карах. Он просто передал бы изложенные факты областной прокуратуре. Что ж, значит, скоро таинственный радетель о правах пациентов Латницкой психбольницы объявится и изложит свои условия. Подождем...

Ближе к концу дня в кабинет без стука прошествовал Сысоев. Вид у него был загадочным и торжествующим одновременно.

— Ну что? — спросил Сквиря.

— Видите ли, Марк Валентинович, помимо электронного почтового адреса отправителя, существуют еще так называемые ай-пи и ай-ди адреса...

И Сысоев принялся долго и нудно рассказывать о том, как ему, «поистине гениальному хакеру», удалось хитроумным способом установить принадлежность и местонахождение компьютера, с которого было отправлено неприятное для мэра письмо... Оно было отправлено из единственного в городке интернет-кафе.

— Я сбегал туда, — горделиво сообщил программист. — И, пользуясь своими связями, узнал: в означенное время электронной почтой пользовался один-единственный посетитель. Это парнишка, его хорошо знают в городе. Сказать, как его зовут?

— На кой ляд он мне нужен! — заорал Сквиря. — Ясно ведь, что его наняли за пару сотен рублей. Что мы теперь, пытаться его будем? Мол, кто тебе текст письма всучил, чтобы мэру послать?.. Иди, Сысоев, иди....

— Нет, пытаться его мы действительно не будем, — тихо сказал программист. — Потому что этот парнишка... Это... Сын директора ювелирного завода. Единственный и любимый отпрыск Антона Шипило.

Глава вторая

Семидесятипятилетний академик Анатолий Семенович Ардашкин не был в Первопрестольной уже больше полугода. И теперь он рассеянно смотрел в густо тонированное окно «хаммера» на проносящиеся мимо него пригороды столицы, редкие перелески и пашни, давно позабывшие плуг земледельца.

Мощный джип был подан прямо к приземлившемуся в аэропорту «Мячково» сверхзвуковому Ту-144 — эти самолеты, несмотря на их снятие с серийного производства, иногда изготавливались по индивидуальному заказу сильных мира сего. Меньше часа потребовалось реактивной машине, чтобы преодолеть расстояние между Калининградом и Москвой, но в полете Ардашкин успел окончательно простудиться. Несмотря на выпитый коньяк, Анатолий Семенович чувствовал себя прескверно. Грудь раздирали надсадный кашель, и на каждый такой приступ сердце отзывалось тревожной болью.

«Да ну, подумаешь, грипп, ерунда собачья, — пытался успокоить себя Анатолий Семенович. — Сейчас примем антибиотики, «дозис лошадис»... Или еще что-нибудь такое».

Вдали, наконец, показалась Москва. «Хаммер» следовал в московский офис калининградского завода по переработке золотосодержащих отходов. Ардашкин вспомнил хвастовство владельца предприятия Леонида Трофимова, что, дескать, на сегодняшний день его личных золотых запасов хватит для целого государства. Московское представительство прибалтийского перерабатывающего завода располагалось на Мосфильмовской улице, неподалеку от знаменитого гольф-клуба. Вот поправится Анатолий Семенович, так обязательно купит себе клубный абонемент, набор клюшек и прочую соответствующую экипировку. Непременно играть по утрам в гольф было давней мечтой академика.

При офисе на Мосфильмовской была небольшая, но комфортабельная гостиница. Трофимов уже позаботился о том, чтобы, начиная с сегодняшнего дня, во всем отеле был только один постоялец — Анатолий Ардашкин.

Впрочем, отель был населен довольно плотно, хотя в глаза это никак не бросалось. Дело в том, что по указанию Ардашкина академик Трофимов неделю назад перебросил сюда три десятка человек из службы безопасности своего золотоперерабатывающего завода. Все — накачанные, молодые парни, прошедшие хорошую спецподготовку. И право на ношение огнестрельного оружия у громил наличествовало. Что-то подсказывало Анатолию Семеновичу — помимо бумажек эти бритоголовые хряки реально вооружены пистолетами.

Была вдвое усилена и непосредственная охрана отеля. Все эти меры гарантировали высокому гостю как личную безопасность, так и защиту от назойливых журналистов. Писаки и телевизионщики, безусловно, через час-другой будут в курсе того, что за деятель прибыл в Белокаменную с курортного берега Куршской косы на сверхзвуковом Ту-144 с аршинной надписью «Троль» по бортам.

Для российской и мировой общественности Ардашкин был вовсе не Ардашкин, а, ни много ни мало, — князь Анатолий Долгорукий, прямой потомок легендарного Рюрика. Того самого, который почти двенадцать веков назад стал первым русским самодержцем.

Рюриковичи правили Россией вплоть до восшествия на престол Романовых в начале семнадцатого века. И теперь, после того как потомки Романовых устранились от судьбы своего Отечества, для монархически мыслящих людей — главным образом за рубежом — настала пора вспомнить об исконной великокняжеской и царской династии и задуматься: а не признать ли наследником русского престола представителя рода Рюрика? То есть — Анатолия Семеновича Ардашкина.

В свое время бывшими агентами спецслужб для академика Ардашкина была разработана подробная родословная, восходящая аж к девятому веку нашей эры. Династические выкладки подкреплялись безупречными для не слишком тщательной экспертизы документами. В общем, все это звучало весьма убедительно — даже для въедливого специалиста по геральдике. И ближайшей целью Ардашкина было закрепиться в сознании обывателя как некий «возможный вариант» дальнейшего русского пути. Именно для усиления «Эффекта Рюрика» и предназначался растущий день ото дня золотой фонд Леонида Трофимова.

Бронированный «хаммер» миновал чугунные ворота, охраняемые двумя автоматчиками, и мягко затормозил у помпезного крыльца. Его свет-

лость князя Долгорукого с отчетливо заметным волнением встречали директор московского представительства и распорядитель офисной гостиницы.

Анатолий Семенович, держа в руке серебристый чемоданчик, степенно вышел из чудовищных размеров джипа, стремительно поднялся на крыльцо и тут же задохнулся в приступе сухого кашля.

— С прибытием, ваша светлость, — разом поклонились встречающие. — Прикажете подать обед в номер?

— Врача, — скуповато выдавил из себя «наследник российского престола». — Терапевта. самого лучшего.

В роскошных, поистине великокняжеских апартаментах, которые, по первоначальной идее, оборудовались персонально для Леонида Трофимова, Ардашкин в ожидании профессора медицины потребовал подробную карту Подмосковья.

Когда коридорный почтительно разложил зеленовато-бурый лист на обеденном столе и неслышно удалился, Анатолий Семенович склонился над картой и принялся по давнишней привычке покусывать кончик карандаша. Его взор был устремлен на обозначенный бледно-зеленым цветом лесной массив между Егорьевским и Рязанским шоссе. С одной стороны — Гжель, с другой — Латницы. Эти населенные пункты соединялись асфальтированной дорогой, перерезавшей густые дебри.

Что ж, подходящее место для краткосрочной дислокации трех десятков парней, готовых выполнить любой приказ Ардашкина.. А вот и речка Мошенка змеится сквозь леса и поля...

Золотая речка.

Академик снял телефонную трубку с аппарата в стиле ретро и сразу услышал подобострастный голос директора офиса:

— Да, ваша светлость?..

— Я просил подготовить мне досье на некоторых персонажей, — недовольно продребезжал Анатолий Семенович.

— Все сделано, сейчас вам доставят бумаги, — суетливо ответил директор.

Через минуту перед князем-академиком были аккуратно разложены папки с крупно выведенными фамилиями: «Сквиря», «Шипило», «Трунин», «Венгеров», «Волохов», «Шестаков»... К каждой папке прилагался диск с электронной версией документов.

Анатолий Семенович смотрел на фотографии с таким чувством, словно эти люди были его родственниками, хотя на самом деле князь-академик никогда с ними не встречался. Но волею судьбы (и Ардашкина-Долгорукого,

разумеется) они скоро станут главными действующими лицами в предстоящей грандиозной кампании. Кампании, которая, по самым скромным подсчетам, принесет его светлости князю Долгорукому несколько сотен миллионов долларов.

Глава третья

— Подъем, лежебока!

Веселый голос Григория Волохова мигом выдернул Василия Шестакова из дремоты, в которую он погрузился совершенно незаметно для самого себя. Григорий Лукич стоял посреди избы, увесистые сумки с продуктами оттягивали его руки.

— Простите, Григорий Лукич, — пробормотал Вася, вскакивая с дивана и кидаясь принимать сумки. — Вот, что-то сморило меня...

— Значит, совесть чиста, коли спишь спокойно, — подмигнул гостю Волохов.

В его интонациях Шестакову послышалось нечто большее, чем обычная прибаутка, которыми так любил сыпать местный краевед. Вася побледнел и бессильно опустил сумки на скамью... И сразу же острой болью напомнила о себе поврежденная во время побега лодыжка.

— Григорий Лукич, миленький, — сбивчиво затараторил Шестаков, — неужели вы что-то узнали?..

— Узнал, узнал, — с довольным видом плюхнулся на диван Волохов. — Ставь самовар, по городу мотаться — это не на печке лежать... Устал я, Вася, как собака. И мотор у моего «горбатого» что-то барахлил...

— Говорите же, не томите! — взмолился гость.

— Ладно, не стану тебя мучить... Я же не Тамара Ископаева какая-нибудь. В общем, живи спокойно, Василий свет Владимирович. Никого ты не убивал. Уж не знаю, нравится тебе такая новость или нет...

— Да что вы такое говорите! Конечно, замечательная новость! Значит, теперь я могу уже не прятаться от правосудия!

— погоди, милоч, — жестом остановил его Волохов. — Ты слушай старших и на ус мотай, не лезь поперед батьки.

Шестаков уже перестал удивляться таким нелепыми высказываниям Волохова, а удивляться, между прочим, очень даже было чему. Дело в том, что старшим по возрасту среди них двоих был именно Вася, которому уже стукнул полтинник, тогда как Григорию Лукичу не исполнилось и сорока семи. Однако по своей сермяжной повадке и житейской сметливости Волохов, безусловно, с полным правом мог претендовать на роль батьки.

— Слушаю, Григорий Лукич...

— Так вот. Молодой Ископаев был в бронежилете, и твоя пуля всего лишь отбросила его. Правда, два ребра у него треснули... Но он даже в больницу не попал. Не обращались они, в общем.

— Так меня ищут или нет? — с тревогой допытывался Шестаков.

— Как тебе сказать... Официального розыска Латницкая ментовка, вроде бы, не объявляла. Ну а что касается неофициального... Ищут, конечно. И люди Царицы Тамары, и менты. Потихонечку так ищут, все больше выспрашивают, выведывают. Чуют, что ты где-то здесь затаился, не ушел далеко. И паспорта у тебя нет. Сегодня на рынке, в пивной, ко мне какой-то подозрительный мужичок пристал, все расспрашивал, откедя я буду. А потом — не появлялся ли у нас в Ольгинском чужак. И твои приметы называл. Мол, убивец ты беглый, псих, маньяк, тебя сторожиться надо.

Вася вздохнул. По всем формальным признакам, так оно и было: чокнутый маньяк, ни дать ни взять. Шестаков угодил в Латницкую психиатрическую больницу, будучи в горячке после тяжелого запоя. Запой этот достиг катастрофических масштабов после того, как Вася узнал о грандиозном наследстве, доставшемся ему после убийства отчима.

В «капище Царицы Тамары», как называли местный дурдом окрестные жители, Вася насмотрелся такого, от чего у него до сих пор волосы вставали дыбом. Ему чудом удалось бежать в тот день, когда Царица Тамара послала его в числе других заключенных на строительство своего лесного особняка. При побеге Шестакову пришлось отстреливаться от двух сыновей Ископаевой из захваченной им винтовки. Одного он уложил, думал, что убил наповал. Ан нет, только поранил слегка... Но и сам Шестаков прихрамывал: лодыжку изрядно посекло осколками.

Вася, конечно, не ушел бы от преследования, но ему тогда просто повезло: на проселочной дороге беглеца подхватила случайно проезжавшая красная «Нива». Ее владелец, колоритный дядька Михайло Потапыч, привез Шестакова к себе в Ольгинское. А потом, на всякий случай, перепрятал беглого «психа»: уговорил Волохова взять Васю к себе.

Полностью деморализованный, без денег и документов, Шестаков ухватился за Волохова как за единственную надежду на спасение, на возвращение в мир свободы и благополучия. В порыве признательности он рассказал Григорию Лукичу и гостившему у него профессиональному кладоискателю Виктору Венгеру об огромном наследстве, свалившемся на него буквально несколько дней назад. Клялся и божился, что щедро отблагодарит своих новых друзей, если они помогут ему выпутаться из беды. В ответ Волохов и Венгер тут же предложили Васе участвовать в совместной операции под кодовым названием «Золото». Краевед Григорий

Лукич недавно издал книгу «История Латницких золотых промыслов», и в процессе работы над своим историческимopusом сделал ошеломляющее открытие: участок дна речки Мошенка в нескольких километрах от ювелирного завода буквально выстлан золотом! Точнее — пластами золотосодержащего шлака, который сваливали в реку аж со времен царя Николая I.

Теперь сообщникам предстояло взять бесценный отрезок реки в аренду — вместе с прилегающими берегами, разумеется. И под видом строительства базы отдыха и расчистки речного дна начать добычу золотосодержащего шлака. Вопросы сбыта этого дорогостоящего сырья также были хорошо продуманы Волоховым: он выяснил, что такие отходы скупает некто Леонид Трофимов, хозяин Калининградского перерабатывающего завода.

Для успешного старта золотой кампании требовались начальные капиталовложения. Кладоискатель Венгеров располагал четвертью миллиона долларов, что, конечно же, было совершенно недостаточно для закупки оборудования, возведения складов, цехов и жилых помещений, прокладки дороги — хотя бы грунтовой. И потому Шестаков интересовал Волохова и Венгерова именно с точки зрения финансирования проекта. Ведь наследство отчима, по приблизительным прикидкам, оценивалось более чем в два миллиона долларов.

Василий сразу загорелся идеей стать настоящим золотопромышленником, он вообще был рискован. Духом авантюризма Шестакова заразили его многочисленные клиенты, ведь еще недавно Вася был владельцем весьма успешного рекламного агентства. Участвуя в дорогостоящих пиар-проектах, он подчас поражался, как наши предприимчивые сограждане ухитряются делать миллионы из воздуха, на одном только блефе. А тут — реальные золотоносные залежи! Такой шанс выпадает один раз в жизни.

Существовало и еще одно обстоятельство, которое заставило Шестакова без раздумий, очертя голову кинуться в предложенную авантюру. События последнего времени — сначала разорение Васиного рекламного агентства, затем — период запоев и внезапное наследство, потом — истязания в Латницкой психбольнице и, наконец, чудесное избавление от погибели — все это убедило Шестакова в том, что судьбой его распоряжается всемогущее Провидение. Уж больно логично все складывалось, уж больно явственно ощущалось незримое покровительство Провидения...

Пару дней назад кладоискатель Венгеров уехал в Москву — снимать со счета в банке свои сбережения, регистрировать фирму, которая возьмет в аренду золотоносный участок реки Мошенка. Учредителями фирмы под названием «Родные просторы» должны были значиться Григорий Волохов, Виктор Венгеров и Василий Шестаков.

— Мне бы домой съездить, паспорт восстановить, — ныл Шестаков.

— В таком деле, Вася, нам рисковать никак нельзя, — рассудительно отвечал Григорий Лукич. — Тебе подстраховаться надо... Мало ли что, еще полиция задержит, когда ты у себя в Москве объявишься. У Ископаевой хорошие связи в этих структурах.

— Что же делать-то? — жалобно спросил Шестаков.

— Что, что... — проворчал Волохов. — Меня слушаться, вот что. Короче, надо обратиться за поддержкой к знакомому полицейскому «тузу». Пусть в случае чего прикроет тебя, понял? А там, глядишь, нам удастся привлечь его к нашему золотому делу... Нам надежная ментовская «крыша» нужна, соображаешь?

— Соображаю. И кто же этот, гм... туз?

— Да есть один... У него дача неподалеку. Я, когда из города возвращался, завернул в его садовый кооператив. Так вот, пляши, Вася: он сейчас там! Так что, милоч, сейчас к нему рванем, вот только чаю попьем. Я вас познакомлю, и ты все ему про Латницкую психбольницу расскажешь.

— А надо ли? — засомневался Шестаков.

— Нам необходимо первыми нанести удар по Ископаевой, ясно тебе? Тогда ты изначально будешь фигурировать как потерпевший, а это совсем другое дело, чем значиться беглым психом.

Вася заковылял к самовару. Григорий Лукич спохватился:

— Кстати, хромоногий! Я ж тебе подарочек купил. В комиссионке латницкой. — Он вышел в сени и вернулся с изящной черной тростью. — Держи третью ногу, инвалид боевых действий!

Шестаков с благодарностью принял клюку, постучал прорезиненным концом по полу. Как раз под его рост, то, что надо. Прошелся по комнате, всей тушей опираясь на палку. До чего же ладный набалдашник у этой тросточки! Металлический, тяжелый, чуть рифленый... Плотно ложится в руку. И какой приятный, знакомый холодок ощущается ладонью! Вдруг глаза его выпучились от ужаса, он завопил: «А-а-а!» и отшвырнул трость, словно по ней пробежал разряд электрического тока. Осязательная память безошибочно определила, в виде чего был сделан набалдашник трости.

Григорий Лукич со зловещим пониманием усмехнулся. Шестаков в отчаянии посмотрел на хозяина дома и с горечью прошептал:

— Так вы, оказывается...

— О чем ты, Вася? — чуть юродствуя, спросил Волохов.

— Так, ни о чем. Нервы, — буркнул Шестаков и принялся раздувать самовар. — Нервы...

Значит, его благодетель Григорий Лукич Волохов каким-то образом узнал про обстоятельства убийства отчима, благодаря которому Вася разбогател

на парочку миллионов долларов. Но как он узнал? Как проведал? Уму непостижимо!

...Ладный металлический набалдашник черной трости в точности копировал рукоятку «парабеллума». Того злосчастливого «парабеллума», который Вася сжимал в руке совсем недавно.

Глава четвертая

— Серега! Слышь, Серега? Я был прав: меня все-таки обокрали!

Подполковник Бурцев, по прозвищу «Бурав», появился возле высокого рубленого крыльца.

— Что унесли-то? — деловито спросил его гость, судмедэксперт Сергей Сергеевич Груздин. — Садовый инструмент, что ли?

— Мангал слямзили. Я ведь его намертво в землю вкопал, забетонировал... Так они не поленились, спилили ножки.

— А чему ты радуешься, нравственный мазохист?

— Тому, Серега, что дом стоит целехонький, что замки не сломаны, окна не побиты... В наше время это дорогого стоит! Так что будем считать, я заплатил за свое долгое отсутствие малой кровью. Ну ладно, не будем портить себе отдых, шашлык мы с тобой и так сделаем, на кирпичиках. А теперь пойдем выпьем с дорожки.

Друзья вошли в дом, сложенный из бруса. Посреди гостиной на столе красовалась бутылка водки и банка консервов.

Подполковник свернул металлическую пробку, продул от пыли две стопочки, наполнил их до половины.

— Где рыбачить-то будем? — осведомился Груздин, махнув свою дозу.

— На Мошенке, речка тут такая, совсем недалеко, — пояснил Бурав. — Завтра с утра и рванем. Скоро темнеть начнет... Нам бы с шашлыком успеть управиться. И печку истопить надо, а то ночью задубеем тут, даже водка не спасет...

Бурав вынес в сад низенькие табуреточки, и теперь друзья сидели возле двух стопок кирпича, между которыми жарко пылали угли.

— Пора загружать, — пробурчал Бурав и принялся аккуратно укладывать на ребра верхних кирпичей длинные шампуры с нанизанными кусочками свинины, кружочками картофеля и резаными помидорами.

Груздин тем временем закурил и осторожно спросил у него:

— Макс, ты прочитал документы? Ну, которые я тебе недавно передал, про князя Анатоля Долгорукого.

Бурцев молча кивнул.

— Ну и?..

— Как тебе сказать, Серега... Выражаясь шахматным языком, позиция у академика Ардашкина складывается интересная. Никто почему-то не сомневается, что он — подлинный Долгорукий, прямой потомок Рюрика. Все его всерьез воспринимают, как ни странно. К тому же возраст у него преклонный, а это всегда вызывает доверие у русского человека... Прибавь ко всему поддержку со стороны золотого магната Леонида Трофимова.

— Но мы-то с тобой знаем, что Ардашкин — никакой не Долгорукий, он самозванец! — возмутился Груздин.

— Знаем, конечно. Ну и что с того? Ты пойдешь трезвонить об этом по белу свету, что ли? Станешь показывать свои компьютерные выкладки, толковать, что Долгорукий — это видоизмененный академик Ардашкин, который якобы застрелился еще в прошлом веке? Пойми, Серега, в этой жизни ничего не меняется. Хоть сто лет пройдет, хоть тыща... Если кому-нибудь нужно, то звезды, как зажигали, так и будут зажигать... Видишь ли... Я думаю, со стороны Анатолия Семеновича все это — очередная авантюра. Игра. У него вся жизнь — игра. Ты это понимаешь не хуже меня. Вспомни об его открытиях, которые позволяют прогнозировать, и даже с точностью планировать, предстоящие события. Так что он еще погремит своей «погремушкой», уж поверь.

— Согласен, — кивнул Груздин. — Его может остановить только смерть.

Бурцев попробовал перевести разговор на шуточный тон:

— «Его может остановить только смерть», — передразнил он Груздина. — Ты опять предлагаешь мне ликвидировать Ардашкина? Тоже мне, врач, спаситель жизней человеческих... Ты вспомни хотя бы Библию. Как там сказано? «Не прикасайся к помазаникам Моим»!

— Прекрати, Макс! — одернул подполковника Груздин. — Что за манера — к месту и не к месту цитировать Священное Писание? Ты же православный человек! У Лешки шафером был на венчании, Ксюшку его окрестил...

— Ладно, Серега, замнем...

В душе Максим был полностью согласен с доктором Груздиным: да, академик Ардашкин — адово создание, он, безусловно, подлежит уничтожению. Но это, так сказать, в идеале. А в действительности?..

Бурцев недавно стрелял в академика, разрядил в упор всю обойму своего наградного «Макарова». Ни один человек не мог бы выжить после восьми смертельных ранений в грудь. Ардашкин не только выжил, он даже не пострадал.

Конечно, легко объяснить сей казус весьма простым обстоятельством: патроны в пистолете Максима были кем-то загодя подменены холостыми. Ну а потом? Спустя несколько месяцев подполковник собственными глаза-

ми видел обгорелый труп Анатолия Семеновича в пылающем клубе «Монреаль». Казалось бы, степень ожогов несовместима с жизнью — так любил выражаться доктор Груздин.

И что же? Вот он, Ардашкин, смотрит на мир с экранов компьютеров и со страниц газет и журналов. Всякий раз, как выяснилось, Бурцеву вместо мертвого академика подсовывали «обманку», сконструированную самим Ардашкиным. И Бурав смутно осознавал, что академика нельзя, просто невозможно ликвидировать просто так, с кондачка, по одному лишь своему желанию. Требуется нечто большее.

Он вдруг почувствовал, как кольнуло сердце и, глубоко вздохнув, обратился к Груздину:

— Опять, Серега, палец в грудь уткнулся.

— Мотор, что ли, прихватило?

— В порядке мотор, — отмахнулся Бурцев, а про себя подумал, что это уже вошло в привычку: предвидя смертельную опасность, он всякий раз говорит непонятные слова: «Снова палец тычет в грудь»...

Мысли его неожиданно прервали гнусавые вопли автомобильного клаксона.

— И тут достали, — недовольно поморщившись, проворчал Бурав. — Кого это принесла нелегкая?

Друзья сняли с углей огнедышащие шампуры и, держа их в руках, отправились вокруг дома навстречу незванным гостям.

— Вот так драндулет! — вырвалось у доктора Груздина, когда они увидели серенький «Москвич-407», припаркованный возле калитки. — И надо же, на ходу... Не думал, что когда-нибудь снова увижу такой раритет вживую. Ветеран труда!

Возле убогого авто стояли Григорий Волохов и Василий Шестаков, первый улыбался приветливо, второй понуро смотрел в землю.

— Здравия желаю, господин подполковник! — чуть склонил голову краевед. — Помните меня?

— Нет, не припоминаю, — пробормотал Бурав, при этом неотрывно глядя на «Пасынка» — так в МУРе окрестили Шестакова, подозреваемого в убийстве отчима и находящегося в розыске уже четвертую неделю.

— Да как же, Максим Юрьевич! — обиженно всплеснул руками Волохов. — Я же года три назад вам рыбные места на Мошенке показывал. Можно сказать, все секреты нашей речушки выдал, исключительно по своему к вам расположению...

Тут Бурцев и впрямь вспомнил, как здорово они порыбачили с Волоховым в то далекое лето. Он кивнул Григорию Лукичу и подошел к Василию:

— Шестаков! А вы что же не здороваетесь? А? Или совсем одичали в бегах?

Волохов недоуменно переводил взгляд с оперативника на своего постояльца.

— Так вы... знакомы? — выдавил из себя краевед.

— В некотором роде — да, — с иронией ответил Бурав. — Я имел сомнительное удовольствие допрашивать гражданина Шестакова в связи с гибелью его отчима. А потом сей гражданин взял, да и сбежал от следствия. Нервишки не выдержали, а, Василий Владимирович?

— Пожалуй, что так, — прошептал Вася.

— Ну-ну, дело обычное, человеческое, — продолжал глумиться подполковник. — Вы уж не обессудьте, но квартиру вашу мы изрядно перетряхнули. Там теперь такой бардак, что даже вам не снился никогда.

Шестаков в ужасе вскинул глаза на Бурава, и тот усмехнулся:

— Да-да, Шестаков. «Парабеллум» ваш мы нашли на антресоли. И изъяли, разумеется. Незаконное владение огнестрельным оружием — слышали о такой статье? Ее пока никто не отменял.

— Незаконное владение... И все? — с надеждой промямлил Вася.

— А чего еще вы ожидали? Что я предъявлю вам обвинение в убийстве отчима? Правда, хотел, было, да не получилось. Владимир Филиппович был застрелен из другого пистолета. Тоже «парабеллума», но совсем другим человеком. Дело закрыто в связи со смертью преступника. Так что можете больше не прятаться.

— Макс, — позвал доктор Груздин, — шашлык стынет, водка выдыхается!

— И то верно! — встрепенулся Бурав. — Ну, прошу в дом, что ж так стоять-то...

Шестаков бочком протиснулся в калитку, потом вдруг решительно посмотрел в глаза подполковнику и проговорил:

— Я прятался не только потому, что боялся ареста за убийство отчима. Есть еще одна причина...

Максим, поскрипывая половицами, расхаживал по комнате, пытаясь сохранить на лице невозмутимое выражение. Он практически не притронулся к шашлыку собственного приготовления, а стопка водки так и стояла наполненной.

Шестаков, Волохов и Груздин сидели за столом, но лишь Сергей Сергеевич непрерывно поглощал мясо, обильно сдобренное кетчупом, да периодически опрокидывал в свою утробу очередную порцию водки. Григорий Лукич попробовал шашлык чисто из вежливости, и по всему было

видно, что он не оценил кулинарный талант подполковника Бурцева. Василий вообще отказался от угощения. И это было понятно: то, что рассказывал Шестаков, никак не могло способствовать аппетиту. Разумеется, привычный ко всему доктор Груздин — не в счет.

Бурав нутром чувствовал, что рассказ беглого пациента Латницкой психиатрической больницы — истинная правда, от начала до конца. И все же в голове подполковника услышанное уместалось с трудом. А точнее — никак не уместалось.

— Что скажешь, док? Да перестань ты жевать, наконец! — обратился он к Сергею Сергеевичу.

— Послушай, Макс, случаи помрачения рассудка у психиатров — обычное дело. Видишь ли, шизофрения — болезнь чрезвычайно заразная. Она передается от человека к человеку посредством неких условных вирусов, именуемых в науке прионами. Эти микрочастицы пока не изучены, но они есть. Их успешно фиксирует современная аппаратура. Так что Ископаева — это не единственный случай. Несколько лет назад под суд попал главврач психбольницы в Хабаровском крае — он тоже истязал пациентов. А вообще-то...

— Что? Не тяни резину, — поторопил его Бурцев.

— Вообще-то, — вздохнул Груздин, — в психиатрию очень часто изначально идут люди с врожденными отклонениями в собственной психике. Их прямо тянет туда, в психиатрию. И, между прочим, именно такие деятели и становятся, как правило, известными и наиболее продвинутыми психиатрами.

— В данном случае, Серега, — с досадой прервал его Бурцев, — мы имеем дело с крайней стадией садизма. Однако... Думаю, что экспертиза института Сербского признает Ископаеву совершенно вменяемой. Ведь в нашем законодательстве садизм не является болезнью...

— Разумеется, — подтвердил Груздин. — И никто не будет копаться в душе Ископаевой — уж прости за каламбур. У нее ведь в душе, как у всех нормальных, я подчеркиваю — нормальных людей, одни потемки.

Бурав повернулся к Шестакову, взор его посуровел:

— Слушайте меня внимательно, Шестаков, и вникайте. Если то, что вы сейчас рассказали, не соответствует действительности, то клянусь, что я вас посажу. Вы не отделаетесь штрафом за незаконное хранение оружия — это раз. Плюс — заведомо ложные свидетельские показания с целью упечь за решетку невиновных людей. Это два. Итого — пять лет. Ну и как вам, Шестаков?

— Что «как»? — опешил Вася.

— Не надумали отказаться от клеветнических показаний? Решайте. Еще не поздно.

— Это не клевета! — вспыхнул Шестаков. — Это правда! И пока мы с вами тут говорим, в больнице продолжают мучить людей! А кого-то в этот самый момент, может быть, забивают насмерть!

— Да-да, Максим Юрьевич, — торопливо вмешался Волохов. — Мой друг говорит правду, уж вы поверьте. А чтобы уж совсем обосновать юридическую основу вашего вмешательства, готов предоставить вам второго свидетеля зверств главврача Ископаевой. Он живет в нашей деревне, в Ольгинском, его зовут Михаил Потапович Медведев.

После произнесения этого анекдотического имени Бурцев несколько секунд сосредоточенно смотрел то на Волохова, то на Шестакова, словно решая, не психов ли взаправдашных он видит перед собой? Потом махнул рукой:

— Пишите, Шестаков. Изложите на бумаге грамотным языком, без эмоций, все ваши показания.

Глава пятая

Максим Бурцев безуспешно пытался дозвониться по мобильному телефону до командира бригады ОМОНа капитана Дутова. Наконец на другом конце ответили.

— Алло, Дутов? — заговорил подполковник. — Привет старина, Бурцев тебя терзает. Да. Угадал. Совершенно верно, есть веселая работенка для твоих парней. Закисли, говоришь? Сейчас мигом подсластим. И поперчим заодно. Короче, предстоит операция по освобождению заложников. Угу... Я рад, что ты рад. Кроме гранатометов, экипировка полная. Да, нужны мины. Двери, возможно, придется взрывать. И гранаты со слезоточивым газом не забудьте. Где? Латницы, Раменский район. — Он на некоторое время замолчал, слушая ответ Дутова, а потом чуть ли не взревел: — Что-о?! Да что ты говоришь, тоже мне, законник нашелся! Нигде не записано, что силовое подразделение из одного субъекта федерации не может проводить операцию на территории другого субъекта. Все законно! Нет, я не могу обратиться в местную ментовку. Вот-вот, угадал: тут все куплено. В общем, так, Дутов, ты меня знаешь, я зря тебя подряжать не буду. Так что дуй сюда, через два часа жду тебя с архаровцами на своей фазенде. Тут и разрабатываем диспозицию, штурм начнем завтра рано утром.

Бурцев подробно объяснил капитану, как добраться до дачи, отключил мобильник и перевел дух.

Василий Шестаков и Григорий Волохов сосредоточенно пожирали раскаленную глазунью прямо из сковороды, оранжевый желток стекал по их подбородкам. Яйца привез краевед — мол, отведайте, господин подполков-

ник, ведь прямо из-под курочки. «Ишь ты, — усмехнулся про себя Максим, — прямо как в старину сельскому попу подношение харчами делает».

...Утренний холодок заставлял то и дело поеживаться, и Бурав горько раскаивался, что не надел свитер. В сыром тумане хриплый голос капитана Дутова, многократно усиленный полицейским «матюгальником», казалось, замирал в двух шагах, не долетая до ушей обитателей Латницкой психбольницы.

— Тамара Ископаева! — надрывался Дутов. — Изложите ваши условия или немедленно освободите заложников! Откройте дверь представителям закона!

Бурцев заметил допотопный раструб громкоговорителя, укрепленный над крыльцом, однако до сих пор из черной пасти радиорупора не доносилось ни звука.

Подъехать к психбольнице без шума и помпы не удалось, несмотря на то, что омовский микроавтобус не имел на бортах никаких опознавательных знаков, а окна были зеркально тонированы. Но сразу после железнодорожного переезда, возле Латниц, набитую вооруженными до зубов штурмовиками «Газель» попытался тормознуть патруль местного ГИБДД. Омовский водитель проигнорировал барский жест гаишника, и канаречный «уазик» тут же устремился в погоню за микроавтобусом с московскими номерами.

Дутов взял рацию, вышел на полицейскую волну и довольно грубо приказал преследователям убираться туда-то и туда-то, чтобы не мешать спецоперации ОМОНа. После этого УАЗ чуть отстал, но, тем не менее, продолжал следовать в фарватере «Газели». Определить, куда направляется бригада ОМОНа, для местных гаишников было несложно: Латницкая психбольница стояла на отшибе, и к ней вела единственная дорога, поворот на которую указал сидевший возле шофера Григорий Лукич Волохов.

Ясно, что гаишники сообщили о вторжении московского ОМОНа начальнику местного РОВД полковнику Трунину, а тот, в свою очередь, предупредил главврача Ископаеву... И теперь перед четырьмя парнями в армейском камуфляже под предводительством капитана Дутова тускло посверкивала запертая дюралевая дверь. И, похоже, вступать в переговоры с омовцами никто не собирался. Скорее всего, Ископаева сейчас названивает во все мыслимые и немыслимые инстанции, чтобы высокое начальство приказало капитану Дутову снять незаконную осаду медицинского учреждения.

Дутов нервничал, понимая, что время работает против него и его архаровцев. Он то и дело поглядывал в сторону гаишного «уазика», стоявшего на почтительном расстоянии от опасных визитеров.

— Это хорошо, что они за нами увязались, — деловито сказал ему Бурав. — Теперь в отчете ты можешь смело написать, что операция проведена с ведома местных правоохранительных органов и при их полном содействии.

— Какая операция? — огрызнулся капитан. — Как, по-твоему, я буду штурмовать здание, а? Через окна? Через дверь? Да ты погляди, что там творится!

Бурцев насупился. Из-за входной двери через равные промежутки времени чуть слышно доносился идиотский смех пациента: очевидно, он был прикован к дверной ручке. По этой причине нечего было и думать о том, чтобы взорвать замок специальной миной.

В окна Латницкой психбольницы лучше было вообще не смотреть. В каждом из них извивался ошалевший от ужаса пациент, намертво прикрученный к решетке жгутами из простыней.

Один из заложников особенно привлекал к себе внимание. Высокий стройный мужчина в цивильном халате и с аккуратно подстриженной бородкой, запрокинул бледное лицо, искаженное судорогой боли. Его раскинутые руки посинели от слишком туго затянутых жгутов. Распятый бородач за стеклом, да еще в обрамлении оконной рамы, здорово походил на икону. И подполковнику не хотелось думать о том, кого напоминает ему этот мученик.

— Это музыкант Крамской, — прошептал Бурцеву подошедший Василий Шестаков.

Минувшая ночь выдалась для всех участников сегодняшней операции довольно бурной. Никогда еще дача Максима Бурцева не принимала одновременно столько беспокойных гостей.

Дутов привез с собой четверых омоновцев, плюс — водитель «Газели». Волохов также изъявил настойчивое желание переночевать у подполковника, чтобы с утра ехать вместе со всеми на штурм психбольницы. Естественно, вместе с ним был вынужден остаться и Шестаков. Итого, включая самого хозяина и доктора Груздина, в двух комнатах и в тесной мансарде расположились десять человек.

Дутовцы грохотали коваными ботинками и оружием, со скрежетом вскрывали консервные банки сухого пайка, звенели алюминиевыми флягами со спиртом. Доктор Груздин как-то естественно влился в компанию выпивающих и закусывающих омоновцев, и ближе к полуночи деревянный дом буквально сотрясался от раскатистого хорового пения: «Комбат, батяня, батяня-комбат...»

Сергей Сергеевич знал почти все излюбленные солдатские песни, чем привел в немалое восхищение бедовых парней капитана Дутова. Сам Ду-

тов, невзирая на вакханалию, остервенело храпел в мансарде, улегшись прямо на полу...

Василий Шестаков не выдержал едких насмешек омовцев над своей дебелой фигурой и увел Волохова гулять по ночному поселку.

— Зачем мы здесь остались? — кипятился Вася. — Тут и без нас народу, как сельдей в бочке...

— Дурапляс, — кротко возразил Григорий Лукич. — Ты что, не понимаешь, что я вербую Бурцева в нашу золотодобывающую компанию? Лучшей «крыши» нам просто не сыскать!

— Уж больно он крутой и правильный, — с сомнением покачал головой Шестаков.

— Вот именно! — значительно поднял вверх указательный палец Волохов. — Такой никогда не обманет доверия. Если уж он согласится, то потом ни за что не предаст, не заложит нас, не отдаст под суд.

— Да с чего вы взяли, что он согласится участвовать в полузаконной добыче золота?

— С чего взял, с чего взял... — проворчал Волохов. — Ты слышал его разговор с этим омовским капитаном? Помнишь, Бурцев ругал начальство, что, мол, столько лет не дают ему звание полковника? Помнишь, как он говорил, что ему осточертела эта неблагодарная работа, что он собирается послать всех куда подальше, наняться куда-нибудь на большие деньги? А? Вот так-то, Вася... Согласится он, как Бог свят, согласится.

— Допустим, — был вынужден смириться Шестаков. — Но объясните, зачем нам с вами участвовать в захвате психбольницы? Я решительно не хочу этого!

— Надо, Вася, надо, — вздохнул Григорий Лукич. — Сдается мне, что там без кровопролития не обойтись. А кровь — она здорово сближает людей. После завтрашней совместной операции мы с Бурцевым будем своими людьми. С полным друг к другу доверием...

— Н-да, вы, оказывается, тонкий психолог, — задумчиво проговорил Шестаков.

— А то как же! — самодовольно хмыкнул Волохов. — Как-никак, я все же писатель. Инженер человеческих душ, едрена копалка...

Максим Бурцев с досадой посмотрел на часы: топтание прославленной бригады капитана Дутова возле жалкой одноэтажной психбольницы, на территории которой не было ни одной единицы стрелкового оружия, длилось уже больше получаса. Затея начинала попахивать позорным провалом.

— Что там? Женское отделение? — кивнул он в сторону соседнего здания.

— Да, женский корпус, — сдавленно ответил Шестаков.

В окнах белели, словно маски, встревоженные и любопытные лица пациентов.

— Тамара Ископаева! — надсадно кричал в громкоговоритель командир омовцев. — Ответьте мне! Изложите ваши требования! Освободите заложников! Вы совершаете тяжкое уголовное преступление, за которое ответите по всей строгости закона!

— Дутов, — произнес Бурав вполголоса, — прикажи своим людям бить окна и пилить решетки. Надеюсь, они сумеют никого не покалечить всерьез. Инструмент есть?

— Обижаете, товарищ подполковник... Вы же по телефону сказали: освобождение заложников. Значит, мы укомплектованы, как положено. Все потребное металлорежущее оборудование в наличии...

В этот момент громкоговоритель над крыльцом ожил. Сначала послышался треск, перемежаемый хрипом эфира, а затем воздух огласился звуками, которые заставили побледнеть даже непробиваемого капитана Дутова, — это был нечеловеческий вой, прорезаемый визгом и мольбами о пощаде. Кого-то из пациентов явно душили, и он издавал какой-то птичий клекот. Слышался злобный мат санитаров, лязг железных кроватей.

Ликующий женский крик перекрыл все эти звуки:

— Босс! Я сделала все, что ты хотел! Моя миссия закончена! Я иду к тебе, Босс!

Подполковник вопросительно посмотрел на Шестакова.

— Это Ископаева, — в ужасе пролепетал дрожащими губами Василий.

— А Босс... Это кто?

— Это... Это... Сатана! — с невероятным трудом выговорил Шестаков и конвульсивно перекрестился.

Расширенные глаза подполковника были устремлены в сторону окон психлечебницы.

— Смотри туда! — кричал Бурцев. — Смотри, ... твою мать!

— О господи... — прошептал Дутов. — Что это?

Рядом протяжно завыл Григорий Волохов, опрометью кинулся прочь... Омовцы, зачем-то выставив вперед укороченные автоматы, пятились назад, рыча, словно перепуганные собаки.

Музыкант Крамской бился об оконное стекло, норовя попасть лбом между прутьями решетки. Внутреннее стекло двойной рамы хрустнуло и посыпалось, а из порезанного горла Крамского хлынула ярко-багровая кровь. Распятый музыкант судорожно хватал воздух синими губами, пока на них не выступила алая пена.

Звон битого стекла слышался вдоль всей вереницы окон. Привязанные к решеткам пациенты сотрясались в кровавой рвоте. Кричать они уже не

могли. Зато со стороны женского корпуса доносились безумные истеричные вопли.

Стремительно подошел доктор Груздин, схватил за локоть Шестакова и с чудовищным спокойствием спросил:

— Скажите, в больнице есть кухня?

— Да... — пробормотал Вася.

— Плиты электрические или газовые? — бесцветным голосом продолжал допытываться доктор.

— Не знаю... Хотя... Да-да, точно! Газовые! Мы то и дело слышали запах, когда в пищеблоке готовилась еда...

— Ты все понял? — зловеще повернулся к Бурцеву Груздин. — Она открыла газ!

Дутов со стоном схватился за голову.

— Босс! — захлебывался женским криком репродуктор. — Я твоя! Встречай меня!

Дутов мгновенно вскинулся и завопил:

— Ложись! Всем лечь на землю!

Парни в пятнистом камуфляже попадали ничком, инстинктивно закрыв головы руками. Бурцев и Груздин рухнули одновременно, увлекая за собой остолбеневшего Шестакова.

Взрыв сотряс землю, обдал лежавших на траве людей жарким дыханием пламени. Все сразу оглохли, и мир вокруг погрузился в звенящую тишину.

Прошло несколько минут, прежде чем подполковник Бурцев смог подняться на одно колено. Он мотал головой, перед глазами плыли дымные, обгоревшие бревна мужского корпуса Латницкой психбольницы. Женский корпус стоял целехонький, только стекла из окон повывлетали.

Один за другим с земли поднимались оглушенные омовцы, кто-то хлопал себя по дымящемуся камуфляжу. Рядом праздничным факелом полыхала старая, наполовину высохшая береза.

Операция по освобождению узников Латницкой психиатрической больницы была провалена на все сто процентов.

Глава шестая

Капитан Каморин уже не мог разыгрывать перед женой приятную роль страдающего воина. Его длинная рваная рана, полученная при задержании крупного московского мафиози, совершенно затянулась и теперь почти не доставляла каких-либо неудобств. Алексей формально еще был на «больничном», но с каждым днем испытывал все более отчетливые угрызения совести. Это чувство неловкости особенно усилилось после того, как сво-

его молодого сотрудника навел на начальника отдела. В этом славном муровском отделе капитан Каморин по прозвищу «Комар» служил в тандеме с Буравом уже пять лет. И называлось подразделение отделом по раскрытию особо тяжких преступлений против личности. Но оперативники именовали его отделом убийств, или убойным отделом, поскольку именно розыск убийц отнимал львиную долю их ненормированного рабочего дня.

Так вот, в жилище Камориных нагрянул начальник отдела убийств Московского уголовного розыска полковник Кротов. Хват, как прозвали шефа муровские оперативники, осторожно перемещался по тесной квартире, а годовалая Ксюша во все глаза смотрела на огромную тушу полковника, явно восхищаясь такими габаритами.

— Позвольте вручить это вам, уважаемая хозяйюшка, — важно промолвил Кротов и протянул Ирине жиденький конверт. — Тысяча рублей. Премия, или компенсация за пролитую кровь — это уж считайте, как хотите... В любом случае, деньги вам не помешают. Хоть, правда, и небольшие...

Ирина вертела конверт в руках и строго посматривала на Комара. Тридцатилетний капитан смутился — он понял значение этого взгляда, в котором явственно читалась укоризна и даже обида. Годами Алексей обманывал доверчивую жену, внушал ей, что его работа нисколько не опасная, и Иришке совершенно незачем переживать за мужа. Она и прежде с подозрением относилась к его благостным словам об обязанностях оперативника, а теперь, после полученного Алексеем ранения, его многолетняя ложь предстала в полный рост.

Он решил не обращать внимания на взгляды любимой жены, а использовать присутствие в их квартире начальника на полную катушку, и бодро выпалил:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

— Обращайтесь, господин капитан, — милостиво кивнул Хват, выделяя своим трубным голосом слово «господин». В отделе убийств все давно подметили, что Кротов называл оперативника «товарищем» только в момент своего крайнего недовольства работой подчиненного.

Алексей повернулся к жене:

— Вы только не сердитесь, господин полковник, — замялся Алексей. — Я насчет отпуска...

— Ты, парень, схлопотал пулю, так что, с формальной точки зрения, на отпуск вполне можешь рассчитывать. В общем, пиши заявление и гуляй.

— Спасибо, Геннадий Иванович!

— Представляю, как взвзвывается Бурав, когда узнает о твоём отпуске! — ухмыльнулся Хват. — Ничего, пусть в одиночку месяц попашет, собственноручно отчеты посоставляет... А то он, поди, уже забыл, что это такое.

Полковник Кротов ни сном ни духом не ведал о том, что натворили Бурцев и Дутов минувшим утром в подмосковном городе Латницы. Он и представить себе не мог всех масштабов случившейся трагедии, из-за которой Бурава придется надолго отстранить от работы — в связи с неизбежным служебным расследованием по факту гибели десятков людей в мужском корпусе психиатрической больницы... Гибели, спровоцированной лучшим оперативником Московского уголовного розыска.

Как только Хват, напившись чаю-кофе и съев четыре хрустящие плюшки, отклонялся и покинул чету Камориных, на кухне призывно запел телефон.

— Как твое самочувствие? — спросил Бурав довольно грубо, и по его голосу было ясно, что здоровье Алексея совершенно не волнует подполковника.

— Нормально, Макс, — ответил Комар, и уже собрался, было, рассказать о визите Кротова, о премии, но Бурцев не дал ему и слова молвить:

— Давай ноги в руки, и ко мне на дачу. Один. Без Ирины. Сейчас я объясню тебе, как до меня добраться. Записывай...

Алексей даже побоялся спросить, за каким таким лешим он срочно понадобился Бураву в воскресенье, да еще так далеко от места несения службы, и покорно записал маршрут под диктовку Бурцева: слишком уж категоричным был тон подполковника.

Совершенно ясно, что случилось нечто из ряда вон. И Максим Юрьевич вызывает своего молодого напарника вовсе не для участия в совместной рыбалке и поедании шашлыков.

Глава седьмая

— Подполковник, сдайте оружие!

Молодцеватый начальник Латницкого РОВД Павел Трунин стоял перед Бурцевым и требовательно протягивал свою широкую ладонь.

Трунин согнал к дымящимся развалинам мужского корпуса психбольницы весь личный состав вверенного ему отдела внутренних дел, сняв с дежурств всех работников полиции поголовно, включая инспекторов ГИБДД, сотрудников ДПС, оперативников местного угро и постовых в здании мэрии. Полковник в срочном порядке вызвал из дома участковых, работников паспортного стола и даже полицейскую охрану Латницкого ювелирного завода.

Порядка шестидесяти человек в полицейской форме и в штатском, кто с автоматами, кто — с «макаровыми», в считанные минуты стянулись к месту трагедии. Трунин решил не оповещать о случившемся только Латницкий отдел СПЕЦСЛУЖБЫ. Но трое хмурых мужчин в серых костюмах на-

грянули без приглашения и теперь покуривали чуть в стороне, цепко наблюдая за происходящим.

Три машины «Скорой помощи» уткнули свои рыла в покосившийся от взрыва железный забор психбольницы. Санитары и врачи в перепачканных сажей голубых робах копошились в руинах, перебрасывая друг другу по цепочке фрагменты человеческих тел. Их сваливали в бесформенную, страшную кучу возле ворот.

Еще полчаса назад полковник Трунин мчался к месту взрыва с решительным намерением разоружить и арестовать московскую группу захвата, самоуправно вторгшаяся на территорию чужой епархии и натворившую тут черт-те что. Однако, лишь взглянув на горстку омонцовцев, Пал Палыч резко умерил свою прыть. Лица шестерых громил, включая Дутова и водителя, прямо-таки дышали убийством. Ясно, что они откроют огонь на поражение, не раздумывая, и будет им это в охотку, даже в радость. А вот в своих сотрудниках, хотя их и было вдесятеро больше, Трунин вовсе не был так уверен...

Нет, не стоит трогать ОМОН!

Другое дело — коренастый мужик в штатском, представившийся подполковником из МУРа. Он показался Трунину вполне безобидным. К тому же он — не из ОМОНа, и вряд ли парни в камуфляже вступятся за чужака.

— Сдайте свое табельное оружие, подполковник, — повторил Трунин, хотя в глубине души уже пожалел, что наехал на коренастого, уж больно пронзительным стал его взгляд, прямо-таки замогильным.

— Что-что? — прищурился Бурцев. — Вы меня собрались арестовать?

Боковым зрением побелевший Трунин увидел, как дула укороченных десантных автоматов в руках омонцовцев колыхнулись и ненавязчиво установились ему в живот.

— Нет-нет, — пролепетал начальник РОВД. — Просто... Для протокола... На предмет произведенных выстрелов...

— Обойдешься! — отрезал Бурцев и добавил: — А ведь это ты предупредил Ископаеву о нашем приезде. Эта гора мертвецов — на твоей совести! Хотя откуда она у тебя, совесть-то...

Начальник РОВД попятился и, нелепо раскинув руки, повалился навзничь, споткнувшись пяткой о дорожный бордюру. Вскочил, отряхиваясь и дико озираясь по сторонам. Все его люди, демонстративно убрав ладони с кобур и опустив до земли дула автоматов, тщательно делали вид, что смотрят в другую сторону. Им оставалось только поднять руки вверх, чтобы уж совсем не вызывать сомнений в своем искреннем миролюбии. К ним подошел Дутов и, свирепо раздувая ноздри, спросил:

— Арестовать его, товарищ подполковник?

— А куда мы потом денем этот мешок с дерьмом? — досадливо отмахнулся Бурав. — С собой, что ли, таскать будем?

— Ну, можно его допросить, — предложил Дутов.

— Проще сразу расстрелять, прямо здесь, на месте, — сказал подошедший доктор Груздин. — И свалить труп в общую кучу.

— Хорошая идея, — с серьезным видом кивнул Дутов.

«И впрямь расстреляют! Черти, нелюди!» — с ужасом подумал Пал Палыч и потрусил к своей «Волге», с твердым намерением просидеть там безвылазно до самого конца. Жаль, что он не может покинуть место трагедии...

— А ну, стой! — окрик Бурцева прозвучал, словно щелчок кнута. — Ты недослушал, милоч. Немедленно пошли наряд в коттедж Ископаевой. Пусть доставят в отделение всех, кого найдут. Живо!

Полковнику Трунину хотелось плакать от позора...

Максим вопросительно посмотрел на доктора Груздина, и тот медленно покачал головой. Этот немой ответ означал, что из обитателей мужского корпуса Латницкой психиатрической больницы никого в живых не осталось.

— Труп Ископаевой? — спросил подполковник.

— Пока мы можем с уверенностью говорить о трех женских телах, — буднично доложил Сергей Сергеевич. — Визуальному опознанию они не поддаются. Там ведь должны были быть повариха, санитарка, медсестры, другие врачи женского пола... Человек шесть женщин, как минимум.

— Дутов! — позвал подполковник. — Прикажи этому козлу, который в «Волге» отсиживается, пусть вертолет поднимает. Ну, пожарный какой-нибудь или гаишный... Пускай побарражирует по окрестностям, посмотрит руки-ноги-головы по крышам домов.

Через минуту Дутов вернулся и доложил:

— Все исполнено, товарищ подполковник... — Он помедлил немного и добавил: — Только мне непонятно, что мы-то с вами тут делаем, а? По моему, нам надо отсюда сниматься и отправляться к месту дислокации. Мы свое дело сделали, остальное — забота местных...

— Ты прав, капитан, — решил Бурцев. — Давай, грузи своих парней, езжайте на базу. Только забросьте меня с доктором на дачу...

— Там, стало быть, решили ареста дожидаться? — насупился Дутов. — Много-то не пейте, товарищ подполковник, мой вам совет... В Управлении собственной безопасности этого смерть как не любят. А я вот думаю сам сейчас поехать сдаваться. Авось не запрут под замок...

— Н-да... — Бурав почесал кончик носа. — Нам теперь с тобой, капитан, предстоят Сцилла и Харибда, Гог и Магог, Содом и Гоморра...

— Да уж, — вздохнул Дутов. — На месяц, как минимум, отстранят от работы...

— Ты слышал? Слышал?

Волохов в течение всего кошмара сидел в омовальной «Газели», пришел в себя лишь с минуту назад и теперь возбужденно толкал Василия локтем, шепча скороговоркой:

— Теперь у Бурцева ба-аль-шущие неприятности приключатся! Кумекаешь?.. Ан, тут и мы с тобой! Главное, чтобы его не уволили, и чтобы он сам не психанул, не послал всех куда подальше... Нам действующий Бурцев нужен, официальный, так сказать...

Шестаков ничего не отвечал. Он тупо уставился перед собой невидящим взглядом, в уголке рта показалась серая капелька слюны. Волохов тревожно всматривался в безжизненные зрачки Шестакова, тряс Васю за плечо:

— Эй, да что с тобой? Вася, брат! Очнись!

На хнычущий голос Григория Лукича подошел доктор Груздин, оценивающе окинул взглядом поникшую фигуру Шестакова, молниеносно поставил диагноз: глубокий ступор.

— Капитан! — позвал Сергей Сергеич. — Давай сюда двоих архаровцев, его сейчас в «Газель» грузить придется...

Доктор сбегал за своим саквояжем, с которым не расставался даже на отдыхе, вынул пару двухкубовых ампул реланиума. В глазах Шестакова мелькнул страх: вспомнил, видно, свое пребывание в капище Царицы Тамары...

Васю пытались оттащить в микроавтобус, чтобы сделать укол в салоне, но того словно прибили к земле железнодорожными костылями. Груздин сплюнул и ввел инъекцию стоявшему, будто монумент, Шестакову.

Вася закатил глаза и обмяк. Его подхватили и поволокли в омовальную «Газель».

Глава восьмая

Василий Шестаков спал полумертвым сном на кушетке в дачном доме подполковника Бурцева. Бурав и Григорий Волохов сидели за столом, выпивая невесть какую по счету чашку кофе, а доктор Груздин нещадно курил, расхаживая по скрипучим половицам.

На том, чтобы Сергей Сергеевич присутствовал во время разговора, настоял Максим, и Волохов был вынужден раскрыть тайну золотой речки Мошенка при постороннем, как ему казалось, человеку.

Бурцев теребил нижнюю губу, хмурился. Григорий Лукич закончил говорить и выжидательно посмотрел на подполковника:

— Ну так как? Вы согласны участвовать в проекте в качестве руководителя службы безопасности? Оклад — десять тысяч долларов, в месяц, разумеется. Плюс — полное обеспечение.

— Не слишком-то щедро с вашей стороны, — усмехнулся Максим.

— Назовите ваши условия, — обрадовано вскинулся Григорий Лукич. Бурцев начал торговаться, а это обнадеживает, да еще как!

— Назову, назову, — проворчал Бурав. — Вы сначала ответьте мне на один вопросик, любезный президент компании. Надежда Григорьевна Волохова, восемнадцать лет, — ваша дочь?

Краевед заметно побледнел и, запинаясь, промямлил:

— Нет у меня никакой дочери, и никогда не было...

— Вот как? А вы вспомните хорошенько... Длинные черные волосы, красавица... Она сейчас находится в психиатрической больнице имени Кащенко, в Москве. Скоро выйдет, между прочим... Вот будет встреча-то у вас с любимой доченькой, вот радость-то! А то ведь вы ее уже с осени не навещаете, видно, золотой проект все ваше время поглотил, а заодно и память отшиб.

Волохов с досадой понял, что закипать бесполезно.

— Да, вы правы, конечно, — с тяжким вздохом промолвил Григорий Лукич. — Надя — моя дочь. Но мне трудно о ней говорить... Мы в ссоре, давно уже. Сильно она меня обидела, опозорила...

— Это каким же образом, позвольте спросить? — поднял бровь Бурав. — Уж не тем ли, что полюбила нашего товарища, капитана Шилова? А? Так ведь его убили, что ж теперь девчужку-то не простить, не пожалеть...

— Да-да, разумеется, — с готовностью закивал Волохов. — Я простил ее... Просто... Я не знал... что вы знаете ее...

— Конечно, знаем, — с иронией ответил Максим. — Вы же от нее отказались, бросили на произвол судьбы. Вот нашему отделу убийств и пришлось взять шефство над Надей. Мы, Григорий Лукич, не оставляем в беде близких людей наших погибших сослуживцев.

— Ну, хватит, подполковник, не добивайте... У меня, между прочим, тоже сердце есть. И совесть.

— Это хорошо. Но вернемся к нашей насущной теме. Кто будет нашим главным партнером в реализации проекта? Кто покупатель золотоносного шлака?

— С этим все в порядке, — поспешно заверил подполковника Григорий Лукич. — Есть покупатель. Некто Трофимов Леонид Северьянович, владелец перерабатывающего завода под Калининградом.

Бурцев и Груздин многозначительно переглянулись. Трофимов — ближайший сподвижник Ардашкина-Долгорукого, один из главных участников затеваемого дела! Фантастика...

Вот оно, знамение свыше, вот сигнал, которого так ждал подполковник Бурцев! С трудом удерживая заколотившееся сердце, он спросил:

— А у вас уже есть договоренность с калининградским заводом?

— Нет еще, — признался Григорий Лукич. — Но... В Интернете сказано, что они скупают золотосодержащие отходы в неограниченных количествах. Я рассчитываю, что Трофимов согласится стать соучредителем нашей компании. Нам это выгодно по всем статьям.

Бурав кивнул и, поднявшись со стула, произнес:

— С вашего позволения, мы с доктором выйдем на пару минут, потолкуем. За мной, Серега!

На крыльце он схватил Груздина за отворот пиджака:

— Ты понял? Вся операция под контролем академика Ардашкина! Волохов ничего не подозревает...

— Похоже на то, — согласился Сергей Сергеевич.

— Мы должны вступить в дело, если хотим уничтожить Ардашкина, — безапелляционно заявил Бурцев. — Мы взорвем его будущую империю изнутри. А заодно покончим и с ним самим, если повезет. Ты как?

— Ты же знаешь, Макс, где ты — там и я. Назвался Груздиным...

— ...не говори, что не дюж, — закончил за друга подполковник. — А в кузов лезть пока не требуется.

— Лады, Макс, — пожал ему руку доктор.

Бурав вытащил мобильный телефон и набрал домашний номер Комара. Это был тот самый звонок, который раздался в квартире Камориных сразу после ухода Геннадия Кротова.

Друзья вернулись в избу.

— Ну что ж, Григорий Лукич, — сухо начал подполковник, — я согласен на ваше предложение.

— Слава богу! — непроизвольно вырвалось у Волохова.

— Так вот, — продолжал Бурцев, — договор можно заключить прямо сейчас, если, конечно, у вас уже имеются уставные документы.

— С этим придется подождать... — виновато потупился краевед. — Буквально пару деньков, не больше, уверяю вас...

— Хорошо. Мне все равно в Москву смотаться придется на несколько дней, разгрести все то дерьмо, в которое я угодил по вашей милости... А теперь выслушайте мои условия. Что касается оклада, то он пока меня устраивает. Подчеркиваю — пока, там видно будет. Далее. Я настаиваю на

том, чтобы в компанию «Родные просторы» были приняты еще два человека. Первый — перед вами, это Сергей Сергеевич Груздин, прошу любить и жаловать.

— И на какую же должность вы рекомендуете Сергея Сергеевича? — не слишком радостно спросил Григорий Лукич.

— Доктор Груздин — непревзойденный специалист по электронике и компьютерам, имеет международный диплом (Бурцев приврал, конечно, однако его друг важно кивнул). Так вот, он будет моим заместителем по электронной безопасности. Плюс — врачом нашего золотого прииска. Там ведь куча рабочих и специалистов предполагается, не так ли? Врач просто необходим, не вызывать же в случае чего «скорую помощь»...

— Это верно, — кивнул Волохов. — Тем более что доктор Груздин уже посвящен в проект. А кто второй ваш протеже, позвольте спросить?

— Весьма надежный человек, уверяю вас. Мой напарник по работе в МУРе, уважаемый всеми капитан Каморин. Через пару часов он будет здесь... Несмотря на молодость, обладает цепким аналитическим умом и наблюдательностью. Он будет держать под своим неусыпным контролем настроения сотрудников прииска, их разговоры и контакты с внешним миром.

— Шпионить, что ли? — хихикнул Григорий Лукич. — Что ж, это нужное дело, ответственное... Я согласен с обеими вашими кандидатурами, господин подполковник!

Знал бы Комар, ехавший сейчас в метро на станцию «Выхино», какую малосимпатичную роль уготовил ему его верный друг и покровитель Буррав! Алексей и представить не мог, что когда-нибудь станет штатным «сексотом»...

Глава девятая

Ранним утром, ни свет ни заря, на дачу к подполковнику нагрязнул Виктор Венгеров, он же Викинг, — сорокалетний малый спортивного вида, с тяжелым, изучающим взглядом из-под ухоженных бровей.

Викинг приехал в Ольгинское еще затемно, отпер избу Григория Волохова своим ключом и обнаружил записку хозяина, извещавшую, что он и Василий Шестаков находятся на даче знаменитого муровского оперативника Максима Юрьевича Бурцева — того самого, которого открыватель золотых залежей усиленно рекомендовал Венгеру в качестве ментовской «крыши».

Виктор тут же вновь оседлал свой черный «фольксваген» и двинул по указанному в записке адресу.

— Рад познакомиться, господа, — сухо, по-деловому приветствовал он собравшихся и пожал руки Бурцеву, Груздину и Комару.

Викинг был одет в строгий, стильный костюм, его модный галстук украшала рубиновая заколка. Василий Шестаков уже очухался после летаргического забытья и теперь нелепо хлопал глазами, взирая на представительную, внушительную фигуру Виктора. Что-то явно изменилось в облике и повадке Венгерова, и связано это изменение было не только с тем, что кладоискатель безжалостно сбрил свою тощую бородку и усы, состриг длинные волосы, вернувшись к короткой стрижке. Нет, тут что-то еще...

«Он ведет себя как главный, — дошло до Шестакова. — Да-да, именно так. Вот в чем все дело».

После того как Григорий Лукич представил новых участников предстоящей кампании, Венгеров снова взял слово:

— Что ж, господа, надеюсь, мы станем хорошей командой. А теперь позвольте поздравить вас с официальной регистрацией нашего акционерного общества закрытого типа.

Он достал из «дипломата» стопочку учредительных документов. Устав, банковские реквизиты, регистрация в налоговой инспекции... Учредителями ЗАО «Родные просторы» значились Волохов Г.Л. (президент), Венгеров В.Е. (исполнительный директор) и Шестаков В.В. — вице-президент по связям с общественностью.

Уставной капитал «Родных просторов» равнялся двумстам пятидесяти тысячам долларов США — это все, что сумел собрать Венгеров со своих банковских счетов. Согласно документам, Волохову принадлежали двадцать пять процентов акций плюс одна акция (блокирующий пакет), Венгерову и Шестакову — по двадцать процентов.

— А вот и сами акции, господа, — любовно извлек Виктор из того же «дипломата» увесистую пачку ценных бумаг. — Эти сиреневые облигации, господа, куда перспективнее, чем «голубые фишки»! Ну что, поделим свою долю сейчас, Григорий Лукич?

— Пожалуй, — облизнулся Волохов, а Шестаков поежился, косясь на стопку акций.

Венгеров посмотрел на толстяка холодным рыбьим взглядом:

— Ну, вы-то, любезный Василий Владимирович, получите свои акции только после того, как станете полноправным учредителем. То есть внесете хотя бы миллион долларов наличными.

Бурцев и Груздин с интересом наблюдали за происходящим, а Каморину почему-то стало неловко, словно он присутствовал при грабеже, а вмешаться не имел возможности.

Шестаков продолжал моргать глазами, и Венгеров дружески потрепал его по плечу:

— Ну-ну, Василий Владимирович... Все в порядке. Я уже начал переговоры с банком «Транс-Норд-Ист», надеюсь, вам все-таки выдадут миллион

долларов под обеспечение, то бишь под залог вашего огромного наследства. Советую сегодня же ехать в Москву вместе с этими господами. Думаю, восстановить ваш утраченный паспорт будет делом несложным. Если вам нужны деньги, вот, возьмите, — и он протянул Василию триста долларов.

— А... — начал, было, Шестаков.

— Я понимаю, о чем вы хотите спросить, — мягко произнес Венгеров. — Уверяю, вложенный миллион вернется к зиме в трех, а то и в четырехкратном виде. Гарантия — ваши двадцать процентов уставного капитала... Пятая часть прибыли, Василий Владимирович!

Бурцев придирчиво изучал учредительные документы. Венгеров понял задумчивость подполковника по-своему и, разводя руками, произнес:

— Сожалею, Максим Юрьевич, но вы, равно как Сергей Сергеевич и Алексей Алексеевич, вступаете в компанию только как наемные работники. Вам будут установлены очень высокие оклады, уверяю вас...

— Мы договорились с господином Бурцевым о десяти тысячах долларов ежемесячно, — вставил Волохов.

— Начиная с сегодняшнего дня, — счел нужным уточнить доктор Груздин, опередив Бурава.

— Хорошо, — кивнул Венгеров. — Как исполнительный директор «Родных просторов» я немедленно издам соответствующий приказ. Что касается вас, доктор, и вас, господин капитан, то, думаю...

— Шесть тысяч долларов каждому, как моим штатным заместителям, — безапелляционно заявил Бурцев.

— Идет, — нехотя согласился кладоискатель. — Приказ будет также подписан мною тотчас же.

— Скажите, — процедил подполковник, пробегая глазами документ. — Кто еще будет среди учредителей компании? Я вижу здесь незаполненный пробел...

— Я понял вас, подполковник. Довожу до сведения присутствующих, что в качестве четвертого соучредителя «Родных просторов» мы с Григорием Лукичом собираемся пригласить владельца Калининградского перерабатывающего завода Леонида Трофимова. Думаю, он не откажется. Мною уже начаты переговоры с этим бизнесменом. Он также получит двадцать процентов акций нашей компании. Остальные пятнадцать процентов минус одна акция останутся в резервном фонде. Кстати, я жду Леонида Северьяновича Трофимова со дня на день... Если это все, господа... — начал, было, Викинг и запнулся, встретившись с пронизывающим взглядом подполковника Бурцева.

Уже в который раз за время разговора Венгеров явственно осознал, что они с Волоховым совершают большую ошибку, открывая свои замыс-

лы и, более того, привлекая к осуществлению проекта этого коренастого муровца.

Непростительная ошибка. И уже непоправимая...

Впрочем, непоправимые ошибки случаются в этом мире не так уж редко. Беда в том, что этот Бурцев, будучи, судя по всему, человеком далеко не глупым, успел внедрить в «Родные просторы» сразу двух своих людей. И, если что-то пойдет не по сценарию, избавляться придется не от одного, а от трех человек.

А это многовато, видит бог, многовато...

— А-а-а, наш дорогой, уважаемый писатель и краевед! Входите, входите, милости прошу! Рад видеть человека, прославившего наш край!

Марк Валентинович Сквиря, мэр города Латницы, поднялся навстречу Волохову. Дебелое лицо мэра излучало искреннее радушие.

Григорий Лукич пожал протянутую мэром руку и уселся в предложенное кресло.

— Чем, так сказать, обязан столь приятному визиту? Излагайте, просите. Поможем, чем можем.

— Я к вам с проектом, хорошим, полезным для города и района... — медленно начал краевед.

Мэр одобрительно кивнул, и Волохов принялся обстоятельно излагать план обустройства заповедной зоны совсем неподалеку от Латниц, в пойме реки Мошенки. Здесь будут жить редкие животные и птицы, излучина реки превратится в рукотворное озеро. Гостиница для богатых туристов и просто отдыхающих, экскурсии по природному зоопарку, лечебные процедуры — все это в будущем принесет мэрии весомый доход.

— На сорок девять лет, стало быть, — задумчиво пробормотал Сквиря, разглядывая кальку с чертежом местности и учредительные документы «Родных просторов».

— Да уж, как водится...

Для того чтобы выгрести весь золотиносный шлак со дна реки Мошенка, вовсе не требовалось полвека. Следовало завершить всю операцию в максимально короткий срок, и учредители отводили на все про все не более года. Однако следовало соблюдать конспирацию — до тех пор, пока это будет возможным.

— Бизнес-план у вас имеется?

— Имеется, — коротко ответил Волохов и протянул мэру тощую папочку.

Марк Валентинович раскрыл ее, к немалому своему удивлению, увидел вместо ожидаемых денег скрепленные степлером листки бумаги с бизнес-планом и слегка нахмурился.

— А как же тендер, уважаемый... ммм... Григорий Лукич? Надо бы объявить конкурс...

— Помилуйте, Марк Валентинович, — снисходительно улыбнулся Волохов, — какой еще тендер? Ведь проект представлен не мэрией, а непосредственно группой частных лиц, кою я имею честь представлять как президент акционерного общества... При чем же здесь тендер, скажите на милость? А?

— Н-да, конечно... Хм... Редкие животные... ОТЕЛЬ... Лодочная станция... Рукотворный водоем для пеликанов и лебедей... Вы, стало быть, разбогатели, Григорий Лукич? Интересно, интересно... Может, научите, как вам это удалось? Я, знаете, тоже не прочь разбогатеть.

Казалось бы, намек прозвучал более чем прозрачно, однако Волохов и виду не подал, что понял, куда клонит Сквиря.

— Ах, Марк Валентинович, Марк Валентинович... Да разве ж в нашей стране можно озолотиться литературно-историческими трудами? Полноте! Где уж мне... От трудов праведных не наживешь палат каменных. Просто... Нашлись порядочные, богатые люди, которые любят Россию, родную природу... Альтруисты, можно сказать. Люди эти готовы вложить немалые средства в процветание нашего края. А поскольку я являюсь признанным авторитетом в области истории, культуры и экологии Латницкого района, мне предложили стать президентом компании. На общественных началах, между прочим. Не скрою, инвесторы очень рассчитывают и на мои добрые отношения с руководством города и района. С вами, например... А что касается моего материального достатка, — продолжал Волохов глумливо, — так, поверите ли, для меня даже плохонький компьютер купить не по карману. Работаю на пишущей машинке, дедовским способом. Ни тебе Интернета, ни электронной почты... Смешно сказать, я даже послание по электронке отправить не могу, вот ведь штука-то какая! — Последние слова Григорий Лукич произнес с нажимом, и улыбка на его лице погасла. Мэр и краевед несколько секунд молча смотрели друг другу в глаза.

«Так вот кто послал мне то анонимное письмо насчет зверств в Латницкой психбольнице! — понял Сквиря. — Ай да тишайший Григорий Лукич, ай да сермяжный писатель, краевед гребаный! Ладно, будь по-твоему... Уступим. А там видно будет. Не такой человек Сквиря, чтоб его за лоха держали, брали на арапа!»

Одно было непонятно латницкому градоначальнику: каким образом в это дело оказался замешанным сын могущественного Антона Шипило? После того как Сысоев доложил Сквире, что шантажист отправил электронное послание мэру с помощью шестнадцатилетнего Дениса Шипило, Марк Валентинович навел справки о пацане. Учится в десятом классе,

хорошо учится... Дружит с одноклассницей Викой. Пишет стихи, которые время от времени публикуются в местной газете «Заря коммунизма» (давно пора переименовать, между прочим).

Ха! Все ясно. В этой же газетенке постоянно печатает свои краеведческие опусы Григорий Волохов. Там-то, в редакции, они, видимо, и познакомились. И, судя по всему, этот мужичок-лесовичок имеет влияние на юного отпрыска директора ювелирного завода...

Марк Валентинович встал, протянул руку поднявшемуся из кресла Волохову.

— Что ж, Григорий Лукич, дерзайте. Нужно дело вы затеяли, полезное. Люди вам спасибо скажут, — поднимаясь с кресла, произнес Марк Валентинович. — А я со своей стороны постараюсь оформить аренду участка в самые ближайшие дни. Ну, завтра-послезавтра все будет готово. Так. Восемь с половиной гектаров... Сто тысяч рублей в год — такая арендная плата вас и ваших друзей устроит?

— Вполне, — кивнул Волохов.

Глава десятая

— Подполковник Бурцев, сдайте ваше табельное оружие!

Начальник отдела убийств Московского уголовного розыска Геннадий Кротов старался не смотреть на Максима, он смущенно сопел, теребя в своих мощных пальцах авторучку — ту самую, которой только что подписал формальное разрешение на проведение служебного расследования в отношении старшего оперуполномоченного Бурцева М.Ю. и его самоуправных действий на территории, неподотчетной МУРу.

Бурав коротко хохотнул. Нет, причиной такого неуместного веселья были вовсе не потешные переживания Хвата, который со скорбью предавал своего лучшего сотрудника на растерзание парням из Управления собственной безопасности ГУВД Москвы. Просто... Просто уже второй день кряду представители различных правоохранительных структур упорно стремились разоружить подполковника Бурцева.

Он с глухим стуком положил свой «Макаров» перед Чугуновым и Свитским — так представились господа из «собеза». Чугунов, приземистый битьюг с немигающим взглядом, проворно схватил пистолет, словно боялся, что подполковник вдруг передумает, да еще, чего доброго, откроет огонь по следакам. Что ж, случалось и такое...

— Обойма, — вполголоса бросил напарнику Свитский.

Чугунов придирчиво пересчитал патроны в пистолете и недовольно хмыкнул: боекомплект был целехонек.

— Гражданин подполковник, у вас ведь еще имеется наградное оружие? — вкрадчиво поинтересовался Свитский, долговязый субъект с неестественно тонкой шеей.

— Имеется, — с наигранной печалью вздохнул Бурцев. — Ничего не поделаешь, оказала мне Родина такую вот незаслуженную честь, — и покаянно развел руками.

— Господа, — твердым голосом, и в то же время примирительно, произнес Кротов, — для изъятия наградного оружия на время проведения внутреннего расследования нужны специальные санкции. У вас они есть?

— Пока нет, — с нажимом на слове «пока» ответил Свитский. — Что ж, приступим к допросу прямо здесь?

— Нет-нет, — поморщился Хват. — Если можно, то без меня... Вас проведут в отдельный кабинет.

Они расположились в кабинете заместителя Кротова, полковника Дергунова, который пребывал в отпуске. Чугунов набрал в легкие воздуха и начал сыпать вопросами:

— С какой целью вы оказались вблизи города Латницы?

— У меня там дача, — ответил Бурцев.

— Как вы получили информацию об якобы имевших место правонарушениях в Латницкой психбольнице?

— Из оперативных источников.

— Почему вы не сообщили об этом своему руководству?

— А зачем?

— Для дальнейшего информирования областных органов внутренних дел! — гаркнул Чугунов. Он все-таки вышел из себя, этот железобетонный носорог.

— Сведения были такого рода, — мягко пояснил подполковник, — что не допускали промедления, требовали незамедлительного вмешательства. Закон не возбраняет сотруднику МВД, коим я являюсь по определению, пресекать преступную деятельность, а тем более — опасную для жизни многих людей, даже на чужой территории. К тому же была суббота, впереди — воскресный день... Начальство отдыхало.

— Вот и вам бы следовало отдохнуть, тогда вы не сидели бы сейчас здесь, а продолжали свою повседневную работу, — назидательно произнес Свитский. — Вы понимаете, что превысили свои служебные полномочия, когда приказали капитану Дутову совершить вооруженное нападение на Латницкую психиатрическую больницу? Эта акция не была должным образом санкционирована, и, таким образом, вы и капитан Дутов совершили должностное преступление. Дутов, кстати, сейчас тоже под следствием. И, между прочим, дает признательные показания.

Бурцев скривился. Он представил, какими отборными выражениями кроет дознавателей прославленный ооновский капитан. Возможно, коллеги Свитского и Чугунова даже общаются с Дутовым через решетку или пуленепробиваемое стекло. Скорее всего, так оно и есть...

— Я не согласен с вами, коллега, — чуть фамильярно сказал он. — Бригада ОМОНа по моему устному заявлению — заметьте, заявлению, а не приказу — лишь пыталась предотвратить насилие над людьми. Но при этом, со своей стороны, ни я, ни подчиненные капитана Дутова насильственных мер не предпринимали. Оружие применено не было, равно как и не было вторжения в здание мужского корпуса психбольницы. В наших действиях нет ничего преступного...

— А у меня складывается совсем другое впечатление, — холодно возразил Свитский. — Вот показания начальника Латницкого РОВД полковника Трунина П.П., в которых он настаивает на том, что вы и Дутов угрожали ему оружием, собирались расстрелять, если Трунин воспрепятствует вашим противозаконным действиям. Более того, вы приказали Дутову готовить штурм мужского корпуса с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств. Так, во всяком случае, описывают ситуацию сотрудники патрульно-постовой службы, которые слышали ваш разговор с капитаном Дутовым. Н-да, так вот. Этим самым вы и спровоцировали главврача Ископаеву на неадекватные ответные действия.

— В таком случае, господин Свитский, любой работник правоохранительных органов, производящий задержание преступника, провоцирует его на агрессию. Более того. Исходя из вашей логики, вы, например, сейчас провоцируете меня неадекватно двинуть вам по морде. — Свитский невольно отшатнулся, а Бурав продолжал: — И получается, опять же по вашей логике, что, если я сейчас вкачу вам оплеуху, то служебное расследование надо будет проводить в отношении вас, а не меня?

— Прекратите юродствовать, подполковник! — прикрикнул Свитский и легонько шлепнул ладонью по столу. — Погибли люди, тридцать девять человек! Понимаете? Тридцать девять! Как вы можете после этого так себя вести...

— Не понимаю, — буркнул Чугунов.

Свитский внезапно успокоился и заговорил уже без всякой патетики:

— Это ведь уже третье служебное расследование в отношении вас, гражданин Бурцев. И всякий раз поводом для разбирательств были ваши совместные действия с капитаном Дутовым... Это, знаете ли, настораживает, наводит на размышления. Первый раз вы были под следствием четыре года назад, когда во время штурма особняка погиб ооонец капитана Дутова. Дело прекратили, ваши действия были признаны правомерными...

Второе расследование было совсем недавно, когда вы лично застрелили подозреваемого на его даче. И снова в вашу пользу свидетельствовал Дутов и его подчиненные. Дело опять прекратили, вам даже объявили поощрение по службе. Признаю, что здесь есть доля вины моих коллег: они допустили халатность, позволив вам безнаказанно продолжать работу в органах. Но на этот раз, подполковник, все будет по-другому. Обещаю вам.

Максим изучающее смотрел на Свитского. Что ж... Примитивная, стандартная принципиальность. Похвально, похвально. Наверное, он был когда-то примерным октябренок, пионером и комсомольцем. Только... Максим подметил, что обычно за нарочитой принципиальностью скрывается банальная жестокость, бездушие, эгоизм и, если брать все это вкуче, — низкий интеллект. Эмоциональная тупость, только и всего.

— Скажите, Свитский, — зачем-то спросил он. — Я что, вам лично неприятен?

— Да, не скрою, — с достоинством изрек следователь. — Исключительно неприятны. Отвратительны. Вы зарвались, подполковник. Вы возомнили себя невесть кем, таким вершителем судеб и правосудия. Вокруг вас постоянно гибнут люди. Трагедия в Латницах — закономерный финал вашей деятельности. Вы сознательно шли к этому всю свою жизнь. Да-да, сознательно! Свой авторитет — возможно, авторитет заслуженный — вы употребили во зло. Но главное... Главное в том, что массовая гибель ни в чем не повинных людей — это логическое следствие вашего характера, вашей натуры, всей вашей жизни. Но я уничтожу и ваш авторитет, и вас, — сверкнул глазами Свитский. — Не рассчитывайте, что гибель беззащитных людей в Латницах сойдет вам с рук. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы дело не ограничилось дисциплинарным взысканием. Я отдам вас под суд, подполковник! Уголовный суд. С реальным сроком тюремного заключения.

— По-моему, сейчас зарываетесь вы, гражданин следователь, — равнодушным голосом произнес Бурцев и поднялся со стула. — Я могу идти?

— Можете, — устало махнул рукой Свитский. — Только подпишите вот здесь и здесь...

Первая бумага была протоколом допроса, который усердно вел Чугунов. Вторая — подпиской о невыезде. Бурцев поставил два росчерка пера, поднял голову:

— Ставлю вас в известность, что я намерен немедленно вернуться на дачу. Надеюсь, подписка о невыезде не возбраняет мне копать огород? А то ведь, чего доброго, вы меня без работы оставите, без куска хлеба... Придется питаться плодами рук своих. Подножным кормом.

— Продиктуйте номер вашего мобильного телефона и можете ковыряться в земле, — кивнул Свитский. — Только вам надо задержаться еще

на пару часов. Вам предстоит собеседование с психиатром. Или психоаналитиком, называйте как угодно. Такова, извините, процедура служебного расследования...

Глава одиннадцатая

На подполковника добродушно взирал упитанный пятидесятилетний мужчина в дорогом костюме и в чеховском пенсне на мясистом носу. «Мода, что ли, у психиатров такая?» — невольно подумал Бурцев, вспомнив заведующего отделением больницы имени Кащенко, где содержалась Надежда Волохова, дочь президента компании «Родные просторы». У «Кащеля», по имени Артемий Кузьмич, было почти такое же золотое пенсне, как и у присланного институтом Сербского психиатра.

— Меня зовут Михаил Епифанович Саянов, — отрекомендовался специалист по умственным отклонениям и при этом потер руки, словно предвкушая обильную трапезу. — Так-с, приступим...

«Надо же! — подумал Бурав. — И имена-отчества у них под стать, какие-то ветхозаветные...»

Саянов придвинул к Максиму несколько листов бумаги с отпечатанными на них стандартными вопросами, числом сто сорок два. Напротив каждого стояли ответы «да» и «нет», так что испытуемому требовалось лишь подчеркнуть нужное, то есть то, что, согласно реакции его воспаленного мозга, представлялось больному соответствующим действительности.

Психиатр, склонив голову набок, сочувственно смотрел на растерянного оперативника. А растеряться было от чего: вопросы в длиннющей анкете были явно рассчитаны на личность «с приветом».

Дружелюбное расположение духа напрочь покинуло Максима Бурцева. Больше всего его раздражало то, что на каждый вопрос требовалось дать категоричный ответ: либо да, либо нет. Вся подлость заключалась в том, что Бурав мог всякий раз подчеркнуть любой из ответов. Он еще с минуту молча взирал на бледные строчки (наверное, уйму копий сделали в институте Сербского с одного четкого оригинала), потом решительно отшвырнул ручку и с чувством проговорил:

— Идите-ка вы к черту, уважаемый Михаил Епифанович! Это, воля ваша, издевательство какое-то, а не вопросы.

— Почему же? — с интересом посмотрел на подполковника Саянов.

— Да уж потому. Интересно, какие выводы вы сделаете на основании моих ответов? Ну, например: «Любил ли я в детстве свою мать?» Если я отвечаю, что любил, выходит, у меня эдипов комплекс, так, что ли? Или вот: «Любил ли я своего отца?» Да, любил. Значит, я что, имею склонности

к гомосексуализму? Идем дальше: «Верите ли вы в загробную жизнь?» Допустим, я отвечу, что верю. И вы тут же поставите мне диагноз, что я параноик? Или что у меня суицидальный бред?

— Я понял вас, — кивнул психиатр. — Вы отказываетесь заполнять анкету, не так ли?

— Совершенно верно. — Бурцев поднялся со стула и картинно склонился в полупоклоне.

— Что ж, благодарю вас, — сухо резюмировал Саянов. — Можете идти. Вы совершенно вменяемы. Так и запишем...

Бурав оторопело смотрел на Михаила Епифановича. Тот аккуратно снял золотое пенсне, протер носовым платочком сначала вспотевшую переносицу, затем принялся сосредоточенно тереть выпуклые стекляшки.

— Не удивляйтесь, дорогой подполковник. Я вам сейчас кое-что объясню. Анкета не так уж глупа, как это может показаться на первый взгляд. Тут главное — ваша реакция на самую формулировку, а не на суть вопроса...

— И как вам моя реакция?

— Вполне адекватная, — удовлетворенно кивнул Саянов. — Любой нормальный мужик на вашем месте послал бы меня к черту, а то и куда подальше. Вот если бы вы стали напрягаться, морщить лоб, обдумывая свой ответ, тогда я, пожалуй, действительно усомнился бы в вашем психическом здравии.

Бурцев неожиданно почувствовал симпатию к флегматичному доктору. А тот продолжал неторопливо:

— И еще. Видите ли, я не являюсь штатным сотрудником института Сербского. Просто я много лет кряду был специалистом в области криминалистической психиатрии и являюсь признанным авторитетом в этой сфере. Жизнь сложилась так, что теперь я всего лишь заведующий психдиспансером, но в институте Сербского у меня есть друзья-коллеги, однокашники по институту, и они частенько приглашают меня в качестве независимого эксперта. Это, знаете ли, неплохой приработок для такого неудачника, каким является ваш покорный слуга...

— А руководителей института Сербского устроит ваш диагноз? — с сомнением нахмурился Максим.

— Очень даже устроит, — ответил Саянов. — Там всячески приветствуется, когда первичная экспертиза признает подсудимого полностью вменяемым, ведь это дает возможность отдать его под суд и вклеить срок на полную катушку. Есть такое негласное указание сверху: по возможности объявлять нормальными даже явных сумасшедших. К тому же не надо проводить повторную экспертизу, собирать консилиум... Ваш адвокат ведь не будет настаивать, что вы психически больны?

— Не будет, смею вас заверить, — прижал руки к груди подполковник. — К тому же, надеюсь, мне все-таки не придется нанимать адвоката.

Саянов посмотрел на часы.

— Что ж, за каких-то двадцать минут нашей беседы я недурно заработал... А посему предлагаю посидеть где-нибудь за рюмочкой-другой коньяку. Я угощаю, разумеется. — И, заметив недоумение в глазах Бурава, пояснил: — Знаете ли, после каждодневного общения с выжившими из ума соотечественниками мне было бы приятно поговорить с умным человеком — так сказать, за жизнь. Тем более если этот человек — легендарный сыщик Максим Бурцев...

Бурав уже собрался, было, принять приглашение Михаила Епифановича, но внезапно в его мозгу шевельнулась гаденькая мыслишка: а вдруг это какая-то изощренная «провокация»? Как знать, кто платит этому психиатру и кто приплачивает...

«Положительно, я становлюсь болезненно подозрительным», — одернул себя Максим, но от предложения Саянова все-таки отказался, сославшись на то, что сегодня ему предстоит садиться за руль.

— Жаль, очень жаль... — грустно произнес психиатр. — И, тем не менее, я надеюсь и даже уверен, что вы передумаете. И мы пообщаемся.

— Что вы хотите этим сказать?

— Видите ли, — понизил голос до таинственного шепота Саянов, — это не институт Сербского меня сюда прислал ...

По спине Бурцева поползли мурашки. Черт, черт! Неужели...

— Впрочем, простите... Я не совсем точно выразился, — продолжал Саянов, почти не шевеля губами. — Я хотел сказать, что сам напросился на эту встречу. Случайно узнал сегодня, что вы отданы под следствие и вам предстоит пройти предварительное психиатрическое тестирование. Ну, и выхлопотал в институте Сербского возможность поговорить с вами.

— От чьего имени вы намерены говорить? — жестко спросил Бурав. — Кто этот человек? Или... Или это вообще не человек? Кто он?

— Он... Он... Тот, чье имя не называют, — отдельно выговорил психиатр. — Вы хорошо знаете этого человека. Вспомните... Тысяча девятьсот девяносто первый год, март месяц... Вспомнили?

— Вспомнил, — буркнул Максим. — Значит, тот, чье имя не называем, прислал вас говорить со мной.

— Не совсем так, — осторожно проговорил Михаил Епифанович. — Возможно, он знает, что я здесь... Возможно, догадывается, о чем я собираюсь вам сообщить. Но... Я пошел на этот шаг по своей собственной инициативе, уверяю. И еще: поверьте, мне есть что сказать вам. Так как?

Бурав тербил нижнюю губу. Как ни странно, он верил доктору Саянову. Но значит ли это, что следует рискнуть и выслушать сидящего перед

ним носителя информации? И, кстати, какой именно информации? Конечно, он и сам собирался разрушить predeterminedность бытия, взорвать отлаженный механизм, созданный академиком Ардашкиным. Но делать это следует обдуманно, подготовившись... А что, если он сейчас раньше времени проявит активность, спровоцирует Ардашкина на неадекватную реакцию?

«Ты снова рассуждаешь, как этот хмырь Свитский!» — одернул себя подполковник и по-деловому спросил:

— Что вы предлагаете?

— Давайте так. Я сейчас отправлюсь в институт Сербского с докладом о проведенном тестировании, потом буду у себя в диспансере. А вы подъезжайте ко мне, скажем, часика через три. Идет?

— Идет.

Бурав принял от Михаила Епифановича визитку с адресом психдиспансера на Юго-Западе, и Саянов отбыл.

— Увидимся! — бросил на прощание психиатр.

— Очень на это надеюсь, — сказал Бурав.

Он почему-то вовсе не был уверен, что когда-нибудь снова увидит Михаила Епифановича Саянова.

Глава двенадцатая

Маленькие — совсем маленькие! — но зато каждодневные радости в какой-то мере скрашивали «безвариантную» (как сказал бы Максим Бурцев) и однотонную жизнь психиатра Саянова. Чашечка кофе с дорогим коньяком, гаванские сигары да мимолетные, неутомительные соития с юной медсестрой Марусей... Все это отчасти примиряло Михаила Епифановича с тягостной необходимостью день за днем выслушивать бред сумасшедших.

Пятьдесят шесть — самый подходящий возраст для сибаритства. С одной стороны, еще не до конца утрачена острота восприятия плотских утех, еще смакуется коньяк, еще навевает блаженство аромат «гаваны», а с другой — уже не мешают наслаждаться бездельем, не терзают душу назойливые помыслы о переустройстве своей судьбы. О том, что в этой жизни надо что-то менять. Все эти тоскливые позывы — в прошлом. Чего уж теперь, под старость, гоношиться, догонять вчерашний день... Все поезда ушли давно, зато остался обустроенный, тихий, благополучный перрон. И, видит бог, на этом перроне тоже не так уж плохо.

Могло ли в его жизни быть что-то большее? Могло, конечно. И было ведь, было! Но он, словно зарвавшийся игрок, не смог вовремя остановиться, не распознал того момента, когда следовало бы сказать себе: «Стоп! Ставок больше нет. Зафиксируй выигрыш!».

Впрочем... Не твоя вина, что ты проигрался. Это не вина твоя, а беда. Тебя обманули, развели, подставили. Хорошо хоть, что, в конце концов, поступили благородно: не уничтожили до конца, кинули напоследок кусок пирога, дали заведовать районным психиатрическим диспансером. Пожалели. Все-таки Москва, не Луховицы какие-нибудь, не Лотошино. А могло быть и Лотошино, и Луховицы, и был бы ты сейчас, на склоне лет, не главврачом, а рядовым мозгоправом. Все к тому шло...

Подводным камнем в судьбе Михаила Епифановича стала самая его надежная, самая верная ставка в жизни — давняя дружба с коллегой-психиатром Вячеславом Градовым. Градов был начальником Саянова, когда, на излете советской власти, они служили в секретном НИИ Минобороны СССР. Верховодил здесь отец-основатель института, генеральный директор, академик Анатолий Семенович Ардашкин, а занимались в НИИ разработкой пресловутого психотронного оружия, которого, надо полагать, и по сей день нет — не только в России, а и вообще где бы то ни было.

Исследования в области психиатрии считались одним из главных направлений таинственной деятельности НИИ. А потому «психари» (чаще их в ардашкинском вертепе называли «мозгодуями», то есть продувальщиками мозгов), так вот, мозгодуи жили припеваючи. Огромные зарплаты, все мыслимые и немыслимые при старом режиме деликатесы. Шикарные квартиры в институтском поселке... Одна беда: с территории комплекса нельзя было выходить без личного разрешения самого Ардашкина. Да, в общем, не больно-то и хотелось покидать сей оазис благополучия и довольства жизнью! Ведь там, снаружи, лютовали нищета и зависть, тревога и неприкаянность.

К началу 90-х Саянов защитил кандидатскую по теме «Полное и частичное подавление воли индивидуума и стирание личностных характеристик». Стал заместителем Вячеслава Градова, бывшего «афганца», крупнейшего эксперта в сфере эмоционально-психической агрессии. Миша Саянов скопил изрядную сумму, причем — в конвертируемой валюте. В общем, твердо встал на ноги.

Даже разгон ардашкинского НИИ пошел на пользу Михаилу Епифановичу. Напоследок директор Ардашкин, доживавший последние дни на своем посту, позаботился о ведущих сотрудниках института. Всех очень хорошо пристроил, никого не обидел. Благородный, порядочный человек, что и говорить.

Саянову досталась должность главного врача Кудиновской психиатрической больницы, что в Егорьевском районе. Кто-то, может быть, усмех-

нется, скажет: а разве это не та самая «тьмутаракань», коей так страшился Михаил Епифанович? Ай, не торопитесь, уважаемые, не кривите презрительно губ! Посвященные люди знают о тогдашней специализации больницы в Кудинове: помимо особо опасных преступников, которые были признаны невменяемыми по данным экспертизы института Сербского, здесь содержали выдающихся диссидентов — писателей и поэтов, музыкантов и артистов. Даже спортсменов, по глупости ляпнувших что-то не то перед иностранными журналистами... И для всех них — а главное, для их друзей, оставшихся на воле, — царем и богом в одном лице был Михаил Епифанович Саянов. За коротенькое свидание, за возможность передать узнику хорошую еду и выпивку, друзья и родственники заключенных диссидентов отстегивали главврачу фантастические суммы. Вскладчину, видимо, собирали... А знает ли кто-нибудь, сколько денег вручали Саянову за то, чтобы заключенный мог увидеть, к примеру, свой опус, напечатанный во франкфуртском журнале «Посев» или в парижском альманахе «Грани»? Тайна сия, как и сумма, велика есть...

Но самые огромные подношения Михаил Епифанович получал за то, чтобы пациента перестали пичкать сводящими с ума препаратами. Тут шли в ход машины, прогулочные катера, подмосковные и черноморские дачи... Вот так-то, господа скептики.

Разумеется, Михаил Епифанович быстренько отладил надежную схему оформления благоприобретенной «движимости» и недвижимости на подставных лиц с последующей перепродажей ценностей грузинским махинаторам. И все шло хорошо, и подумывал уже доктор Саянов о том, чтобы самому заделаться диссидентом, переехать в прекрасную страну под названием Флорида...

Хорошо жил в Кудинове доктор Саянов, грех ему было жаловаться. А он возьми, да поддайся искушению... Да и кто бы не поддался, когда ранним зимним утром в полицейском «воронке» привезли к нему на лечение старинного друга-приятеля доктора Вячеслава Градова?

Градов, в отличие от Саянова, не избежал печальной участи многих людей их профессии. Заразился синдромом параноидальной психопатии, проще говоря — жаждой убийства. А может, он был болен с детства? Скорее всего, именно так. Потому-то и тянуло его в психиатрию, как упыря на скотобойню, как некрофила в морг.

Еще будучи сотрудником секретного НИИ Минобороны СССР, Саянов наслушался кулуарных разговоров о фронтовом прошлом Вячеслава Градова. Сын известного профессора медицины, избалованный мальчик, он в конце 70-х по недоразумению попал в Афганистан, где, к всеобщему

удивлению, с первых же дней показал себя настоящим героем. Казалось, он просто не ведал, что такое страх: первым шел в атаку на моджахедов, наводя на них ужас своим звериным воем. Легенды о невероятной истребительной мощи сержанта Градова ходили не только среди советских войск, но и среди формирований противника.

На втором году службы Градова комиссовали в связи с ранением, и он, орденоседец, вернулся в Первопрестольную. Окончил медицинский институт, быстро защитился по теме «Природа возникновения психологического надлома у ветеранов боевых действий». Никто не понял тогда, что Градов в кандидатской диссертации подверг тщательному анализу свое собственное умопомешательство...

Потом была работа в секретном НИИ Минобороны, а после разгона института — новое блистательное поприще. Немалые денежки, скопленные от щедрот академика Ардашкина, Градов вложил весьма толково. Пользуясь связями и «афганскими» льготами, получил под реабилитационный центр для афганцев старинную подмосковную усадьбу. Затем скоренько приватизировал эти хоромы с обширным парком и открыл здесь психиатрический санаторий для богатых. Клиентами Градова стали крупные бизнесмены, деятели культуры и политики, а также их многочисленные родственники, у которых «шарики зашли за ролики» от баснословных барышей, взявшихся буквально из ниоткуда.

И вот известнейший, солиднейший психиатр Вячеслав Градов — в наручниках! Идет по коридору Кудиновской больницы в сопровождении двух полицейских. Экспертиза института Сербского признала доктора невменяемым и определила его на принудительное лечение в самой страшной спецпсихушке России. Почему? За что? За серию убийств, совершенных Градовым в Москве. Накатил на ветерана очередной приступ жажды крови, и никак невозможно было ему утерпеть, обязан был он этот приступ утолить, загасить, купировать. И утолил, и загасил...

Михаил Епифанович в необычайном волнении ждал появления старого приятеля в своем кабинете. Это знак судьбы! Волей всемогущего случая серийного убийцу Градова направили именно сюда. Неслыханная удача, которую просто нельзя упустить, прошляпить.

Скрывая свои чувства от вошедших вместе с Градовым конвоиров, Михаил Епифанович стоял лицом к окну, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Услышал, как казенный голос возвестил:

— Особо опасный преступник Градов доставлен на принудительное лечение.

— Снимите с него наручники, — распорядился Михаил Епифанович, не оборачиваясь.

Здесь, в больнице, кончалась власть правоохранительных органов над осужденным. В этих стенах единолично вершил судьбы пациентов главный врач Михаил Саянов.

Звякнули браслеты, освобождая руки серийного убийцы, и главврач сказал, глядя в окно:

— Конвой свободен. Оставьте нас вдвоем.

Снова хлопнула дверь, и в кабинете повисла тишина. Саянов наслаждался паузой. Вряд ли Слава знает, кто именно занимает пост главврача больницы — они давно не общались, каждому было не до прежних друзей. Наверняка Градов сейчас с удивлением разглядывает сервировочный столик, накрытый посреди кабинета: бутылка отборного армянского коньяка, черная икра в объемистой деревянной плошке, лимон, нежнейшая ветчина, австрийские шоколадные конфеты «Моцарт», золотистый виноград...

Саянов картинно обернулся и со словами «Слава, дорогой...» шагнул к бывшему начальнику с распростертыми объятиями.

— Миша? Ты? — растерялся тот.

— Как видишь, Слава, как видишь. Собственной, как говорится, персоной...

Старые друзья крепко обнялись, постояли так с минуту.

— Ну, Слава, с прибытием. Наконец-то ты у меня в гостях, дружище. Сейчас мы с тобой отпразднуем встречу. Присаживайся, в ногах правды нет...

— Но нет ее и выше, — криво усмехнулся Градов.

И от этой знакомой шутки растаяло напряжение, повисшее, было, в кабинете; они снова превратились в давнишних коллег-приятелей, которым нечего скрывать друг от друга. Почти нечего.

— Ну, как, по первой?

— Давай, Миша. — Градов размял затекшие в наручниках запястья. — Сколько же лет прошло, а?

— Ой, много, Слава, уж на второй десяток перевалило, как мы с тобой не виделись. Ты-то все в эмпиреях, среди небожителей, а я вот тут, сам понимаешь...

— Ах, Миша, Миша, не криви душой! Эмпиреи... Теперь-то уж твое положение куда завидней моего.

— Ну, это еще как сказать, Слава, как сказать...

Саянов махнул свою дозу, дождался, пока Градов неспешно досмакует коньяк, и продолжил:

— А теперь насчет твоего якобы плачевного положения, Слава... Даже в строгорегимной психбольнице можно жить по-разному. Это я по поводу того, что тебя здесь ожидает.

— И что же меня ожидает? — мрачно спросил Градов.

— А то. Забудь напрочь обо всех тех ужасах, про которые тебе рассказывали и о которых ты сам, будучи психиатром, прекрасно осведомлен. Такой вот стол, — барским жестом обвел громоздящиеся яства Саянов, — да что я говорю, намного лучше, ожидает тебя, Слава, каждый день на протяжении всего твоего пребывания у меня в гостях. В гостях, Слава! Причем — недолгого пребывания, уж поверь мне.

— Недолгого? — Глаза серийного убийцы полыхнули огнем. — Но ведь за мной такой хвост тянется...

— Обрубим, Слава, обрубим, — подмигнул ему Саянов и захрустел лимончиком. — Тут ведь моя вотчина, я тут хоть и маленький, провинциальный, но — удельный князь. С неограниченной властью. Так вот, Слава, через полгода ты выйдешь на свободу. Как выздоровевший. На полную свободу! И уверяю тебя, это будут неплохие полгода. Конечно, по сравнению с твоим VIP-санаторием здесь, прямо скажем, не Парнас. Но и у меня есть сауна, солярий, бильярд. Ты ведь все еще обожаешь бильярд?

— Ну да...

— Для себя все делал, не скупился, — заверил Саянов. — А жить будешь в отдельной комфортабельной палате — как в хорошем отеле. Естественно, без всякой охраны, без замков.

Градов не скрывал своего счастья. Неспешно выпил еще один фужер коньяка, услужливо наполненный Саяновым, промакнул губы салфеткой и рассудительно проговорил:

— Но ведь ты, Миша, в определенной степени рискуешь. И потом, ты же не можешь не понимать, сколь великую услугу ты мне оказываешь.

— И рискую, и понимаю! — весело отозвался Михаил Епифанович. — Ты не обижайся, но, уж коль скоро ты сам торопишься расставить все точки над «i», то изволь, я готов высказаться до конца. — И Саянов вмиг посерьезнел: — Насколько я разбираюсь в юридических тонкостях, ты, Слава, и после приговора остаешься владельцем своего санатория. Как физическое лицо. Но исполнять обязанности главного врача ты не можешь — ни физически, ни по закону. И больше никогда не сможешь: тебя лишили врачебной лицензии пожизненно. Сейчас ты, Слава, — пациент психбольницы и недееспособен. Но через полгода, когда мы объявим тебя выздоровевшим, ты обретешь и дееспособность, и все права по распоряжению своим имуществом. То есть санаторием. Стало быть, вновь

станешь не только формальным, но и фактическим хозяином своего райского уголка. Так?

— Так, — подтвердил Градов.

— Ну и славненько! А тогда всего-навсего назначишь меня главным врачом твоего санатория. Я не слишком много прошу?

— Да боже мой! — воскликнул Градов. — О чем речь, Миша! Это самое меньшее, что я смогу сделать для тебя, дружище!

Глава тринадцатая

Четыре года назад Саянов был уверен, что совершил самую главную сделку в своей жизни. Достиг всего, о чем только мог мечтать.

Удар был нанесен, откуда не ждали ни Градов, ни Саянов.

Была у Вячеслава родная сестра, ничем не примечательная дамочка, о которой он, собственно, почти и не вспоминал в последние годы. А вот она о нем помнила! Лютую обиду на богатого и знаменитого братца холила в своей душе позабытая им сестричка. Уж больно мало, по ее представлениям, отстегивал ей Градов «на бедность» — каких-то шесть тысяч долларов ежемесячно (такое поручение Вячеслав Кириллович раз и навсегда предписал своему банковскому менеджеру).

В жизни всегда есть место подлости. И пока доктор Градов коротал полгода в Кудиновской психбольнице, его сестра не теряла времени даром. Ей удалось оформить опеку над больным братом. В успехе столь непростой затеи ей немало поспособствовал любовник — поднатюренный в подобных сделках адвокат.

Естественно, ни Градов, ни Саянов не были поставлены в известность о произошедших переменах в имущественном положении Вячеслава Кирилловича. Теперь всем градовским достоянием единолично распоряжалась его сестра!

И когда Градов, чья радость была сдобрена оформленными честь по чести медицинскими документами, вышел на свободу и явился тихим летним днем в свой санаторий, незнакомый ему главный врач лишь сухо поприветствовал номинального хозяина «райских кущей».

— Вы кто? — раздраженно перебил его Вячеслав Кириллович. — Вы, собственно, откуда взялись?

— Меня пригласила на эту должность Светлана Кирилловна, — с достоинством ответил «мозгоправ». — А вы, господин Градов, лучше задайтесь другим вопросом: кто вы-то, собственно, такой?

В кабинет вплыла сестра Вячеслава Кирилловича и с выражением сострадания на лице изложила суть вещей. Приторно улыбаясь, она попыталась погладить «бедного Славика» по головке...

Градов в бешенстве перехватил ее руку, сжал до хруста и прошипел:
— Ты труп, сестренка. — Потом повернулся к побелевшему главврачу: — И ты, ублюдок, тоже покойник!

Новая хозяйка санатория попыталась вырваться из клешни доктора Градова, но тот лишь сильнее сжал пальцы. Светлана Кирилловна взвизгнула и наотмашь ударила брата свободной рукой по лицу. На помощь ей кинулся главврач, и тогда Градов выпустил сестру и свалил тщедушного врача прямым ударом в челюсть. В кабинет ворвались санитары и «зафиксировали» Вячеслава Кирилловича...

Вся эта отвратительная сцена была запечатлена камерами скрытого наблюдения. Консилиум психиатров вынес вердикт: опасный рецидив параноидальной психопатии. Вячеслава Кирилловича передали в институт Сербского, где он вновь был признан невменяемым и направлен для продолжения лечения в психбольницу. Только уже не в Кудиново, а в Казань, где у Градова не было друзей среди медицинского персонала.

Естественно, следственные органы задались вопросом: как могло получиться, что доктор Саянов признал выздоровевшим и абсолютно нормальным человеком агрессивного, паталогического убийцу? Маньяка, который в первый же день своего пребывания на воле попытался убить коллегу и свою родную сестру!

Вскрылось все: и старая дружба психиатров, и обстоятельства того комфортного жития, которое предоставил Градову главврач Кудиновской лечебницы... Дальше — больше: к расследованию служебной деятельности Саянова подключилась спецслужба. Ох, как много материала, оказывается, скопилось в недрах этой службы на Михаила Епифановича! Информация о противозаконных поборах и «липовых» медицинских заключениях давно ждала своего часа. И этот час, как водится, настал.

— Что, тюрьма? — с тоской и обреченностью спросил Михаил Епифанович офицера, сидя с ним тет-а-тет в просторном кабинете на Полянке.

Офицера звали полковник Лисин. Квадратный, низкорослый службист пытливо, чуть насмешливо смотрел на убитого горем психиатра.

— Тюрьма — не могила... Впрочем, у вас есть аж целых два альтернативных варианта.

— Какие же?

— Вариант первый. Вы, дескать, помрачились рассудком на своей собачьей работе. Сбрендили, спятили, вальтанулись...

— Принудительное лечение? — ужаснулся Михаил Епифанович.

— Вы чрезвычайно близки к истине, — хмыкнул Лисин.

И довелось бы Саянову пойти по стопам чеховского психиатра из рассказа «Палата № 6», который сам оказался в роли истязаемого пациента

своей жуткой больницы... Но, слава богу, времена изменились, ибо офицер с Полянки изложил второй вариант:

— Тюрьма, как я уже сказал, не могила. Гм... А бедность — не тюрьма.

Вот так, в одночасье, пришлось Михаилу Епифановичу стать бедным. Отдал все, что было нажито непосильным трудом. И почел он это за благо...

Во время последней встречи с полковником Лисиным на конспиративной квартире Саянов получил от «квадратного» письменный приказ, завизированный начальником Мосгорздрава. Михаил Епифанович назначался на должность главврача психдиспансера в Беляево.

— Что скажете? Довольны? — улыбнулся Лисин.

Саянов был потрясен. Он отказывался верить в такую милость судьбы. Ведь Михаил Епифанович несколько не сомневался, что после «экспроприации» его огромного состояния он не надолго заживется на белом свете. Ан нет, это еще не конец игры... Еще будут ставки!

— Да как же... Как же такое возможно? — со слезами на глазах промямлил он.

— Один очень серьезный человек любит говорить: «В этом мире возможно все, только с разной степенью вероятности», — значительно проговорил полковник и, немного помолчав, веско добавил: — Некто могущественный помнит о вас и желает вам добра.

Саянов похолодел и прошептал внезапно севшим голосом:

— И кто же этот... некто?

— Тот самый, кто в свое время определил вас на должность главврача Кудиновской больницы.

— Он?! — воскликнул Михаил Епифанович. — Но ведь... Он застрелился осенью 1991 года! Он давно мертв!

Лисин посмотрел на Саянова с укоризной.

— А вы, оказывается, дурак, Михаил Епифанович, — с укоризной посмотрел на него Лисин. — Редкостный дурак. Прямо коллекционный.

Итак, академик Ардашкин жив! И, надо полагать, здоров. Хотя ему, по прикидкам доктора Саянова, сейчас должно быть далеко за семьдесят. Ну и что? Самое время вершить великие дела...

То, что Ардашкин по-прежнему имеет скрытое влияние в спецслужбах, — совершенно очевидно. Возможно, даже не влияние, а власть. И очень похоже на то, что распространяется она не только на секретные структуры...

Михаил Епифанович с болью осознал, что это не кто иной, как Ардашкин, присвоил его многомиллионное состояние. Руками полковника Лиси-

на. Сначала позволил Саянову нажать на посту главврача Кудиновской больницы, а потом прикарманил накопления своего наивного протеже! Лишил Михаила Епифановича капиталов, которые он сколачивал с риском для жизни и свободы. Теперь-то понятно, что вся история со Славой Градовым срежиссирована Анатолием Семеновичем, недаром академик столько лет в своем секретном НИИ Минобороны разрабатывал незримые методы управления человеческими особями!

Сделав такое открытие, Саянов не принялся метаться в бессильной злобе от стены к стене, не заламывал руки в отчаянии. Отнюдь! Ведь все могло закончиться для него куда хуже. Но где-то на окраине сознания, подспудно, зародилась и крепла ненависть к бессмертному академику.

Помимо воли Михаил Епифанович стал присматриваться к престарелым «персонам влияния», причем не только российским, но и зарубежным. В своем углу кабинетике главврач психдиспансера часами бродил в дебрях Интернета. Постепенно эти блуждания становились более-менее осмысленными, системными.

Разумеется, у Саянова хватило ума, чтобы не пытаться идентифицировать академика Ардашкина с кем-то из очень уж публичных общественных деятелей. По крайней мере, с теми, чье имя было известно до 1991 года. Анатолий Семенович притаился во мраке, это ясно, а поучительное изречение гласит: «Глупое занятие — искать черную кошку в темной комнате. Особенно если ее там нет». Но Саянов понимал, что «кошка» действительно прячется в укромном уголке... И однажды явственно тренькнул в его сознании тонкий звоночек. Вот он! «Его светлость князь Анатолий Долгорукий-Рюрикович». Наследник российского престола, бог весть откуда возникший на околополитических просторах Малороссии пару лет назад. Резиденция в Ялте...

Михаил Епифанович просветленно улыбнулся, откинулся на спинку кресла. Вспомнилось ему, как директор НИИ Минобороны Ардашкин любил отдыхать в Ялте, вспомнились имперские замашки академика. Вспомнилась и эффектная Тamarочка Ископаева, о которой все в ардашкинском институте знали, что она — любовница директора. С волнением набрал Саянов ее имя в поисковой системе компьютера... Вот и она! Ее Анатолий Семенович тоже пристроил, как и Саянова, главврачом психбольницы, только в Латницах.

А другие бывшие сотрудники секретного НИИ Минобороны? Саянов лихорадочно, словно грибник, набредший на урожайную полянку, складывал в свою корзинку имена и должности. И выходило так, что почти все более-менее заметные персонажи закрытого много лет назад института неплохо обосновались в нынешней действительности. Политики и банкиры,

научные деятели и личные астрологи сильных мира сего... Все при деле, все — персоны влияния!

Гм... Все, да не все. Память услужливо подбросила Михаилу Епифановичу давно, казалось бы, поистлевший в ее архивах неприятный случай. Авария в химической лаборатории НИИ Минобороны. Тогда из-за утечки токсинов серьезно пострадала молодая сотрудница. Как, бишь, ее? Груздина. Лариса Груздина. Химик. Жена системного аналитика Сергея Груздина, также подвизавшегося в ардашкинском вертепе. Только работал он за пределами НИИ, по спецзаказу. Что делал? Саянов не помнил. Помнил только, что Лариса вскорости умерла от рака. А что с Груздиным?.. Он, оказывается, ныне трудится на поприще судебно-медицинской экспертизы. Можно сказать — коллега. Только дело имеет не с отклонениями в психике, а с тяжкими ранениями, удушениями, отравлениями и прочими бяками, приведшими к смерти потерпевшего.

Все. Больше из Интернета ничего о Груздине выудить не удалось. Но врачебный мир тесен... И уже через день-другой Саянов исподволь разузнал некоторые подробности нынешнего жития-бытия Сергея Сергеевича Груздина.

Хорошо работает. Крепко пьет. И не менее крепко дружит с муровским подполковником Бурцевым. Бурцевым!

И вновь озарение... Как причудливо выстраивается пазл! Этот оперативник Бурцев в 1991-м перетряхнул чуть ли не весь НИИ Минобороны, допрашивал самого Ардашкина. А что привело следственную бригаду в стены института, запрятанного в домодедовских лесах? А вот что: за месяц перед тем в НИИ приезжала высокая комиссия — сплошь из военных тузов. После спектакля с демонстрацией научных достижений началась тривиальная пьянка, под занавес которой появились и девочки... Их взяли напрокат в райцентре — первых же, попавшихся под руку. А вскорости две «юные натуралистки» были найдены застреленными на обочине дороги — за длинный язык девчонок убили, надо полагать...

И вот из-за этого-то пустяка и разгорелся весь сыр-бор вокруг секретного института, полетели головы в Министерстве обороны, а святилище науки, возглавляемое академиком Ардашкиным, прикрыли «до особого распоряжения», которое не прозвучало и по сей день. Ибо двойное убийство было, разумеется, лишь поводом для масштабного расследования деятельности НИИ. А расследование показало, что в институте семь лет кряду проедали и растранижили казенные денежки.

Стоп! А ведь Слава Градов, когда они в очередной раз парились в сауне Кудиновской лечебницы, рассказывал Саянову, что именно подполковник Бурцев изобличил его как серийного маньяка-убийцу...

Итак... Ископаева, Груздин, Бурцев, Градов, Саянов и — Ардашкин, на котором замыкаются судьбы этих людей.

И все-таки Саянов чего-то не понимал. Вот уже какой день кряду он напрягал мозги, да все без толку. Чтобы пазл окончательно сложился, надо было поговорить с кем-то, прояснить невидимые нити. Но с кем? Ну, конечно же, с Груздиным.. Это проще всего — они, как говорится, «из одного курятника», судебные врачи. Несложно подгадать как бы нечаянную встречу. К тому же Груздин любит выпить, так что...

«Подгадывать» Михаилу Епифановичу не пришлось. Уже на следующий день, будучи в институте Сербского, он услышал дикую историю о взрыве газа в Латницкой психбольнице, унесшим десятки жизней. В той самой больнице, где главврачом была Тamarочка Ископаева.

А виновником трагедии, как явствовало из разговоров, был — о неисповедимое Провидение! — подполковник Максим Бурцев. Которого надлежало протестировать на предмет состояния психики.

Случайность? Совпадение? Стечение обстоятельств?

Не-ет! Это слишком серьезно, чтобы быть случайным.

И Саянов, не раздумывая, пустился во все тяжкие, добиваясь возможности встретиться с легендарным подполковником.

Зачем? Что он собирался сообщить Бурцеву? Саянов и сам толком не знал.

Лишь по дороге на Петровку, 38 Михаил Епифанович понял, какую именно тайну он должен открыть подполковнику Бурцеву. Пазл выстроился, сложился. То, что Ардашкин жив-здоров и скрывается под личиной князя Долгорукого, что Ископаева (очевидно, погибшая вместе с узниками Латницкой психбольницы по вине этого самого Бурцева) — креатура зловещего академика, что все они, в том числе Бурцев и Груздин, сидят в одной лодке — это, так сказать, лирика. Это, как любили выражаться ученые мужи на заре 90-х, «вопрос ментальный». Есть нечто куда более существенное... Настолько существенное, что дальше некуда.

Глава четырнадцатая

Подполковник Бурцев шел по коридору отдела убийств, с ним как-то странно здоровались сослуживцы. Казалось, они смотрят на своего прославленного коллегу испытующе, по-новому. И сомнения читались во взглядах «бравых ребятушек» — а за того ли человека мы долгое время принимали нашего старого товарища? А может, он действительно одержимый?..

Бурав чувствовал обиду. Он-то, едучи сегодня в МУР, нисколько не сомневался в том, что его будут ободрять, гневно понося дознавателей из «собеза»...

Нет, не ободряли, не говорили столь нужных сейчас слов. Максим и не подозревал, что настанет момент, когда он будет так остро нуждаться в человеческом участии. Что ж, верно сказано: друзья познаются в беде. А враги?.. Враги, очевидно, познаются в радости и счастье. Ты с удивлением замечаешь, как те, кого ты почитал за добрых приятелей, злятся и завидуют, глядя на твой успех...

Впрочем, об успехах нынче говорить не приходится. Они маячат где-то впереди, на просторных берегах речки Мошенка. «Родных просторах». Посмотрим, как поведут себя сослуживцы, когда Бурав обрушит империю академика Ардашкина!

У дверей своего кабинета подполковник помедлил. Затем все же достал ключ, отпер дверь. Отпер с досадой и разочарованием, так как в глубине души надеялся, что Комар там, в кабинете, ждет его, чтобы осыпать старшего напарника своими наивными утешениями. Или же плюшками Иришкиными угостить...

Но нет, дома Леха, собирает жену в деревню. Предвкушает, поди, как они с Максом станут золотодобытчиками. Джек Лондон в парне ожил, романтики ему захотелось! А Иришку он правильно отправляет куда подальше... Крайне рискованную авантюру они затеяли, что там ни говори.

Однако подполковник вслушивался в себя и не без удивления отмечал, что нисколько не боится вступить в игру под названием Операция «Золото». Сомнения есть, это да. Есть даже затаенные помыслы: плюнуть на всю эту затею с организацией прииска на Мошенке, послать все к чертям и разом арестовать всю шатию-братию: Волохова, Шестакова, Венгерова... Может, и академика Трофимова удастся зацепить, если Леонид Северьянович соизволит прибыть на место добычи золота. Тоже ведь громкое дело закрутится, тот еще скандальчик! На весь мир... Но среди фигурантов не будет Анатолия Семеновича Ардашкина. Вот в чем вся закавыка. Вот кого надо выманить на бережок «золотой» речки...

Максим подошел к окну и увидел, как по забитому машинами дворику ГУВД идет к воротам доктор Саянов. Уже через три часа Максим будет у него в диспансере, в Беляево. Он определенно чувствовал, что услышит от психиатра нечто важное, очень важное.

Бурцев подошел к тумбочке, ткнул кнопку электрического чайника. Никто не заглядывал в его кабинет, не стучался. Даже шагов в коридоре не слышно, похоже, все проходят мимо его двери на цыпочках. Смешно и грустно. Он плеснул кипятку в чашку с двойным пакетиком, снова подо-

шел к окну и машинально бросил взгляд во дворик. У ворот одиноко виднелась фигурка черноволосой девушки, одетой в белый плащ. Она всматривалась куда-то поверх деревьев. Взгляд скользил вдоль вереницы окон и вдруг остановился. Девушка смотрела на подполковника.

— Ну, здравствуй, Бурцев!

Надя Волохова виновато и нервно улыбалась, покусывала губы. «Прогонишь, да?» — спрашивали ее глаза.

Максим молча взял ее руку, повернул ладонью вверх, стал рассматривать причудливые линии. Прятал взгляд...

— Тебя... выпустили, Надя?

— Выпустили, — кивнула она, неумело изображая бесшабашность: — Проводи меня до дома, Бурцев! А?

И они пошли к Новопетровскому монастырю, потом — улочками ветхозаветными, потом — двориком с пожухлыми, слежавшимися прошлогодними листьями... Вот и знакомый подъезд, пропахший щами, сумрак, дерматиновая дверь...

— Ты ведь один у меня, Бурцев, — тихо сказала Надя. — Единственный. На всем свете.

Он перебирал пальцами ее черные волосы, едва успевшие отрасти за те два месяца, что они не виделись.

— У тебя... опять будут длинные... Да? Да? — несвязно шептал подполковник, сдерживая прерывистое дыхание.

Он так и не поехал на встречу с доктором Саяновым.

Ирина, положив руки на колени, сидела на стуле — точь-в-точь прилежная ученица. Комар расхаживал от балкона к двери, туда-сюда, туда-сюда. Молчали.

Посреди комнаты стояли вещи, собранные в дорогу: чемодан, корзина, спортивная сумка...

Ехать в деревню собирались завтра, но настроение у молодых супругов было отнюдь не чемоданное. Где она, радостная ажитация перед дальней дорогой в заповедный край? Нет ее. Каждый словно чего-то ждал от другого, только чего? Вот бы понять...

— Может, тебе фейхоа потерять, с сахаром? — жалобно предложил Комар.

К фейхоа Ирина пристрастилась еще в период беременности: молодой врач посоветовал есть как можно больше этого богатого йодом экзотического фрукта. И Комар был вынужден за компанию с женой поглощать эти серо-буро-зеленые плоды. Натирал их на терке, смешивал с сахаром и —

вперед, ложку за ложкой. «Мне — для маленького, а тебе для мозгов полезно», — приговаривала жена.

Алексей не пытался выяснить, с каких это пор его мозги стали нуждаться в подпитке извне, главное, что Ирине эта терпкая, вяжущая рот жижа почему-то жутко нравилась. Так нравилась, что фейхоа не переводилось у Камориных и спустя год после появления дочки.

— Не хочу, — шевельнула губами Ирина.

Не хочет фейхоа? Это серьезно, очень серьезно... Что ж, попробуем по-другому.

— Ириш, я тут сообразил... Вот я про золотые залежи тебе говорил. Да?

— Да, — откликнулась жена.

— Так вот, послушай. В русском языке есть слова «злак» и «злато». Это же родственные понятия! Злаки — они же золотом отливают. Или взять злачное место. Кабак. Там злато звенело, а потребляли древние выпивохи брагу и пиво. Напитки из злаков!

— Тоже мне, открытие сделал, — вяло отмахнулась Ирина.

— Тогда слушай дальше! Вот ты спросила — откуда у меня появятся деньги? Да все оттуда же! Зарплата за мою по-ден-ную работу. Деньги — то, что человек за день заработал, трудясь от зари до зари!

— Угу, — усмехнулась Ирина. — А котлета называется так потому, что ее варят в котле. А бульон — потому что булькает. — И вдруг сказала спокойно, без выражения: — Мы с Ксюшей никуда не поедем. Разбирай вещи.

Каморин остановил свой нескончаемый бег, замер. Опять сорвался с места, чмокнул Ирину в щеку, снова заметался — уже радостно, возбужденно:

— Успеется разобрать твои сумки! Так... Раз мы с тобой в ближайшее время не расстанемся, тогда... Тогда я в МУР! Там Бурава истязают охотники за скальпами. Я должен быть рядом!

— Опять Бурав! — всплеснула руками Ирина.

— Иришка! Милая! — взмолился Комар. — Вот ты... Ты... Ты же не бросаешь меня в трудную минуту. Как же я могу бросить Бурава?

Ирина, наконец-то, улыбнулась:

— Ты хоть сам-то понимаешь, какую чудовищную ахинею сейчас сказал? Как ты можешь сравнивать...

Уже через минуту Комар вприпрыжку мчался к метро.

Бурава он увидел, когда стремительно летел по Петровке. «По самой бровке». Подполковник и отчаянно красивая бледная девушка шли под

руку. Комар узнал девушку: Надя Волохова. Значит, ее выпустили из больницы имени Кащенко. И теперь она с Буравом.

От этой картины повеяло на Алексея недавно испытанным ужасом. Что такое? Почему созерцание безобидной живописной парочки так на него подействовало?

А вот почему. Надя Волохова в своем длинном белом плаще была очень похожа на девушку-привидение, стоявшую в лунном свете возле березки по-над речкой... Вот сейчас поцелует она Бурава, и — конец Максиму, пойдет он безоглядно в пучину гибели за этой девушкой, на беду по-встречавшейся подполковнику...

Стоп! Волохова. Она же дочь Григория Лукича, президента «Родных просторов»!

От этой простой догадки у Алексея polegало на сердце. Ну, конечно же! Бурцев, как это принято говорить, взял Волохову в разработку. Что-то выведывает. Или... Или хочет использовать ее против отца, который от нее отрекся?

Даже такой недотепа, каким был Алексей, сумел сообразить, что подходить к Бурцеву и Волоховой сейчас не надо.

«Зря уехал из дому», — скорбно вздохнул Комар.

Но раз уж он очутился на Петровке, надо зайти в отдел.

Капитан Каморин впервые за все время службы шел к начальству по своей собственной инициативе. Постучал в кабинет полковника Кротова, открыл дверь, не дожидаясь раскатистого «Входите!».

Хват стоял у окна и задумчиво смотрел вниз, испытывая какую-то душевную опустошенность.

Десять минут назад, увидев возле ворот Надю Волохову, он буквально расцвел сердцем. Кротов знал, что сегодня в обед девушку выписали из Кащенко больницы, где она провела много месяцев после гибели своего мужа Петра Шилова.

Хвату заранее сообщили о выписке Нади Волоховой потому, что все эти долгие месяцы он принимал самое, что ни на есть, отеческое участие в ее судьбе. В память о погибшем капитане Шилове... На свои деньги выписывал из Швеции самые лучшие лекарства, перечень которых ему вручал лечащий врач Артемий Кузьмич. Вообще, покупал ей все, что она пожелает. И к тому же... Когда Волохова заметно пошла на поправку, выхлопотал у «Кашея» особую льготу для девушки: на выходные ее отпускали домой. Водитель Кротова увозил Надю из больницы по пятницам и привозил вечером в воскресенье.

Так вот, увидев Надю внизу, у входа в здание ГУВД, Хват был уверен, что она после выписки первым же делом помчалась сюда, на Петровку, 38, чтобы выразить признательность ему, полковнику Кротову. Надо же, прямо из больницы, не заезжая домой... Значит, думала о нем. Помнила. Увы, она думала вовсе не о нем. И помнила не его, а Максима Бурцева. Вот он, везунчик, стремительно пересекает внутренний двор ГУВД, сближается с девушкой. Да-да, именно «сближается»... Берет за руку, разве что не целует.

А ведь они с Бурцевым практически ровесники! Оба вдовцы. Что же касается внешнего вида, то у Кротова он, безусловно, представительней. Богатырь! Давид и Голиаф!

Угораздило же их обоих влюбиться в одну и ту же девушку. В девушку на тридцать лет моложе влюбиться угораздило их, — на разные лады повторял про себя Хват. Ах, святой Варфоломей! И что за парадигма такая? Что за неизбежность коварная? Может, все дело в том, что Надя Волохова — родственная душа Бурава и Хвата? Может, незримые узы страшной тайны связывают их троих? Только вот выбрала она не полковника Кротова, а подполковника Бурцева.

Во время своих роковых отлучек из больницы имени Кащенко — отлучек, выторгованных начальником отдела убийств, между прочим! — эта хрупкая девчушка пристрелила девять человек. Отморозков, нелюдей. Выходила по ночам на охоту и мстила всему мировому отродью за своего Петю. И «попутно» разыскивала непосредственных убийц капитана Шилова, которых запомнила в лицо.

И вот теперь Бурцев и Хват молчаливо ее покрывают. Кроме них, никто на свете не знает, что девушка Надя — тот самый «Палач», которого уже пятый месяц тщетно разыскивают орды блюстителей закона. И еще более многочисленные орды бандюков, между прочим.

С месяц назад, когда Геннадий Иванович приехал в больницу имени Кащенко и узнал от Артемия Кузьмича, что Волохову можно вскорости выписывать, он решился на свидание с ней. Надя по-детски улыбалась, моргала глазами, теребя в руках своего любимого пупса. Кротова поразило и даже покорило это лицедейство.

— Вас скоро выпустят, Надя, — сказал он осуждающе. — И что дальше? Вы будете продолжать...

Он не смог заставить себя договорить. Но Волохова и так все поняла. Смешно вытянула губки трубочкой и, наклонив голову, посмотрела невинным, чуть озорным взглядом:

— Я больше не бу-у-ду, простите меня, Геннадий Иванович!

— Хм, как я понимаю, исполнители и заказчик убийства капитана Шилова...

— Угу, — радостно заморгала Надя. — Они умерли, Геннадий Иванович!

— Добре, — выдал свои истинные чувства Кротов. — Добре... Значит, будешь поступать в институт?

— Буду.

— А в какой, если не секрет?

— Хочу в археологический...

— Готовилась? — машинально спросил полковник и поперхнулся — еще как готовилась...

Надя кивнула...

А теперь он стоял и смотрел в окно на Волохову и Бурава, жующих мороженое. Эх, Максим Юрьевич, Максим Юрьевич... Увел. Взял под ручку и увел по Петровке, по самой бровке. Ладно, чего уж там... Бурав сейчас гораздо больше, нежели Хват, нуждается в обществе красивой девушки.

— Разрешите обратиться? — Каморин твердо смотрел в глаза начальника отдела.

— Валяйте, господин капитан, обращайтесь, — милостиво разрешил Кротов.

— В общем... Геннадий Иванович, я бы хотел выйти на работу.

— А отпуск? А поездка в деревню?

— Ну... Мы с женой решили отложить на пару недель, пока подполковник Бурцев отстранен от ведения дел.

— Хвалю, — одобрительно покивал Кротов. — Значит, за себя и за напарника решил повкалывать. Ну-ну. Добре.

— Как дела у Максима Юрьевича?

— Как, как... Сам понимаешь. Как сажа бела, вот как! И не приведи господь тебе попасть под служебное расследование, парень. Всю душу вымотают, все жилы. Эх, святой Варфоломей...

«Бурав все равно не поедет на Мошенку в ближайшее время, — размышлял Алексей. — Значит, и мне там делать нечего. Надо держаться вместе».

Глава пятнадцатая

Истина — самая дорогая стриптизерша. Просто так, за мелкую подачку, не обнажается. Ее надо очень долго, мучительно, а то и униженно, упрашивать. И платить, платить...

А потом, натерпевшись и заплатив по самому высокому тарифу, ужаснуться: до чего же неприглядна и ребриста не прикрытая одеждой истина! Да еще и смеется, бестия, над тобой: дескать, ты же хотел увидеть меня обнаженной, так получай! Любуйся!

Истина, открывшаяся Михаилу Епифановичу Саянову, была худосочна и больна желтухой. И еще она была стара. «Жизнь прожита впустую», — вот что говорил ее беспощадный взгляд. Досадно, что он увидел все это лишь теперь. А точнее — лишь утратив финансовое состояние. Как ни крути, наличие капитала отвлекает от помыслов о бездарно проведенном на этом свете времени.

Ведь что получается? Годами убивал свою совесть, мучил пациентов, сводил с ума талантливых людей... А результат? Пшик!

Еще два-три дня назад Михаил Епифанович спокойно подумывал о самоубийстве. Цианистый калий у него был. Пациент психдиспансера, страдающий суицидальным бредом, принес год назад, мол, заберите, доктор, а то, неровен час, отравлюсь... Саянов поставил склянку в шкафчик и на какое-то время позабыл о ней. Сейчас вот вспомнил.

Только действительно ли там цианистый калий? Поди, все это — лишь болезненные фантазии воспаленного сознания того бедолаги (который, надо сказать, потом все-таки повесился). Никакой там не цианид. Так, насыпал в пузырек селитры или стрептоцида, чтоб глядеть на него и воображать себя на грани самоубийства... А через какое-то время, как водится, и сам уверовал, что в склянке — смертоносные кристаллы.

Сегодня доктор Саянов не думал о яде. Он ждал подполковника Бурцева. Михаил Епифанович еще способен на поступок, он заварит новую кашу! И расхлебывать ее — вот что будет главным делом его неудавшейся жизни.

Пару месяцев назад, на Пасху, он забрел в церковь. Какая-то старуха протянула ему крашеное луковой кожурой яичко, и сразу вспомнилось детство, бабушкины пасхальные хлопоты. С этим-то яичком и пошел Михаил Епифанович на исповедь — самую первую в его жизни. Думал, может, после покаяния что-то изменится? Наладится? Молодой священник, привыкший к тому, что почти никто в своих грехах на исповеди не кается, а лишь произносит ничего не значащую дежурную фразу: «Грешен, батюшка», да и ныряет под епитрахиль, — так вот, он был явно удивлен и раздосадован, когда Саянов начал говорить.

Михаил Епифанович рассказал все — во всяком случае, так ему представлялось. Священник слушал и суровел, досада на словоохотливого грешника сменялась негодованием. Осуждением.

Наконец Саянов замолчал, и теперь заговорил священник, стараясь не выдать свою неприязнь:

— Почитайте Евангелие. Там есть эпизод. Бесы просили Христа: если прогонишь нас, то пошли нас в свиней. А паслось рядом стадо свиное. И послал Христос бесов в свиней. И бросилось все стадо с крутизны в бездну морскую и погибло... Вот так-то, брат.

— Я — свинья? — спросил Михаил Епифанович.

— Свинья, — кротко согласился батюшка. — Натуральная свинья. Вы поймите, о чем говорит Евангелие... Очень сподручно бесам в свиней входить. Свиньи — это те из нас, кто целью жизни сделал сытость, богатство, власть над людскими судьбами. Весьма удобопреклонны свиньи в бездну бросаться. И погибать...

Он, конечно, отпустил Саянову грехи. Сказал заученные слова, какие следует. Обязан был, только и всего. А будь его воля — кто знает, кто знает...

Михаил Епифанович понуро ушел прочь.

Потом Саянов не раз проходил мимо церкви, поглядывал: не зайти ли? «Да куда уж мне, со свиним-то рылом», — кипела в нем обида на священника. А зайти порой хотелось...

Нет, не отпущены ему грехи — это Михаил Епифанович ощущал явно. Так только, формальность батюшкой соблюдена. Не сложил с себя Михаил Епифанович тяжкий груз прошлого. При нем все осталось. Он еще придет в церковь, обязательно придет. Потом, когда все будет позади. И еще раз покается. Вот тогда... Тогда, может быть, жизнь изменится.

Психиатр сидел один в своем кабинете и ждал подполковника Бурцева.

Бурцев не пришел.

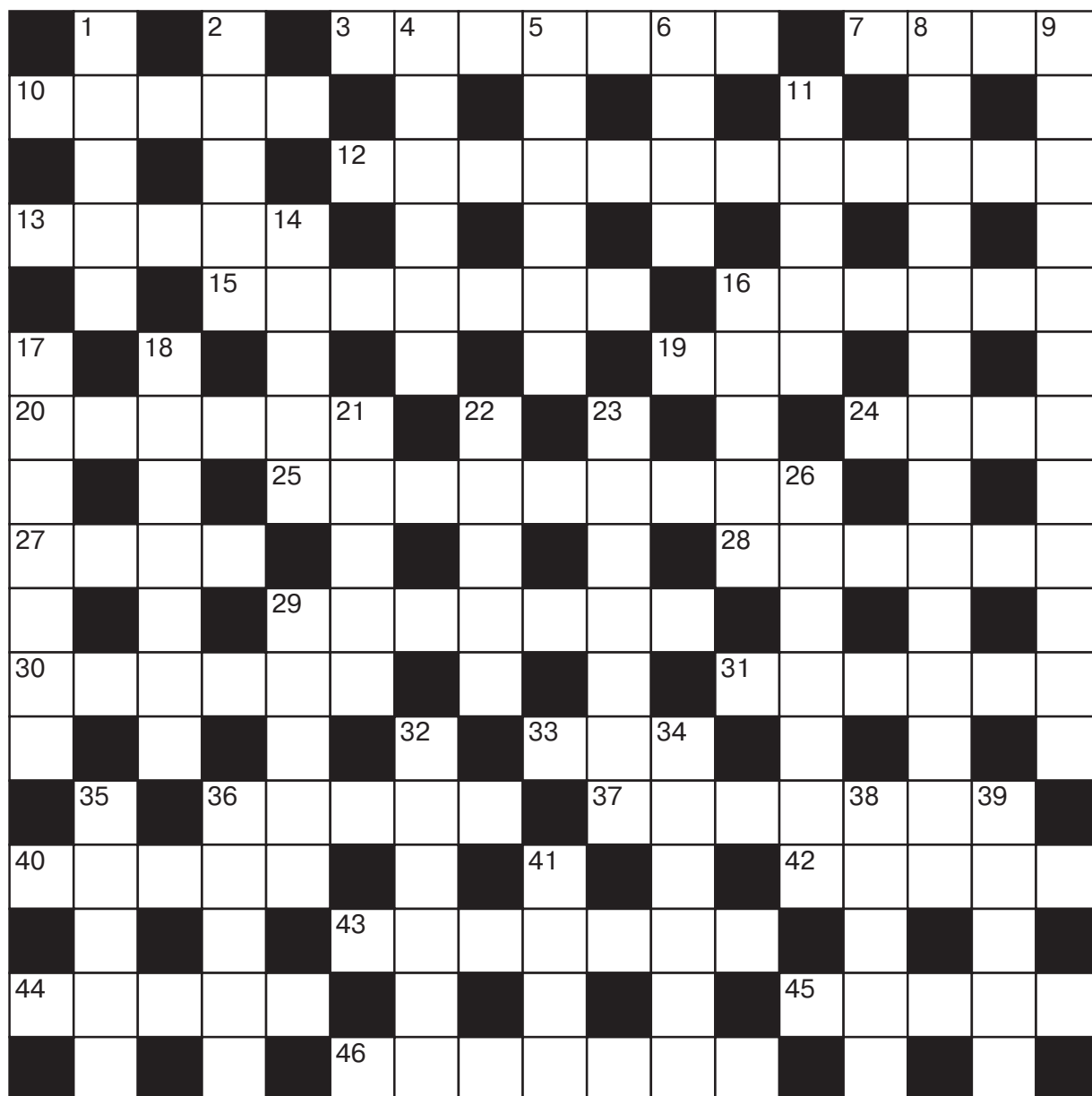
Значит, не придет никогда.

Михаил Епифанович все сидел и смотрел в одну точку. Потом медленно перевел взгляд на шкафчик.

Там стоит скляночка... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Искусство звезд». **7.** Чей сход с возу облегчает труд кобылы? **10.** Какую актрису из-за большого срока беременности пришлось прятать за дерево в сцене романтического поцелуя из фильма «Белые одежды»? **12.** Реальный сектор экономики. **13.** Любимый австрийский художник профессора

Лэнгдона из романов Дэна Брауна. **15.** Какой породы собачка Чапа из драмы «Москва слезам не верит»? **16.** Цветок «имени 8 марта». **19.** «От великого до смешного один ...» **20.** Французский классик, чьи творения переводил Михаил Лозинский. **24.** «Ответственно заявляю: я никогда не шутил, не шучу и шутить не со-

бираюсь» (великий художник). **25.** Где в боулинг играют? **27.** Как зовут героя гоголевского «Вия»? **28.** Мужская — правильной, а женская — интересней. **29.** Математический калибр. **30.** Велосипед для дуэта. **31.** Линейка с завихрениями. **33.** Танцы для Золушки. **36.** Говорящая птица из сказки «Снежная королева» Ханса Андерсена. **37.** Сталинский соратник, прозванный западными политиками «Господин Нет». **40.** Какая французская актриса дважды сыграла роль Марии Каллас — на сцене и в кино? **42.** Настольная книга муллы. **43.** «Еще неоткрытые острова» в мультфильме «Меч в камне». **44.** Какую кинозвезду с ее четвертым мужем познакомил Андрей Тарковский? **45.** Какой режим питания в холодную погоду дает гораздо более заметный эффект, чем в теплую? **46.** Кто из былинных богатырей стал героем оперы Александра Гречанинова?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чем виолончель в пол упирается? **2.** Откуда греческие боги свои дела вершили? **4.** «Фарфоровый гарнитур». **5.** Друг и

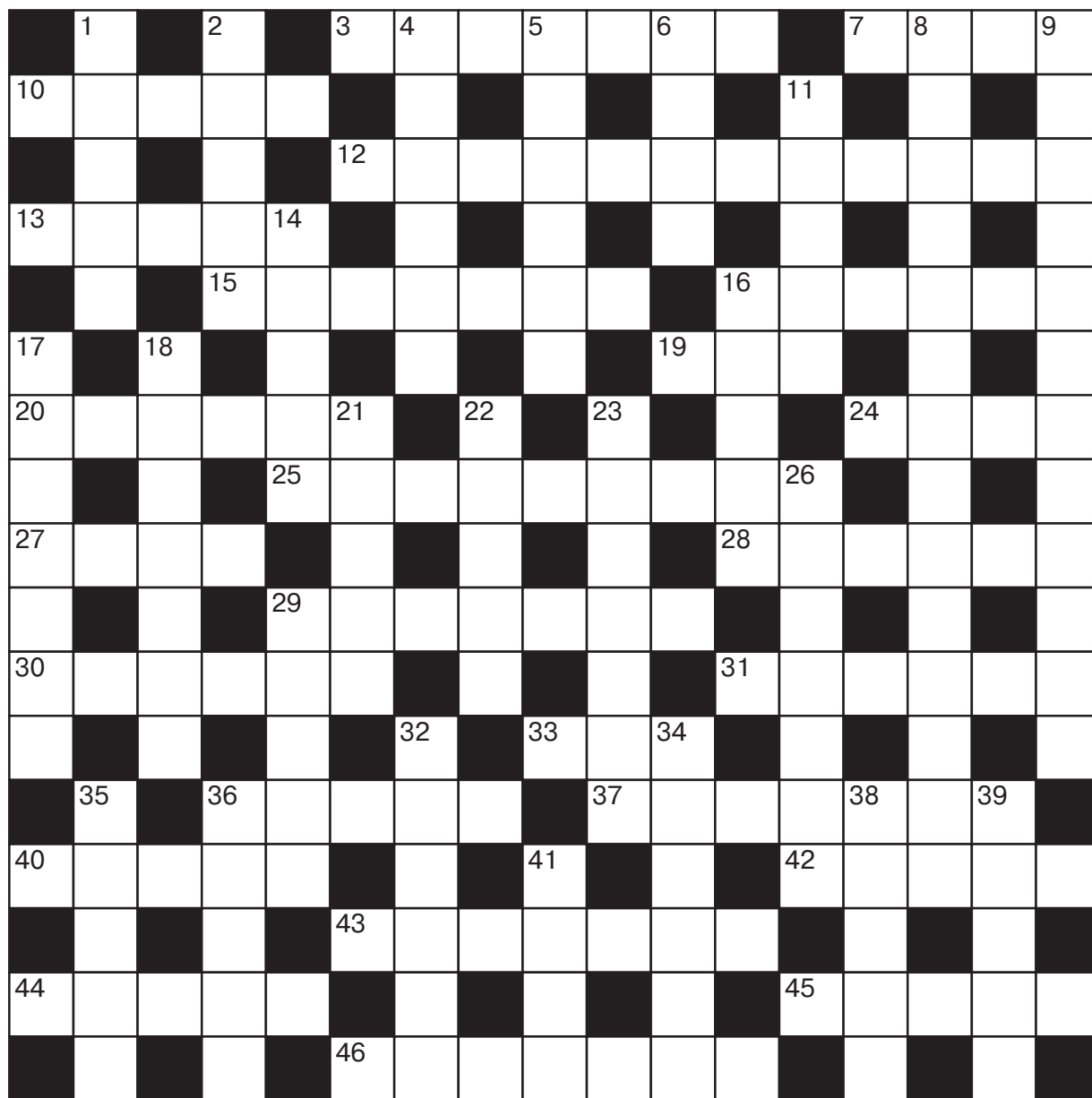
фаворит царя Алексея Михайловича. **6.** Белые скалы этого города натолкнули древних римлян назвать будущую Великобританию — «туманным Альбионом». **8.** Кто профессионально ориентируется в космическом пространстве? **9.** Душистый компонент. **11.** Синоним смещения. **14.** «Играет и воет, как зверь молодой» в пушкинском «Кавказе». **16.** Кому все панты норовят обломать? **17.** Вот умора! **18.** Какое имя связало Тимирязева с Ворошиловым? **21.** «Спортивное расписание». **22.** Чью теорему 300 лет доказать не могли? **23.** «Мне плевать на дядю Сэма, во ... я не поеду!» **26.** Жетон из театрального гардероба. **29.** Порожденец ада. **32.** Какой танец Мориса Равеля блестяще исполняла Майя Плисецкая? **34.** Столица с Трафальгарской площадью. **35.** Кухонное приспособление, превращающее курицу в «жар-птицу». **36.** Какой польский режиссер снял первый фильм о Катынской трагедии? **38.** «Собутыльник джина». **39.** «Контрольно-пропускной» пункт в общезитии. **41.** «Потеря» царевны Несмеяны.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Сплав. **7.** Опыт. **10.** Пингвин. **12.** Грохотанье. **13.** Джамаат. **14.** Удовиченко. **15.** Драмбуи. **17.** Экскурсия. **20.** Адрон. **23.** Ничья. **24.** «Уинер». **25.** Римус. **28.** Конус. **29.** Якорь. **30.** Набросок. **32.** Дарлинг. **35.** Ганнон. **37.** Фтор. **38.** Радикулит. **41.** Паре. **42.** Самаранч. **43.** Капли. **44.** Делп. **45.** «Красотка».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Диджериду. **2.** Агамемнон. **3.** Чимабуэ. **5.** Пиридоксин. **6.** Архивариус. **8.** Панини. **9.** Тремор. **11.** Уточкин. **16.** Икс. **18.** Яичко. **19.** Пьеро. **21.** Риббентроп. **22.** Недобор. **25.** Рокабилли. **26.** Муллеус. **27.** Снегопад. **28.** Код. **31.** Интим. **33.** Атлант. **34.** Бричка. **36.** Навар. **39.** Лавр. **40.** Таис.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Занавес в театре кабуки. **7.** Какой щенок нарушил домашний покой кота Гарфилда? **10.** Одна из 4 «букв» генетического кода. **12.** «Зона общения с духами» у древних греков. **13.** Брак из мусульманского права. **15.** Кодовое название испытаний термоядерного оружия, проведенных на архипелаге

Туамоту. **16.** Ниша в мечети, «смотрящая» всегда строго в сторону Мекки. **19.** «Самый цепляющий» слушателей отрывок из песни. **20.** Эстонские булочки с тмином. **24.** Какой драгоценный камень НАСА нашло на Марсе? **25.** Начальный этап работы над жостовским подносом. **27.** Карликовый сокол. **28.** Какая китайская

водка завоевала золотую медаль на Всемирной выставке в Сан-Франциско? **29.** Древние племена, составившие этническую основу курдов. **30.** В честь какого саркофага получил свое название один из городов Кипра? **31.** Единственная женщина, которой разрешалось спорить с Зигмундом Фрейдом. **33.** Самый первый курорт Французской Ривьеры. **36.** Генетический «минимум». **37.** Литературная форма норвежского языка. **40.** Синоним аргумента. **42.** Священная роща перед античным храмом. **43.** Кто спроектировал римскую площадь Святого Петра? **44.** Шерстяная «жатка». **45.** Музыкальный инструмент богини Хатхор. **46.** Деревенский писец прежде у индийцев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Окаменелая водоросль. **2.** Шлем на Илье Муромце с васнецовской картины «Богатыри». **4.** Первый древнегреческий поэт, кто известен по имени. **5.** Гонщик слонов из Таиланда. **6.** Лучший рис для приготовления суши.

8. Екатеринослав нашего времени. **9.** Электронное устройство против угона автомобиля. **11.** Земля-4 у Сергея Лукьяненко. **14.** Кто знает Коран наизусть? **16.** Город во Владимирской области, чьи жители выступили инициаторами проведения Дня семьи, любви и верности. **17.** Мексиканский пляж с плавающими черепахами. **18.** Японец, составивший первую научную классификацию снежинок. **21.** Армянские сани. **22.** Узбекский танец. **23.** Кто сделал знаменитое бюро с Аполлоном, покрывшее сердце Екатерины Великой и выставленное ныне в Эрмитаже? **26.** Афинский холм с видом на Парфенон. **29.** Создатель легендарного Колосса Родосского. **32.** Испанский хамон. **34.** Основатель винного дома, первым начавшего выпуск розового шампанского. **35.** Ситуация при игре в крикет. **36.** Кого тренирует Микки Голдмилл? **38.** Какая певица стала второй женой Гектора Берлиоза? **39.** Графство на французский манер. **41.** Ранний псевдоним Николая Гоголя.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Юстин. **7.** Халк. **10.** Гумерал. **12.** Трифолиата. **13.** Тонняга. **14.** «Сталинград». **15.** Кардифф. **17.** Фиксатуар. **20.** Магог. **23.** Раста. **24.** Томос. **25.** Ганаш. **28.** Батат. **29.** Биера. **30.** Стунгнар. **32.** Харосет. **35.** Макура. **37.** Муэр. **38.** Авианосец. **41.** Таль. **42.** Вайоминг. **43.** Плутто. **44.** Сыск. **45.** Граффити.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Куропалат. **2.** Технодром. **3.** Чаргафф. **5.** Стратостат. **6.** Инфильтрат. **8.** Асатру. **9.** Куандо. **11.** Элинвар. **16.** Фиш. **18.** Радий. **19.** Стерх. **21.** Гомункулус. **22.** Горгера. **25.** Гараманты. **26.** Набоков. **27.** Асоматос. **28.** Бах. **31.** Тезей. **33.** Гудини. **34.** Грогги. **36.** Авила. **39.** Сайр. **40.** Цопф.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru | в мобильном приложении Почты России | через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

